

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Научный журнал

*Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год*

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство Эл № ФС77-85316 от 15 мая 2023 г.*

Главный редактор

МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора

НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь

ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Размещено на сайте 26.12.2024

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founder and Publisher:

Founded in 2023
Published 4 times a year

10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor),
certificate Эл № ФС77-85316 dated 15.05.2023*

Chief Editor

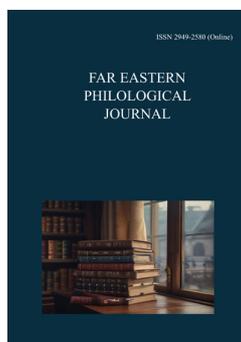
Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor

Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Roman and German Philology, Professor of the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary

Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Editorial address:

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Published on 26.12.2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕВА Екатерина Викторовна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГАЙНУТДИНОВА Дарья Александровна	магистр, ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГРИГОРЬЕВА Юлия Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна	доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КИСЕЛЕВА Мария Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОХАН Ирина Николаевна	канд. филол. наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА Ирина Владимировна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА Надежда Семеновна	канд. филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ Александр Николаевич	канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СТАРОДУМОВА Елена Алексеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА Елена Сергеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АЙ Хуэйжун	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)
АНДРОСОВА Светлана Викторовна	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор ист. наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария).
КИРЕЕВА Наталья Владимировна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филол. наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицян	канд. филол. наук, доцент Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филол. наук, доцент кафедры литературы Северо-восточного государственного университета (Магадан, Россия)
САЙ На	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филол. наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
ХАЧАТРЯН Наталья Михайловна	доктор филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)
ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна	доктор филол. наук профессор, заведующая кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

EDITORIAL TEAM

Ekaterina V. BONDAREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Daria A. GAINUTDINOVA	Master, Senior Lecturer at the Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Yuliya S. GRIGORYEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Maria S. KISELEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Roman and German Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Olga N. ALEXandroVA-OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana E. AUTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusova (Yerevan, Armenia)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan, Russia)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

5.9.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Урманов А.В.* «Амурские волки» – «Тайны Зеи»: эпизод творческого соперничества в литературе Приамурья начала XX века.....9
- Киселёв А.А.* Пушкинские мотивы в повести Салиаса «Такие дни».....22

5.9.2. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

- Червякова Д.Ю.* Мотив окна в произведениях Джона Фаулза 1960–1970 годов29
- Задорожная А.А.* Поэтика стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата»39

5.9.5. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

- Ху С.* Конструктивные свойства союза *всё равно что*50

5.9.8. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Мори А.* О различиях в словоупотреблении японских глаголов существования / местонахождения «аги» / «иги»: на основе современных исследований57
- Дыбовский А.С.* Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка71
- Тихоненко В.А.* Пейоративная коннотация личности в корейской идиоматике 103
- Сбоев А.Н.* О расширении сферы употребления обращения 老师 в современном китайском языке 112
- Пивоварова Е.В., Стружкина Н.И.* Устная медицинская коммуникация на немецком языке между врачом и неспециалистом: особенности употребления терминов (на примере подкастов медицинских передач Norddeutscher Rundfunk) 125
- Михеева И.В., Баран Т.С.* Сравнительный анализ реализации коммуникативной стратегии дискредитации в женском англоязычном и франкоязычном политическом дискурсе 136
- Мухаметова А.И.* Роль переводческих трансформаций в акцентуации значения языковых единиц (на примере немецкого перевода романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets») 151
- Бондарева Е.В.* Особенности заимствования неологизмов из английского в русский и испанский языки: сопоставительный анализ 159
- Дардыкова Н.В.* Грамматикализация послелогов в турецком языке 169

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПЫТЫ

- Торгунова Д.А.* Русская, немецкая и английская бытовая сказка как основа межкультурного взаимопонимания 178
- Мариноха-Михальская С.В.* Функционирование библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго 190

CONTENTS

5.9.1. RUSSIAN LITERATURE

<i>Urmanov A.V.</i> “Amur Wolves” – “Secrets of Zeya”: an episode of creative rivalry in the Priamurye literature of the early XX century	9
<i>Kiseliov A.A.</i> Pushkin’s motifs in the novel of Salias “Such days”	22

5.9.2. WORLD LITERATURE

<i>Chervyakova D.Y.</i> The window motif in John Fowles’s fiction of 1960–1970s.....	29
<i>Zadorozhnaya A.A.</i> Poetics of Charlotte Brontë’s Poem “Pilate’s Wife’s Dream”	39

5.9.5. RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLE OF RUSSIA

<i>Hu X.</i> Constructive properties of the conjunction <i>all the same as</i>	50
--	----

5.9.8. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Mori A.</i> On the differences in the use of Japanese verbs of existence / location “aru”/ “iru”: based on modern research	57
<i>Dybovsky A.S.</i> Three-character idioms in contemporary Japanese	71
<i>Tikhonenko V.A.</i> The pejorative connotation of personality in Korean idiomatics	103
<i>Sboev A.N.</i> On the expansion of the usage sphere of the address 老师 in modern Chinese	112
<i>Pivovarova E.V., Struzhkina N.I.</i> Oral medical communication in German between a doctor and a non-specialist: term use specifics (on the example of Norddeutscher Rundfunk medical podcasts).....	125
<i>Mikheeva I.V., Baran T.S.</i> Comparative analysis of the implementation of the communicative strategy of discrediting in women's English and French political discourse	136
<i>Mukhametova A.I.</i> The role of translation transformations in emphasizing the meaning of linguistic units (as exemplified in the German translation of the novel “Harry Potter and the chamber of secrets”).....	151
<i>Bondareva E.V.</i> Specific features of borrowing neologisms from English into Russian and Spanish: a comparative analysis.....	159
<i>Dardykova N.V.</i> Grammaticalization of postpositions in the Turkish language	169

FIRST SCIENTIFIC EXPERIENCES

<i>Torgunova D.A.</i> Russian, English and German social fairy tales as a basis for intercultural understanding	178
<i>Marinokha-Mikhalskaya S.V.</i> Function of biblical terms “Ange” and “Démon” in the French language of the Republic of Congo	190

Научная статья

УДК 821.161.1:82.0

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/9-21>

«Амурские волки» – «Тайны Зеи»: эпизод творческого соперничества в литературе Приамурья начала XX века

Александр Васильевич Урманов

Благовещенский государственный педагогический университет,

Благовещенск, Российская Федерация

Доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой русского языка и литературы,

a.v.urmanov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9467-5101>

Аннотация. Одно из следствий усиления в современной историко-литературной науке интереса к региональным культурным явлениям – появление ряда исследований, посвящённых наиболее значительным писателям Приамурья рубежа XIX–XX вв.: Л. Волкову, Ф. Чудакову, А. Матюшенскому и т.д. Однако их творчество, как правило, рассматривается изолированно, каждое само по себе, вне связи с другими явлениями, в отрыве от общих тенденций литературной жизни Дальнего Востока и России в целом. Создание целостной картины, полноценной истории бытования русской литературы на Дальнем Востоке – перспектива неблизкая. Задача сегодняшнего дня – целенаправленный «запуск» этого процесса, в том числе выявление литературных взаимосвязей, разного рода «диалогов», «переключек», «споров», «сцеплений», «пересечений», «отталкиваний», которые и формируют живой литературный процесс. Цель данной статьи – рассмотрение во взаимосвязи двух произведений, созданных в одно время самыми яркими литераторами Приамурья – А. Матюшенским и Ф. Чудаковым.

Ключевые слова: А.И. Матюшенский, Ф.И. Чудаков, «Амурские волки», «Тайны Зеи», литература Приамурья, творческий диалог, творческое соперничество, литературный процесс

Для цитирования: Урманов А.В. «Амурские волки» – «Тайны Зеи»: эпизод творческого соперничества в литературе Приамурья начала XX века // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 9–21.

Original article

“Amur Wolves” – “Secrets of Zeya”: an episode of creative rivalry in the Priamurye literature of the early XX century

Alexander V. Urmanov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Head of the Department of Russian Language and Literature,

a.v.urmanov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9467-5101>

© Урманов А.В., 2024

Abstract. One of the consequences of the increasing interest in regional cultural phenomena in modern historical and literary science is the emergence of a number of studies devoted to the most significant writers of the Amur region at the turn of the XIX–XX centuries: L. Volkov, F. Chudakov, A. Matyushensky etc. However, their work is usually considered in isolation, each in its own right, out of connection with other phenomena, in isolation from the general trends in the literary life of the Far East and Russia as a whole. The creation of a holistic picture, a full-fledged history of Russian literature in the Far East is not an immediate prospect. Today's task is to purposefully "launch" this process, including the identification of literary interrelations, various kinds of "dialogues", "interlocutions", "disputes", "couplings", "crossings", "repulsions", which form a living literary process. The purpose of this article is to consider in interrelation two works created at the same time by the brightest writers of the Amur region – A. Matyushensky and F. Chudakov.

Key words: A.I. Matyushensky, F.I. Chudakov, "Amur Wolves", "Secrets of Zeya", literature of the Amur region, creative dialog, creative rivalry, literary process

For citation: Urmanov A.V. "Amur Wolves" – "Secrets of Zeya": an episode of creative rivalry in the Priamurye literature of the early XX century. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 9–21. (In Russ.).

Литература Приамурья – явление сравнительно позднее, даже если рассматривать её вне контекста художественной словесности европейской части России. Самое раннее из дошедших до сегодняшнего дня произведений, появившихся в Амурской области (дата её образования – 8/20 декабря 1858 г.), – рукописная стихотворная сатира «1859 год на Амуре», созданная анонимным автором в 1860 г. в г. Благовещенске, а опубликованная три с половиной десятилетия спустя в малотиражном московском журнале [1].

В течение полувека с момента присоединения левобережья Амура к Российской империи авторами, жившими здесь, создано относительно немного художественных текстов, причём подавляющее большинство из них – произведения малой жанровой формы: стихи, фельетоны, очерки, рассказы. Первое произведение по-настоящему крупной жанровой формы – *коллективный роман* «Амурские волки» – появилось в 1912 году. Роман публиковался на протяжении шести месяцев в газетах скандально известного тогда журналиста Александра Ивановича Матюшенского (1862–1931) «Амурский пионер» (№ 12–131, февраль-июнь) и «Благовещенское утро» (№ 1–22, июнь-июль). Роман вызвал большой интерес у амурской публики. В том же году произведение вышло отдельным изданием в 2-х частях [3], а затем в течение короткого времени дважды переиздавалось – в 1913 и 1914 гг. Все три издания разошлись мгновенно и почти бесследно растворились: ныне найти в библиотеках страны хотя бы один сохранившийся экземпляр – задача не из простых.

На волне успеха произведения в марте 1914 г. на театральной сцене Общественного собрания Благовещенска был поставлен спектакль по «Амурским волкам». Из-за огромного наплыва зрителей, помимо двух премьерных спектаклей, пьесу показали ещё как минимум трижды. Постановщик – Ефим Михайлович Долин (настоящая фамилия Коган), известный в ту пору актёр, режиссёр и антрепренёр, организатор театральных представлений в Благовещенске, Иркутске, Чите и некоторых других городах Сибири и Дальнего Востока. В административном центре Амурской области, где его труппа работала в 1913–1917 гг., помимо постановки спектаклей в Общественном собрании – то есть на главной театральной сцене города, Е.М. Долин открыл театр «Мозаика», в котором ставились спектакли лёгкого содержания, водевили, оперетки и т.п.

Одним из наиболее последовательных критиков Е.М. Долина, его репертуарной политики и его спектаклей был Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918). Уже в 1913 г., вскоре после появления в Благовещенске труппы Е.М. Долина, сатирик откликнулся язвительным фельетоном на спектакль по пьесе Софокла «Царь Эдип» [6; подробный анализ этого произведения см.: 15, с. 379–394]. Критическое отношение Ф.И. Чудакова к режиссёру-постановщику «Царя Эдипа», «Амурских волков» и некоторых других рассчитанных на невзыскательный вкус мещанской публики спектаклей нашло отражение не только в фельетонах сатирика, в его театральных рецензиях, но и в местной хронике, печатавшейся на страницах «Эха», наиболее авторитетной газеты Приамурья того времени. Как известно, Ф.И. Чудаков был не только одним из ключевых авторов этого периодического издания, но и секретарём редакции, в обязанности которого входила, в том числе, подготовка материалов для рубрики «Местная хроника». Рука Ф.И. Чудакова явно ощущается в ряде заметок, информирующих читателей о постановке «Амурских волков». Приведём две заметки в «Эхе», датированные апрелем 1914 г.:

МЕСТНАЯ ХРОНИКА. Театр «Мозаика». При посещении этого театра военным губернатором г. Толмачёвым было обращено внимание на присутствие в театре большого числа гимназистов и реалистов; военный губернатор просит директоров учебных заведений принять меры к непосещению воспитанниками этого театра, как отличающегося постановкой пьес лёгкого содержания. Предлагается обязать антрепренёра г. Долина, чтобы в театре миниатюр ученикам билеты вообще не продавались; обязать также г. Долина не продавать ученикам билетов на пьесы «Амурские волки» и «Фальшивые сторублёвки», причём пьесы эти не ставить на дневных спектаклях (Эхо. 1914. № 1586. 22 апреля (5 мая). С. 3).

МЕСТНАЯ ХРОНИКА, Оригинальный спектакль. Днём 23 апреля в Общественном собрании опять ставились «Амурские волки». Курьёзно, что, несмотря на отсутствие зрителей (которых было во всём театре не больше 20 человек), артисты старательно вычитывали свои роли (Эхо. 1914. № 1588. 24 апреля (7 мая). С. 3).

Судя по этим заметкам, спектакль по роману «Амурские волки» шёл также на сцене упомянутого выше театра «Мозаика», где, оказывается, ставился и спектакль по роману А.И. Матюшенского «Фальшивые сторублёвки» [10]. Отнеся «Амурских волков» к разряду «пьес лёгкого содержания», хроникёр «Эха» зафиксировал, что уже через месяц с небольшим после вызвавшей фурор премьеры спектакль интересовал преимущественно гимназистов.

Фёдор Чудаков жил в Благовещенске с октября 1908 г., Александр Матюшенский – с мая 1910-го. Вплоть до Октябрьской революции они, являясь самыми видными журналистами Приамурья, не раз прямо или опосредованно вступали в полемический диалог и многими воспринимались едва ли не как антиподы, как литераторы, газетчики, исповедующие разные эстетические и моральные принципы. Одному из таких случаев, ярко проявившему эти различия, посвящена статья «История одного громкого скандала в дореволюционном Благовещенске...» [13].

А.И. Матюшенский, печатавшийся чаще всего под псевдонимом *А. Седой*, издевательски выведен в образе поседевшего от старости, изрядно потрёпанного жизнью и злобного пса – персонажа большого сатирического стихотворения «Собачья жизнь» (1916): «...Пёс бывалый, поседелый, / Пёс уже не молодой, / Пёс, нельзя сказать, что белый, / А седой. / Видно, был он

в передрыге: / Хвост обрублен, сбоку – дран. / Кличка старого дворняги / “Матюкан”...» [11, с. 5]. Чтобы никто из читателей-современников не усомнился, что Матюкан – это аллегория на А.И. Матюшенского, в финале стихотворения сатирик отправляет старого пса в «конуру», адрес которой совпадает с адресом редактора «Благовещенского утра»: «Долго лает, но, смолкая, / Утомясь, домой идёт, / По дороге забегая / Под заплот. / Обмочив порог управский, / Он бредёт устало спать / В конуру свою по Графской, / 35» [11, с. 6].

А.И. Матюшенский-Седой в той или иной связи фигурирует в целом ряде фельетонов Ф.И. Чудакова: «Подлые времена» (1911), «Накись дня (Но позвольте: если этак рассуждать...)» (1911), «Грязь дня» (1914), «Иванова ночь» (1914) [18, с. 118, 135, 315, 317] и др. Сатирик подтрунивал над своим постоянным оппонентом и после крушения самодержавия, но уже более мягко. В феврале 1918 г., за месяц до своей трагической гибели, в ироническом «Словаре знаменитых современников» он писал о А.И. Матюшенском, тоже оказавшемся в лагере противников большевиков: «Величайший амурский романист. В 1919 году его романы выйдут приложением к “Ниве”. Сейчас почивает на лаврах и покупает недвижимое имущество. Пишет только расписки в получении платы с квартирантов. Увлекательно!» [4, с. 7]. В реальности А.И. Матюшенского в ближайшем будущем ждали обыски, арест по сфабрикованному благовещенскими чекистами делу об участии в контрреволюционном заговоре и смертный приговор [2]. Чудом избежав расстрела, он был вынужден бежать в Харбин, где испытывал нужду, тяжело болел, от крайнего отчаяния пытался покончить самоубийством и скончался в физических и моральных муках в 1931 г.

Но в данной статье речь пойдёт не об истории взаимоотношений двух видных литераторов, не о «шпильках» Ф.И. Чудакова по адресу А.И. Матюшенского, а о творческом соперничестве, о попытке *Гусляра* превзойти *Седого* в художественном мастерстве, предложив амурским читателям альтернативу – нечто более совершенное в «лёгком» жанре. Иначе говоря, о попытке бросить вызов тому, кто уже завоевал читательские симпатии, превзойти то, что получило признание.

Главное литературное достижение А.И. Матюшенского – роман «Амурские волки», задуманный и на 90 процентов написанный лично им. И именно это произведение послужило своеобразным триггером, запустившим процесс создания *лирико-сатирического романа с приключениями* (авторское определение жанра) Ф.И. Чудакова «Тайны Зеи». Он печатался в благовещенской газете либерального направления «Эхо» сразу после завершения публикации в «Благовещенском утра» коллективного романа – с 1 по 29 августа 1912 г., всего в двенадцати номерах: 1104–1105, 1110–1111, 1113–1116, 1122–1124 и 1126. Над этим произведением Ф.И. Чудаков работал весьма интенсивно, почти не давая себе отдыха. Впрочем, в ещё более высоком темпе трудился над «Амурскими волками» его основной автор А.И. Матюшенский – в среднем по 17 глав в месяц.

В отличие от более поздних своих произведений большого формата – приключенческих повестей «Диана Кедровская» (1917) и «Дочь шамана» (1917–1918), печатавшихся под одним и тем же псевдонимом *Кузьма Резниченко*, главы романа «Тайны Зеи» шли под разными псевдонимами – как известными, узнаваемыми: *Гусляр*, *Босяк*, так и новыми, впервые (и только здесь) используемыми: *Эстав Гумар*, *Автор*, *Романист*, *Капитан Гроза*. Ф.И. Чудаков имитировал (или, скорее, пародировал) особенности *коллективного романа* «Амурские волки», тоже печатавшегося за разными подписями: *А. Седой*, *Фантом*, *Монгол* (псевдонимы А.И. Ма-

тюшенского), *Юлия Михай*, *Кэтти*, *Крапива* (псевдонимы Екатерины Афанасьевны Михайловой) [15], *Коляда* (псевдоним Николая Васильевича Колодезникова) [14], *Н. Тульчин* (принадлежность псевдонима пока не установлена).

«Тайны Зеи» были задуманы как альтернатива, как «ответ» на роман «Амурские волки», как литературное соперничество: газеты «Эхо» – с «Амурским пионером» и «Благовещенским утром», Ф.И. Чудакова – с А.И. Матюшенским, «приключенческого» романа – с «бульварным».

Автор «Тайн Зеи», как и ключевой автор «Амурских волков», обращается к синтетической жанровой форме. *Коллективный роман* сочетает в себе особенности отчасти мелодрамы, отчасти детектива, отчасти уголовно-авантюрного повествования, что в соединении дало образец так называемого «бульварного романа», а произведение Ф.И. Чудакова – свойства приключенческой, лирической, сатирической, юмористической прозы. Более того, в прозаическую основу во второй части романа автор включает стихотворные фрагменты – строфы из задуманной им поэмы «Пароход “Ракодав”». Для Ф.И. Чудакова были весьма характерны синтетические жанровые формы. Исследователи его творчества уже обращались к данной проблеме. Так, например, синтезу как структурообразующему принципу художественного мира повести «Диана Кедровская» посвящена одна из глав диссертации Н.А. Лаптевой [8, с. 194–256]. Центром внимания становился и очерк «Навстречу тучам», основанный на синтезе «типологических особенностей эпического и драматического» [9, с. 2]. В «Тайнах Зеи» эпическое Ф.И. Чудаков соединяет с лирическим, и этот аспект его поэтики пока ещё не становился предметом анализа.

Основная сюжетная интрига «Амурских волков» строится вокруг имевшего реальную основу ограбления транспорта, перевозившего крупную партию золота с Ниманских приисков. Все остальные ответвления сюжета прямо или опосредованно связаны с этой линией. В числе описываемых событий: хроника городских криминальных происшествий, финансовые и имущественные аферы, грабежи, убийства, захватывающие погони, кипение любовных страстей, сводничество и т.п. Места действия – тюремные камеры, притоны, «весёлые» дома, игорные заведения, жилища новоявленных богатеев. Герои произведения – обитатели городского «дна», контрабандисты, старатели-«хищники», бандиты (в том числе этнические – хунхузы), воры, блудницы, разбогатевшие на мошенничестве купцы, продажные чиновники, занимающиеся исключительно преступной деятельностью полицейские. Многие ключевые персонажи «Амурских волков» носят имена, являющиеся слегка изменёнными именами реальных, хорошо известных в Благовещенске людей – купцов, промышленников: Августов (прототип – Августовский), Алёхины (Алексеевы), Покосовы (Косицыны), Хулиганов (Буянов), Харин (Мордин) и т.д. В общем, большая часть жанровых характеристик «Амурских волков» соответствует модели так называемого «бульварного романа».

«Тайны Зеи» строятся на принципиально иных жанрово-стилевых принципах. Художественная форма, которую в первой части романа избирает автор, основывается на весьма причудливом совмещении, смешении жанровых особенностей приключенческой прозы, анекдота, фельетона, фарса, буффонады. Всё это приправлено изрядным количеством комизма – преимущественно незамысловатого.

Сюжетная основа в кратком изложении выглядит так: трое чудаковатых молодых приятелей, случайно оказавшихся на берегу Зеи в районе Астрахановки – пригорода Благовещенска, находят плывущую по воде закупоренную бутылку с размокшей запиской. Каждый из них

в меру своей необузданной фантазии придумывает собственную «расшифровку» практически нечитаемого текста. После непродолжительного обсуждения Василий Аркадьевич и Фёдор Иванович признают наиболее романтической версию Николая Михайловича: «На Зее в 13 милях выше Урканского переката пятеро путешественников терпят бедствие. Припасы вышли. Предстоит голодная смерть. Просим помощи. Среди нас женщины, которым грозит опасность быть похищенными людоедами. С нетерпением ожидаем помощи» [19, с. 235].

Мгновенно загоревшись желанием спасти попавших в беду (воображаемых ими) путешественников, приятели покупают билеты на первый же пароход (им оказался «Ракодав»), отправляющийся из Благовещенска вверх по Зее. Забросив все свои дела и профессиональные обязанности, они пускаются в дальний, чреватый опасностями путь, чтобы исполнить благородную миссию – спасти от гибели незнакомых им людей.

В этом повороте сюжета – очевидный спор с авторами «Амурских волков». В коллективном романе шестеро бывших преступников и людей с преступными наклонностями – Лесной Дед, Сахалинец, Ванька Дунькин, Яков Кривой, Лебедев и Никита – составляют банду, нанятую купцом, в прошлом – каторжником и убийцей, Василием Алёхиным. За обещанное им крупное вознаграждение они отправляются в «экспедицию» в тайгу, чтобы устроить там засаду и перестрелять людей, которые перевозят крупную партию приискового золота. Из-за этого золота они хладнокровно убивают не только шестерых русских, сопровождающих транспорт, но и восьмерых китайцев. При этом именно они, из корыстных побуждений отнявшие жизнь у четырнадцати человек, рисуются в романе чуть ли не как положительные персонажи, противостоящие «амурским волкам» – вороватым купцам.

Персонажи Ф.И. Чудакова – полная противоположность героям «Амурских волков». Они добродушны, веселы, доверчивы, по-детски наивны, абсолютно непрактичны. И на берегу Зеи, и уже на пароходе «Ракодав» смешные, порой бестолковые герои эти попадают в комичные ситуации, совершают несуразные поступки, не наносящие, впрочем, вреда окружающим. Только единожды они причинили неудобство тем, кто был рядом, но исключительно из благородных побуждений. Ради спасения попавших в беду путешественников они изгоняют с судна команду и пассажиров и вместе со своим четвероногим другом – дворнягой Белкаё на всех парах устремляются к месту предполагаемого нахождения авторов записки.

Вторая часть, описывающая пребывание команды «спасателей» в городе Зея-Пристань и его окрестностях, выдержана в ином ключе. На смену господствовавшему в первой части плоскому комизму приходит тонкая ирония с вкраплением сатирических блёсток и лирических описаний. Роман становится по-настоящему смешным и увлекательным.

На мысль о «диалоге», о литературном состязании двух ведущих амурских литераторов наталкивают уже сами заглавия романов, в которых присутствуют названия двух рек, с разных сторон, восточной и южной, омывающих Благовещенск: Зея – Амур.

Выбор Зеи в качестве главного топографического ориентира и имеющего позитивное ценностное наполнение образа был явно не случаен. О восторженном отношении Ф.И. Чудакова к Зее можно судить, например, по тому факту, что в 1914–1915 гг. он издавал (в качестве фактического редактора) журнал «Зея», но главным образом по его произведениям – прежде всего по лирике, воспевающей реку: «Рыбацкие стихи» (1910), «Вечерние зори» (1910), «Голубое, зелёное, белое» (1913), «Зея» (1914) и т.д.

Характерный пример стихотворения Чудакова о любимой реке – лирическая зарисовка «Ночью», первая часть (из пяти) цикла «Вечерние зори»: «Посмотри, как сверкает река, / Улыбаясь румяной луне, / Как задумчивый вздох ветерка / Серебрится на сонной волне. / И послушай, как шепчет камыш... / Что-то шепчет. Пойми и поверь... / Летней ночи наивную тишь / Вдохновенною песней измерь...» [17]. «Вечерние зори» – один из редких в творчестве Ф. Чудакова случаев, когда поэт настолько сильно переполнен эмоциями, что выражает их не только в художественном тексте, но и за его пределами. Название цикла он сопровождает авторским примечанием: «“Вечерние зори” посвящены реабилитации красоты природы вообще, а в частности – тихих вечерних зорь, когда так хорошо сидеть на берегу с удочкой в руках...» [17].

Свой пиетет по отношению к Зее Ф. Чудаков выразил в очерках «На лоне» (1910), «По Зее» (1910), «Под утёсом» (1914), в стихотворной легенде «Устье Гилюя» (1911), в повести «Дочь шамана» (1917–1918) и т.д. В частности, через полмесяца после завершения публикации «Тайн Зеи» Ф.И. Чудаков начал печатать поэтический цикл «Зейские баллады». В «Предисловии» к нему автор признаётся, что ни «блестящие рыцари, дамы, пажы», ни «турниры, пиры и парады» не вызывают у него такого восторга и такого вдохновения, как эта река: «О, Зея! Тебе распахну я своей / Души заповедные дверцы! / Зажги вдохновенное пламя скорей / В моём романтическом сердце!...» [20]. Прочитанные строчки помогают понять важное обстоятельство: в художественном мире Ф. Чудакова Зея – это река, пробуждающая в человеке вдохновение и самые высокие романтические порывы.

А в следующей за «Предисловием» «Балладе вступительной» автор, используя фантастический сюжет, противопоставляет чистую, прозрачную Зею грязному, мутному Амуру: «Летней ночью, в час покоя, / В устье Зеи, на мели, / Развалясь, лежали двое / Водяных и речь вели. / “Дед” амурский – грязноспинный, / Вечно злой, как крокодил, / С недовольной кислой миной / “Деду” зейскому твердил: / “За Амур мне очень стыдно: / Грязь, вонища, духота. / Здесь, представь, порой не видно / Даже кончика хвоста. / Между тем в бурливой Зее, / Как стекло, чиста вода. / Утра майского яснее, / Чище снега, чище льда...”» [20]. Берущая начало на склонах Станового хребта и протекающая по почти незаселённым районам Амурской области Зея в восприятии Ф. Чудакова прекрасна потому, что её не коснулось воздействие «цивилизации». Амур же несёт на себе уродливые следы человеческого присутствия. И потому берег этой реки поэт рисует совсем иначе. Так, в стихотворении, описывающем набережную Амура в Благовещенске, Ф.И. Чудаков делает акцент исключительно на отталкивающих деталях: «Представьте. Утро. Аромат / От пары голеньких котят, / Лишённых кем-то погребенья / В корыстных видах удобренья / Прокисшей почвы... Здесь и там / Навоз коровий и телячий, / Китайский, птичий и собачий. / <...> ...Кругом / Кипит отчаянный содом...» [21]. А.И. Матюшенский и его соавторы в «Амурских волках» изобразили жизнь на Амуре именно так – как сплошной «содом», как деятельность, направленную почти исключительно на торжество всего низменного, грязного, подлого. Очевидно, это было связано, помимо прочего, с весьма скептическими представлениями ключевого автора коллективного романа о природе человека.

Автор же «Тайн Зеи» в человеке видел прежде всего устремлённость к красоте, гармонии, совершенству. Взявшись за приключенческую прозу, Ф.И. Чудаков и здесь не смог удержаться от желания продемонстрировать это и раз за разом стал включать в роман целые каскады изумительных по красоте описаний Зеи. Хотя это вроде бы не очень вязалось с жанровой природой произведения и с доминирующей в нём нарративной стратегией – юмористической, комической. Автор не только обращает внимание на красивые места, но и передаёт восторг

персонажей, созерцающих красоту природного мира. Такова, например, глава, описывающая преодоление ими Шипкинского переката: «В Приамурье мало найдётся местечек, превосходящих красотой этот перекат. <...> Как зачарованные плыли мы между гор. Утро разгоралось. Тихо было. Такая тишина бывает на душе в первые минуты после смерти» [19, с. 266].

Ничего похожего на такие проникнутые лиризмом описания в «Амурских волках» нет. Одна из причин – отсутствие в произведении персонажей, способных восхищаться природой, для кого её красота имеет хоть какую-то ценность. Почти все герои «Амурских волков» – люди, у которых преобладают зоологические («волчьи» или «шакальи») инстинкты, почти все они одержимы жадной наживы и абсолютно невосприимчивы к красоте. Вторая причина – специфика авторского мировоззрения, формирующего весьма однообразный стиль повествования – предельно «прозаический», свободный от «лирики», мечтательности, сентиментальности. Ключевой автор – А. Матюшенский – явно не обладал способностью подмечать и тем более воспевать красоту окружающего мира.

Хотя действие немалого числа глав разворачивается на берегу Амура или в призейской тайге, в коллективном романе почти нет красочных пейзажных описаний. Почти единственное исключение – одна из пяти глав (1. Контрабандисты; 4. Семья мальчика; 10. Волк на волка; 12. У Августова; 26. Спасительница), автором которых является женщина, амурская поэтесса Екатерина Михайлова. Отличительная особенность её стиля – «манерность», обилие штампов, языковых «красивостей», особенно в пейзажных зарисовках. Типичный образец – описание ночной реки в открывающей роман главе «Контрабандисты»: «Широкий, быстробегущий Амур мрачною, холодною, живою дорогой пробирался среди своих оков-берегов и нежно нашёптывал плеском шаловливой волны что-то близкое и милое осенней сумрачной ночи. / Порой едва заметно пробегал шалун прохладный ветерок и ласково обнимал кудрявые берёзы и дубы, которые качались и шептали ему нежное ответное приветствие» [3, ч. 1, с. 1]. «Плеск шаловливой волны», «шалун ветерок», «ласково» обнимающий «кудрявые берёзы», их «нежное ответное приветствие» и прочие многочисленные языковые «изыски» невольно выдают в авторе человека нежного, чувствительного, тянущегося к красоте, но, видимо, слишком буквально понимающего выражение «изысканная словесность».

В «мужских» же главах романа (их ровно 100) почти нет проявлений сентиментальности, чувствительности, нет проникнутых лирическими настроениями пейзажных картин. В этом плане «Тайны Зеи» кардинально отличаются от «Амурских волков»: в них немало художественно выразительных, пронизанных подлинной поэзией описаний. Для выражения лирических переживаний ведущее повествование во второй части автобиографического персонажа даже заявленная автором жанровая форма «лирико-сатирического» романа оказывается тесной, поэтому он восклицает, обращаясь к читателям: «Нет! Я не могу передать всех красот Зеи презренной прозой. Стихи! Стихи!» [19, с. 265]. Сразу за этим восклицанием героя фиктивный «редактор» «Тайн Зеи» «по секрету» сообщает читателям, что «в рукописи Фёдора Ивановича вслед за последним знаком восклицания начинается целый цикл стихов, посвящённых Зее. В самом непродолжительном времени эти стихи появятся отдельной книгой». Дело за малым – найти нужное число «рекламодателей»: «Как только [рекламных] объявлений наберётся на достаточную сумму, книга стихов будет к услугам читателя» [19, с. 265]. Но если такая книга и планировалась автором, издать её не удалось: очевидно, нужного числа рекламных объявлений собрать не удалось.

Кстати сказать, вышедшее в том же году книжное издание (в двух частях) коллективного романа «Амурские волки» сопровождалось огромным букетом рекламных объявлений. Так, в первой части рекламе отведено 8 страниц в начале книги и 10 – в конце. В числе фирм и разного рода заведений, пожелавших разместить информацию о себе в отдельном издании детища А.И. Матюшенского, «Бакалейно-гастрономический магазин братьев Кокайя», «Торговый дом И.Я. Чурин и Ко», «Амурское общество пароходства и торговли», «Артель портных», «Оптовый склад вина и спирта Г.Н. Дмитриева», «Первоклассный ресторан “Медведь”», «Мастерская дамских шляп Е. Шапиро», «Гравёр и резчик печатей В. Штейнман», «Фабрика Г.Б. Срулевича» (изготовление экипажей, саней и т.п.), «Шорно-седельная мастерская Г.П. Бармин и Сын», «Гостиница “Россия”», «Новая торговая баня», «Фотография Низковского», «Типография товарищества Б.С. Залесский и Ко» и т.д. – всего 32 рекламных объявления. Во второй части под рекламу отведены уже 24 страницы: 17 в начале книги и 7 – в конце. Иначе говоря, желающих разместить свои объявления в заключительной части коллективного романа только прибавилось. Удивительный парадокс эпохи: «амурские волки» скинулись, чтобы разоблачительное произведение о них, об их хищной, звериной натуре вышло не только в газете, но и отдельным изданием!

В плане сбора рекламных средств на издание книги стихов Ф.И. Чудаков вчистую проиграл автору скандального романа, созданного по лекалам «коммерческого» проекта. Расчёт «романтика» Ф. Чудакова, что «деловой мир Приамурья» вложится в издание книги стихов о красавице Зее, не оправдался. И это даёт представление не только об «эстетических» вкусах местной буржуазии, но и об отсутствии у Ф.И. Чудакова «деловой хватки», понимания законов «рынка». Тех самых, в которых прекрасно разбирался «прагматик» и «скептик» А.И. Матюшенский.

Ещё одна особенность романа Ф. Чудакова, отличающая его от «Амурских волков», – господствующая в нём стихия шуток, юмора, иронии, весёлого смеха.

Наряду с многочисленными лирическими описаниями Зеи, автор включает в свой роман подобие юморески – уходящую вглубь веков историю «весёлой» реки, на берегах которой жили сменяющие друг друга этносы – дауры, маньчжуры и, наконец, русские. На нрав реки, по мнению автора, ни смена «этно-декораций», ни переименования не оказывали существенного влияния. Вставная новелла эта пронизана иронической тональностью, характерной для лучших произведений Чудакова-сатирика:

Когда-то в незапамятные времена, когда на Руси ещё не было конституции, когда орды Чингисхана грабили Срединное царство, <...> когда на том месте, где теперь стоит благовещенская тюрьма, ничего не было, кроме свободного воздуха, – в то время жил на берегах светлой, чистой реки народ даурский. Тогда не было Зеи, а была Джи-Оникан, «Весёлая Вода».

Долго, коротко ли жил народ даурский на берегах Весёлой Воды – я сохранию пока в секрете. Но вот пришёл другой народ, с длинными косами, пропахнувший чесноком и бобовым маслом, и дауры должны были убраться подобру-поздорову подальше. И вместо «Джи» стала «Дзе»... Вместо «Весёлой» стала... просто «Дзе» – чёрт его там знает, что оно такое, это Дзе.

Жил-жил косатый народ да и того... ушёл подобру-поздорову.

Пришёл народ челдонский.

И стала вместо Дзе – Зея... Зея! «Весёлая Вода»!

Я сравнительно плохо знаю даурский язык. По правде сказать, я даже не знаю, есть ли такой язык. Но, по-моему, «Зея», «Джи-Оникан» нельзя перевести иначе, как Весёлая Вода» [19, с. 264–265].

Несмотря на ряд несомненных художественных достоинств романа Ф.И. Чудакова и на отсутствие таковых в коллективном романе, превзойти шумный успех, которым сопровождалась публикация «Амурских волков», «Тайнам Зеи» не удалось.

О том, чем был обусловлен триумф главного литературного детища А.И. Матюшенского, подробно говорится в одной из наших статей [12]. Если сформулировать предельно коротко – его откровенно скандальным, «разоблачительным» содержанием: тем, что описываемые в коллективном романе события и персонажи не являются плодом исключительно творческого вымысла. Интерес к «Амурским волкам» был вызван прежде всего тем, что в них искали (и находили) подтверждение слухам, в том числе самым невероятным, о реальных лицах и подоплёке реальных же происшествий. Произведение воспринималось как акт «срывания всех и всяческих масок», как обнажение подлинной, неприглядной и потому замалчиваемой, скрываемой властями правды. Второй секрет успеха «Амурских волков» – его соответствие уже проверенным рецептам создания бульварного (авантюрного) романа, самым известным образцом которого считается роман В.В. Крестовского (1839–1895) «Петербургские трущобы» (1867). Но в большей степени А.И. Матюшенский ориентировался на опыт ныне почти забытого Н.Н. Животова (1858–1900), автора, пользовавшегося на рубеже XIX–XX вв. большим успехом у мещанской публики, низкопробного бульварного «романа из петербургской жизни» «Макарка-душегуб» (1896), а также ряда других подобных произведений: «Цыган-Яшка», «Фабричная рота», «Тайна малковских трущоб» и «Игнатка-Горюн».

Состязаться с матёрым пятидесятилетним журналистом, долгое время специализировавшимся на скандальных разоблачениях, в создании подобия «бульварного» произведения, Ф.И. Чудаков явно не хотел. Написать же художественно состоятельный и при этом увлекательный лирико-приключенческий роман, который держал бы в напряжении читателей, двадцатидвухлетнему автору «Тайн Зеи» было ещё не по силам. Это ему в какой-то степени удастся лишь пять лет спустя, в 1917-м, когда «Амурское эхо» будет печатать «Диану Кедровскую».

В «Тайнах Зеи» Ф. Чудаков поначалу стал сбиваться в сторону юмористики, что явно не годилось для романа. Поняв, что ошибся в выборе формы повествования и стиля, во второй части автор пошёл на резкий слом нарративного принципа: повесть повествование не от третьего лица, как в первой части, а от первого – от имени автобиографического персонажа – Фёдора Ивановича. И вторая часть «заиграла», входящие в неё главы в художественном плане гораздо состоятельнее предыдущих, читаются с большим интересом. Наиболее яркими оказались главы, в которых «Фёдор Иванович» со свойственной ему тонкой иронией описывает Зею-Пристань (ныне город Зея) и её обитателей, справляющих свадьбу местного «набоба».

Однако по какой-то неизвестной причине, без объяснений, адресованных читателям газеты, Ф.И. Чудаков резко оборвал работу над романом, оставив его незавершённым. В конце последней из опубликованных глав (Эхо. 1912. № 1126. 29 августа) давался анонс: «Продолжение следует». Продолжения, однако, не последовало...

Можно отметить, что это не единственный случай в творческой биографии Ф. Чудакова, когда он внезапно обрывал повествование. За несколько месяцев до этого, в апреле 1912 г.,

такая же история произошла с публиковавшейся в «Эхе» иронической поэмой «Ахиня» [5], задуманной как спроецированный на события амурской действительности «ремейк» поэмы Гомера «Одиссея». А двумя годами ранее подобное случилось с поэмой «Что ты жадно глядишь на дорогу?» [22].

Подводя итоги, можно заключить, что романы 1912 года «Амурские волки» и «Тайны Зеи», рассмотренные в аспекте творческого диалога (соствязания) их авторов, дают основания для вывода о наличии на российском Дальнем Востоке, в Приамурье уже в самом начале XX века того, что принято называть литературным процессом. Что творческое наследие писателей, живших, творивших на левом берегу Амура, представляет собой не механическую совокупность разнородных, не связанных между собой явлений, а сообщающиеся элементы единого культурного пространства.

В заключение – о некоторых открывающихся перспективах. В своём незавершённом виде роман «Тайны Зеи» (как и упомянутые выше поэмы) включён в состав двухтомного собрания сочинений писателя [19, с. 231–268], что делает его доступным и для литературоведов, и для студентов-филологов. А это, в свою очередь, позволяет обращаться к нему не только при изучении дисциплин регионального цикла, не только при освоении теоретических понятий на занятиях по введению в литературоведение (что убедительно обосновал В.В. Гуськов [7]), но и в студенческих исследовательских работах, нацеленных, в том числе, на дальнейшее изучение особенностей литературного процесса начала XX столетия.

Список литературы

1. *1859 год на Амуре*. Тогдашние и тамошние шуточные стихи // Русский архив. 1896. Книга 3. № 10. С. 288–289.
2. *А. Матюшенский и «Дело девяти смертников»*. Публикация, вступ. ст. и коммент. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. № 13. С. 75–82.
3. *Амурские волки. Коллективный роман из жизни Приамурья*. Издание газеты «Амурский пионер». Благовещенск: Типография Т-ва Б.С. Залесский и Ко, 1912. Часть 1. 300 с. Часть 2. 238 с.
4. *Гражданин Уклейкин (Чудаков Ф.)*. Словарь знаменитых современников // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. 4(17) февраля. С. 7–8.
5. *Гусяр (Чудаков Ф.)*. Ахиня. Поэма // Эхо. 1912. № 1018, 1020, 1023.
6. *Гусяр (Чудаков Ф.)*. Эдип на Амуре. Кошунственная фантазия // Эхо. 1913. № 1491. 15 (28) декабря. С. 3.
7. *Гуськов В.В.* Использование произведений региональной литературы при изучении теоретических аспектов литературоведения // Лосевские чтения: мат. рег. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2023. № 1(16). С. 120–127. EDN: YRPWZK.
8. *Лантева Н.А.* Художественный мир прозы Ф.И. Чудакова: дис. <...> канд. филол. наук. Благовещенск, 2022. 284 с.
9. *Лантева Н.А.* Художественный синтез эпического и драматического в очерке Ф.И. Чудакова «Навстречу тучам» // Филология: научные исследования. 2022. № 3. С. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.3.37625>
10. *Седой А. (Матюшенский А.И.)* Фальшивые сторублёвки. Роман из местной жизни. Издание газеты «Амурский пионер». Благовещенск: Типография Т-ва Б.С. Залесский и Ко, 1913.
11. *Соловей-Разбойник (Чудаков Ф.)*. Собачья жизнь // Амурское эхо. 1916. № 545. С. 5–6.

12. Урманов А.В. «Есть люди и нет их...»: роман «Амурские волки» как литературный феномен // Филологическая регионалистика. 2012. № 2(8). С. 13–27. EDN: TIQQUP.
13. Урманов А.В. История одного громкого скандала в дореволюционном Благовещенске (на материале газетной публицистики и сатиры А.И. Матюшенского и Ф.И. Чудакова) // Лосевские чтения – 2018: мат. XI рег. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 4–21.
14. Урманов А.В. Колодезников Николай Васильевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 188–189.
15. Урманов А.В. Михайлова Екатерина Афанасьевна // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 264–267.
16. Урманов А.В., Лю Ин. «Ах, когда же Русь проснётся?..»: судьба и творчество Фёдора Чудакова: монография / под общей ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. 480 с.
17. Фёдор Ч. (Чудаков Ф.). Ночью // Эхо. 1910. № 540. 11(24) августа. С. 3.
18. Чудаков Ф. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2 т. Т. 1: Накипь дня: Сатира. Легенды и сказки. Лирика / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. М.: Викмо-М: Русский путь, 2019. 800 с.
19. Чудаков Ф. Тайны Зеи. Лирико-сатирический роман с приключениями // Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2 т. Т. 2: Убитая песня: Проза. Драматургия. Отклики на смерть Ф.И. Чудакова. Воспоминания / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. М.: Викмо-М: Русский путь, 2019. С. 231–268.
20. Язва (Чудаков Ф.). Зейские баллады // Эхо. 1912. № 1137. 14 (27) сентября. С. 3.
21. Язва (Чудаков Ф.). На берегу // Эхо. 1910. № 467. 12 (25) мая. С. 3.
22. Язва (Чудаков Ф.). Что ты жадно глядишь на дорогу? Поэма // Эхо. 1910. № 571. 19 сентября (2 октября). С. 4.

References

1. *1859 on the Amur*. Then and there joking poems. Russkiy archiv. 1896. Book 3. No. 10. P. 288–289. (In Russ.).
2. *A. Matyushensky and "The Case of the Nine Suicide Bombers"*. Publication, introduction and commentary. A. Urmanov. Amur: literary almanac BSPU. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2014. No. 13. P. 75–82. (In Russ.).
3. *Amur Wolves. A collective novel from the life of Priamurye*. Edition of the newspaper "Amur Pioneer". Blagoveshchensk: Tipography of B.S. Zalesky and Co., 1912. Part 1. 300 p. Part 2. 238 p. (In Russ.).
4. *Citizen Ukleikin (Chudakov F.)*. Dictionary of famous contemporaries. Woodpecker, non-partisan. 1918. No. 4. 4(17) February. P. 7–8. (In Russ.).
5. *Guslyar (Chudakov F.)*. Achineya. Poem. Echo. 1912. No. 1018, 1020, 1023. (In Russ.).
6. *Guslyar (Chudakov F.)*. Oedipus on the Amur. A sacrilegious fantasy. Echo. 1913. No. 1491. December 15(28). P. 3. (In Russ.).
7. *Guskov V.V.* Using the works of regional literature in the study of theoretical aspects of literary studies. Losev readings: Materials of the regional scientific-practical conference. Ed. by A.V. Uhrmanov. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2023. No. 1(16). P. 120–127. (In Russ.).

8. *Lapteva N.A.* Artistic world of F.I. Chudakov's prose: Dis. <...> Ph.D. of Philological Sciences. Blagoveshchensk, 2022. 284 p. (In Russ.).
9. *Lapteva N.A.* Artistic synthesis of epic and dramatic in F.I. Chudakov's essay "Towards the clouds". *Philology: scientific research.* 2022. No. 3. P. 1–11. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.3.37625>
10. *Sedoy A. (Matyushensky A.I.)* False hundred-rublets. A novel from local life. Edition of the newspaper "Amursky Pioneer". Blagoveshchensk: Tipography of B.S. Zalesky and Co., 1913. (In Russ.).
11. *Soloway-Razboynik (Chudakov F.)*. Dog's life. *Amurskoye ekho.* 1916. No. 545. P. 5–6. (In Russ.).
12. *Urmanov A.V.* "There are people and there are no people...": the novel "Amur Wolves" as a literary phenomenon. *Philological Regionalistics.* 2012. No. 2 (8). P. 13–27. (In Russ.).
13. *Urmanov A.V.* History of one loud scandal in pre-revolutionary Blagoveshchensk (on the material of newspaper journalism and satire of A.I. Matyushensky and F.I. Chudakov). *Losev Readings – 2018: Materials of the XI regional scientific-practical conference.* Ed. by A.V. Uhrmanov. Blagoveshchensk: Izd-v. BSPU, 2018. P. 4–21. (In Russ.).
14. *Urmanov A.V.* Kolodeznikov Nikolai Vasilyevich. *Encyclopedia of literary life of Primurye XIX–XXI centuries.* Edited by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2013. P. 188–189. (In Russ.).
15. *Urmanov A.V.* Mikhailova Ekaterina Afanasyevna. *Encyclopedia of literary life of Primurye XIX–XXI centuries.* Edited by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2013. P. 264–267. (In Russ.).
16. *Urmanov A.V., Liu Ying.* "Ah, when will Russia wake up?..": fate and creativity of Fyodor Chudakov: monograph. Under the general editorship of A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: Izd-v. BSPU, 2024. 480 p. (In Russ.).
17. *Fyodor Ch. (Chudakov F.)*. At night. *Echo.* 1910. No. 540. August 11(24). P. 3. (In Russ.).
18. *Chudakov F.* Selected: From the creative heritage of an outstanding satirist of the early XX century: in 2 vol. T. 1: The boil of the day: Satire. Legends and fairy tales. Lyrics. Composed, text preparation, intro. art. and commentary. A.V. Urmanov. M. Vikmo-M: Russian Way, 2019. 800 p. (In Russ.).
19. *Chudakov F.* Secrets of Zeya. Lyrical and satirical novel with adventures. Chudakov F.I. Selected: From the creative heritage of the outstanding satirist of the early XX century: in 2 vol. T. 2: Killed Song: Prose. Dramaturgy. Reactions to the death of F.I. Chudakov. Memories. Comp., text preparation, introduction, commentary. A.V. Urmanov. Moscow: Vikmo-M: Russian Way, 2019. P. 231–268. (In Russ.).
20. *Yazva (Chudakov F.)*. Zeya ballads. *Echo.* 1912. No. 1137. September 14(27). P. 3. (In Russ.).
21. *Yazva (Chudakov F.)*. On the shore. *Echo.* 1910. No. 467. May 12(25). P. 3. (In Russ.).
22. *Yazva (Chudakov F.)*. Why are you greedily looking at the road? Poem. *Echo.* 1910. No. 571. September 19 (October 2). P. 4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 02.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 07.11.2024

Принята к публикации / Accepted 12.11.2024

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/22-28>

Пушкинские мотивы в повести Салиаса «Такие дни»

Антон Александрович Киселёв

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

Старший преподаватель

kiseliiov2a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу повести почти забытого в наши дни писателя Салиаса «Такие дни». Проводится подробное сравнение этой повести с повестью Пушкина «Капитанская дочка». В повести Салиаса обнаруживаются прототипы пушкинских персонажей: Миронов – Кандауров, Гринёв – Баскаков, Маша – Таня, Швабрин и Пугачёв – Караджий. Также обсуждаются мотивы пренебрежения опасностью, ссылки и мести, самозванства, брака поневоле и компромисса со злом.

Ключевые слова: Салиас, Кандауров, Караджий, Пушкин, Пугачёв, Гринёв, Швабрин

Для цитирования: Киселёв А.А. Пушкинские мотивы в повести Салиаса «Такие дни» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 22–28.

Original article

Pushkin's motifs in the novel of Salias "Such days"

Anton A. Kiseliiov

Saint Petersburg State University of Civil Aviation,

Saint Petersburg, Russian Federation

Senior lecturer

kiseliiov2a@mail.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of the novel "Such days" created by the almost forgotten writer named Salias. A detailed comparison between this novel and Pushkin's one named "The captain's daughter" is conducted. In the Salias' novel some prototypes of Pushkin's characters are found: Mironov – Kandaurov, Grinyov – Baskakov, Masha – Tanya, Shvabrin and Pugachyov – Karajii. The concepts of danger neglect, exile and revenge, imposture, compulsory marriage and compromise with evil are also discussed.

Key words: Salias, Kandaurov, Karajii, Pushkin, Pugachyov, Grinyov, Shvabrin

For citation: Kiseliiov A.A. Pushkin's motifs in the novel of Salias "Such days". *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 22–28. (In Russ.).

Русский писатель граф Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (литературное имя – Салиас, 1840–1908) в наши дни почти полностью забыт. А между тем в своё время он был известен как автор многих повестей и рассказов, основанных на событиях русской истории XVIII и XIX веков. В конце XIX века популярность Салиаса была настолько велика, что его называли «русским Дюма». Литературный талант писатель унаследовал от матери, писавшей под псевдонимом Евгения Тур, и дяди – известного драматурга А.В. Сухова-Кобылина. Перу Салиаса принадлежат романы «Пугачёвцы», «Кудесник», «Свадебный бунт», повести «Крутоярская царевна», «Былые гусары», «Неслыханное дело», «Атаман Устя», «Такие дни». В 1890–1917 годах полное собрание сочинений писателя издавалось дважды, в 33 и 20 томах (второе издание было прервано революцией) [1]. Однако после этого он был надолго забыт, и следующий двухтомник увидел свет лишь в 1991 г. [2]. В 2000-е гг. имя исторического романиста вновь затерялось. Внимание издателей и исследователей привлекала историческая проза Ивана Лажечникова, Николая Карамзина Дмитрия Балашова, Юрия Тынянова, Валентина Пикуля.

Посвящая своё творчество русской истории XVIII века, Салиас, разумеется, не мог не коснуться Пугачёвского бунта. Этому событию посвящён его важнейший роман «Пугачёвцы» (1874). Персонажи романа – Пугачёв и его сподвижники, дворяне, посланные на усмирение бунта, и среди них исторические личности – Александр Ильич Бибииков и знаменитый поэт Гавриил Романович Державин. По замечанию В.М. Матвеева, «тематика произведения «Пугачёвцы» чрезвычайно разнообразна, что определяется самой спецификой его жанровой формы – исторический роман-эпопея» [3, с. 311]. В повести Салиаса «Такие дни» (1906) [4, с. 479–534] обитатели усадьбы с ужасом обсуждают возможное наступление Пугачёва («Пугача»), но сам предводитель восстания в повествовании не появляется. Его функцию полностью заменяет другой персонаж, о котором речь пойдёт ниже.

Действие повести разворачивается в деревне Кривотурье, расположенной в шести часах езды от Казани. У пожилого помещика Ивана Савича Кандаурова гостит Павла Семёновна из Казани. Она предупреждает его о грозящей опасности, исходящей от Пугачёва, но тот беспечно отмахивается. Тогда Павла Семёновна пророчески заявляет, что к ним может нагрязнеть не только сам Пугачёв, но и любой бунтовщик-казак.

У Кандаурова двое приёмных детей, являющих собой полную противоположность друг другу. Старший приёмный сын Северьян Караджий из семьи «дворян, полурусских, полугрузин» [4, с. 489–490], из-за злого характера он не любим никем из жителей деревни, включая своего приёмного отца. Однажды, уже будучи офицером, он тратит казённые средства и требует у приёмного отца огромную сумму денег, чтобы избежать суда. Тот с большим трудом соглашается, однако потом выясняется, что эти деньги ему нужны не на погашение долга, а на путешествие в Польшу с женой – женщиной сомнительного поведения. Много позже Караджий появляется в усадьбе и сообщает о смерти своей жены.

Младшая приёмная дочь Таничка, напротив, отличается добрым и спокойным характером. В усадьбе гостит молодой капитан Арсений Баскаков, и между ними вспыхивает взаимное чувство, но внезапно и по неясной причине Баскаков прерывает своё общение с семьёй Кандаурова. Виной тому клевета Караджия. Отношения между Баскаковым и семейством Кандаурова возобновляются, и капитан настойчиво просит Ивана Савича и Таню уехать в Казань, так как в окрестностях бродят шайки разбойников. Однако, на словах согласившись с доводами Баскакова, старик Кандауров медлит с отъездом, приводя свою дочь в отчаяние. Промед-

ление ведёт к беде. В деревне появляются бродяги, уверяющие, что следом за ними идёт «государево войско». Вскоре появляется главарь шайки, Караджий, объявивший себя помощником командира пугачёвского отряда – графа Орлова (граф Орлов – один из персонажей романа «Пугачёвцы»).

Кандаурова запирают в горнице. Таня умоляет влюблённого в неё Караджия пощадить старика. Тот обещает, но солдаты, неверно истолковав слова своего начальника, вешают несчастного старика. Тем временем девушка тайно посылает весть о случившемся своему возлюбленному в Казань. Пользуясь своей вседозволенностью, Караджий принуждает Таню вступить с ним в законный брак, причём брачная церемония проводится в тот же день, что и похороны Кандаурова. А вскоре появляется и отряд Баскакова. Караджий и его шайка укрываются в усадьбе, а несчастная Таничка прячется на кладбище у могилы любимого отца, где её едва не убивает доверенный Караджия. Силы казанского отряда и шайки бунтовщиков не равны, и битва приносит злодеям поражение. Раненый Караджий схвачен. Изумлённый Баскаков узнаёт, что его возлюбленная стала женой недруга. Но вскоре из Казани приходит указ казнить главных мятежников – Караджия и графа Орлова. В тот же день, после исполнения указа, Баскаков женится на своей любимой.

Сюжетное сходство романа «Пугачёвцы» с повестью Пушкина является признанным фактом: «“Капитанская дочка” в русской исторической литературе положила начало новому историческому роману, социальному по своему содержанию и реалистическому по своему методу. Этот мотив сохраняется и у Салиаса» [3, с. 312]. Это сходство распространяется и на повесть Салиаса «Такие дни» (1906), написанную на 70 лет позже повести Пушкина [5, с. 81–187]. Сюжет о любви, подвергаемой различным испытаниям, очень распространён в мировой литературе. Сюжет, основанный на событиях русской истории второй половины XVIII века, включает образы Пугачёва и его сподвижников, и обстоятельства, связанные с бунтом, препятствуют счастью влюблённых. Конфликт доброго начала, воплощённого в образах влюблённых, и зла, олицетворением которого стали бунтовщики, характерен повести Пушкина и повести Салиаса.

Главный герой повести «Капитанская дочка» – Пётр Гринёв, и важное место в ней занимает образ Ивана Кузьмича Миронова. Маша – любимая родная дочь Ивана Кузьмича Миронова, а Таня – любимая приёмная дочь Ивана Савича Кандаурова (обратим внимание на совпадение имён и сходство отчеств). У Пушкина действие повести происходит недалеко от Оренбурга, а у Салиаса – от Казани. Капитан Миронов в «Капитанской дочке» считает слухи об опасности нападения на крепость преувеличенными. Когда Гринёв ему говорит, что на крепость собираются напасть башкирцы, он только отмахивается: «У нас давно ничего не слышать. Башкирцы – народ напуганный, да и киргизы проучены» [5, с. 100]. Получив секретное донесение о возможной угрозе для крепости, комендант проводит совещание со своими офицерами, но успокаивает свою супругу: «Бог милостив: солдат у нас довольно, порошу много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву» [5, с. 118]. Даже получив ошеломляющее известие о взятии Нижнеозёрной крепости и повешении её коменданта и всех офицеров, комендантша полагает, что всё ещё может обойтись: «Чем Белогорская ненадёжна? Слава богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев, и киргизцев: авось и от Пугачёва отсидимся» [5, с. 122]. Когда же, наконец, Иван Кузьмич и его супруга решают, самим оставаясь в крепости, отправить Машу в Оренбург, та уехать не успевает.

В повести «Такие дни» приезжающий в деревню Кривотурье капитан Баскаков сообщает, что «в каких-нибудь двухстах верстах, а то и ближе, бродят шайки бунтовщичьи» [4, с. 504]. Кандауров соглашается ехать в Казань, но всё время откладывает поездку: «Как же это в ночь пускаться в дорогу? – заявил он, сидя на террасе, на том месте и на том кресле, где уже двадцать с лишком лет привык сидеть» [4, с. 505]. Таня не может бросить своего отца, и они оба остаются на месте. Деревню, в отличие от крепости, под силу захватить любой шайке разбойников, что вскоре и происходит.

В «Капитанской дочке» Алексей Швабрин – офицер, сосланный в глухую Белогорскую крепость за убийство на дуэли. Чувствуя себя ущемлённым, он провоцирует Гринёва на дуэль, а затем без малейшего зазрения совести вступает в шайку Пугачёва, заняв в ней высокое положение коменданта крепости. Его месть прежде всего обращена к отвергнувшей его Маше Мироновой, и лишь чудо спасает девушку от его посягательств. Кроме того, Швабрин стремится мстить Гринёву, видя в нём удачливого соперника. В первый раз он что-то шепчет Пугачёву, после чего тот приказывает повесить Гринёва, и лишь Савельич чудом спасает своего подопечного. Во второй раз, когда Пугачёв вызволяет дочь коменданта, Швабрин восклицает: «Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости» [5, с. 158]. В третий раз на допросе Швабрин обвиняет арестованного Гринёва в шпионаже в пользу самозванца и стремлении погубить своих товарищей.

В повести «Такие дни» Швабрину подобен Северьян Караджий – приёмный сын Кандаурова. Из-за бесчестных поступков Кандауров его выгоняет и проклинает: «Увижу я тебя хоть бы на подъезде – выйду и сам из ружья застрелю! Кончил он и при этом побожился на образа. – Вон отсюда, туркино отродье! Крикнул он» [4, с. 500]. Тот уезжает, при этом открыто угрожая своему приёмному отцу: «Я иду на службу к явленному царю Петру Фёдоричу. А когда вернусь, то удавлю тебя» [5, с. 501]. Став во главе разбойников и захватив усадьбу приёмного отца, Караджий вынашивает план мести, однако при встрече избегает смотреть Кандаурову в глаза.

В повести Пушкина Белогорская крепость захвачена войском бунтовщиков, во главе их историческая личность – Пугачёв. Он громогласно именуется государем и требует присягать ему: «Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатъича. "Присягай, – сказал ему Пугачёв, – государю Петру Феодоровичу"» [5, с. 128]. В откровенном разговоре с Гринёвым, принимающим его за самозванца, Пугачёв приводит сравнение со своим «предшественником»: «Так ты не веришь, – сказал он, – чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?» [5, с. 135].

В повести Салиаса сын хозяина усадьбы, став главой разбойничьей шайки и заняв усадьбу приёмного отца, внешне преобразуется: «Караджий был важный генерал с виду. В кафтане с золотыми галунами, на груди золотая бляха, на голове шапка красная, донская, лохматая» [4, с. 509]. Он объявляет, что «состоит помощником государева воеводы и главного командира отряда, графа Орлова» [4, с. 509]. Но далее видно, что этот граф Орлов – самозванец, он не обладает авторитетом, и зарвавшийся злодей порой разговаривает с ним довольно грубо: «Отвяжись, собака! – вскрикнул Караджий» [4, с. 524].

Образ злодея в «Капитанской дочке» Пушкина представлен в двух ипостасях – Пугачёва и Швабрина, причём образ Пугачёва нельзя трактовать столь однозначно: он и противоречив, и отчасти романтичен, как и пушкинский образ Дубровского. Самозванец без всякой

жалости казнит коменданта Белогорской крепости капитана Миронова и поручика Ивана Игнатьича, но по отношению к Гринёву совершает сразу два благородных поступка. Во-первых, он дарует ему жизнь, памятуя о прежде подаренном заячем тулупе. Во-вторых, освобождает Машу Миронову, томящуюся в плену у Швабрина. Швабрин же творит только зло: примыкает к Пугачёву, посылает донос на Гринёва, принуждает героиню к браку.

У Салиаса черты пушкинских злодеев слиты в образе Караджия. Он готов помиловать своего приёмного отца ради Тани, но в царящей вокруг атмосфере жестокости старика умерщвляют. Это не только не огорчает Караджия, но толкает его на новое злодейство: «Видно, судьба! Шептал он. – Прикажу для пары повесить рядом и Клеопатру глухую» [4, с. 514]. Рассуждая о грядущем браке с Таней, он продумывает и тот вариант, при котором их семейная жизнь не сложится: «Привыкнет ко мне, и заживём мирно. А нет... так придётся опять поневоле брать на душу грех. Продам эту вотчину, соберу деньги, а её похерю» [4, с. 515]. Потеряв из вида Таню, уже ставшую его законной супругой, во время штурма усадьбы, он велит одному из своих солдат её найти: «Разыщи, куда девалась и где сидит Татьяна Ивановна. Будь при ней. Если эти черти одолеют и вломятся в дом – застрели её и спасайся сам» [4, с. 525]. Исполнение этого приказа мог бы стать кульминацией его преступлений, но, по счастью, ему не суждено было сбыться.

Обратимся к сравнению мотива брака поневоле в повестях Пушкина и Салиаса. В «Капитанской дочке» Швабрин вначале предлагает Маше Мироновой свою руку, она ему решительно отказывает: «Но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним целоваться... Ни за что! Ни за какие благополучия!» [5, с. 108]. Получив отказ, он клеветает на неё Гринёву: «Вместо нежных стишков подари ей пару серёг» [5, с. 103], что служит причиной дуэли. Затем, пользуясь положением коменданта крепости при Пугачёве, Швабрин пытается принудить девушку к браку, о чём та сообщает в своём письме к Гринёву: «А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женой такого человека, как Алексей Иванович. Он обходится со мной очень жестоко и грозит, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой» [5, с. 145]. Узнав о появлении Пугачёва вместе с Гринёвым, он изо всех сил препятствует их встрече с Машей, называя её, пленницу, своей женой: «Государь! – сказал он. – Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальне к жене моей» [5, с. 157]. Увидев бедственное положение девушки, Пугачёв её милует, напоминая о своём титуле и праве принимать подобные решения: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь» [5, с. 168].

Подобным образом ведёт себя и Караджий. Он ухаживает за Таней, не вызывая в ней ответного чувства. Девушка сразу же чувствует его характер: «И Таничке он показался более чем когда-либо волком в овечьей шкуре» [4, с. 500]. Правда, вступить в брак он ей не предлагает, предвидя очевидный отказ. Узнав от Кандаурова о том, что у девушки есть жених, он едет в Казань к Баскакову и оговаривает её и Кандаурова, после чего тот надолго перестаёт общаться со своей возлюбленной. Захватив власть в усадьбе, Караджий склоняет Таню к браку. Но если Швабрину препятствует Пугачёв, то Караджию препятствовать некому, поэтому брак поневоле свершается. И это влечёт за собой новую проблему. Вырвавший девушку из рук злодеев Баскаков не представляет, как можно аннулировать этот брак. Священник ничем не может помочь, предлагая лишь крайние средства: «И если сама государыня не может ничего поделывать, то Святейший Синод имеет власть расторгнуть брак» [4, с. 531]. Но тут Баскаков осознаёт, что дни Караджия сочтены, и его возможная смерть – единственный выход в

сложившейся ситуации. Благородство не позволяет ему расправиться с пленённым врагом, и в подобной ситуации благородный Гринёв пощадил бы Швабрина. Но тут приходит приказ о наказании: «И капитану приказывалось немедленно на месте казнить двух коноводов: одного, как дворянина, – расстрелянем, а другого, неведомого звания и именующего себя графом Орловым, – повешением» [4, с. 533]. Тем самым брак, свершённый поневоле, теряет свою силу.

В повести Пушкина и книге Салиаса возникает ещё один общий мотив – компромисса со злом. В «Капитанской дочке» Гринёву дарована жизнь по милости Пугачёва. Идея первого компромисса красноречиво выражена в словах Савельича: «Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй ручку у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку» [5, с. 128]. Гринёв молчит, но этого достаточно для его спасения. Капитан Иван Кузьмич и поручик Иван Игнатъич не идут на компромисс, открыто называя Пугачёва вором и самозванцем, что стоит им жизни. Гринёв вступает со злодеем в контакт, хотя и не признаёт его государем – второй компромисс: «Слушай, скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смыслённый: ты сам увидел бы, что я лукавствую» [5, с. 135]. Правда, компромиссу с Пугачёвым может помешать недалёковидный дядька Гринёва Савельич, довольно неожиданно предъявляя самозванцу счёт: «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеям» [5, с. 138]. Узнав о бедственном положении своей невесты, находящейся у Швабрина, Гринёв отправляется в Белогорскую крепость. Его хватают как лазутчика, и единственным человеком, могущим ему помочь, разумеется, оказывается Пугачёв – третий компромисс. Именно самозванец едет с ним в крепость и освобождает несчастную дочь убитого коменданта.

В повести Салиаса компромисс со злом заключает не Баскаков, а его возлюбленная Таня. Она умоляет Караджия сохранить жизнь своего приёмного отца, в обмен давая своё согласие на брак. Отметим, что требование венчания со стороны Караджия вызвано не только его чувствами к девушке, но и соображениями материального характера. Ему известно, что Кандауров завещал дочери всё своё имущество, и теперь он жаждет завладеть им сам. Вначале злодей отказывается от предложенного компромисса: «Вам он был отцом, а мне погубителем всей моей жизни! выговорил Караджий вдруг озлобясь и менясь в лице» [4, с. 512]. Тогда Таня умоляет его подождать до завтрашнего дня, на что тот в итоге соглашается. Эта просьба вызвана тем, что девушка до прихода своего недруга успевает послать весточку в Казань, надеясь на немедленную помощь Баскакова. Но, узнав о смерти любимого отца, Таня не отказывается от брака, видя всю безысходность своего положения. Здесь возникает компромисс со злом, без которого невозможно дальнейшее развитие сюжета: ведь в случае Таниного отказа Караджий мог бы в гневе её убить, и тогда подросшему Баскакову было бы уже некого освобождать. Единственное, на чём ей удаётся настоять, – проведение похорон отца наперекор желанию Караджия.

Заметим, что в подобной ситуации Маша Миронова не идёт на компромисс со Швабриным, проявляя непреклонную волю: «Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят» [5, с. 158].

Повесть Салиаса «Такие дни» – это драматическая история о нашествии разбойников и любви, победившей все препятствия. Своеобразие повести Салиаса заключается в более контрастном противопоставлении сил добра (Таничка, Кандауров, Баскаков) и зла (Караджий), нежели в повести Пушкина с противоречивым образом Пугачёва. Кроме того, любовь главных героев у Салиаса подвергается большему испытанию – мотив вынужденного брака имеет здесь более драматическое звучание.

Список литературы

1. *Собрание сочинений Салиаса*. I. Собр. сочин. Салиаса, 22 тт., изд. А.А. Карцева, тт. I–XX, М., 1894–1896, тт. XXI, XXII, М., 1899 и дополн. тт. с XXIII–XXXIV, М., 1900–1909; Собр. сочин. Салиаса, в 24 кн., изд. Петровича, прилож. к журн. «Родная речь» за 1904.
2. *Салиас Евгений*. Собрание сочинений в 2 томах. М.: Художественная литература, 1991. 1150 с.
3. *Матвеев В.М.* Историческое своеобразие прозы графа Салиаса. Роман «Пугачёвцы» // Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. Вестник ТГУ. 2013. № 12(128). С. 310–314.
4. *Месячное приложение к журналу Нива*. Сборник «Нивы» на 1892 год. СПб: Издание журнала «Нива», 1892. 716 с.
5. *Пушкин А.С.* Дубровский. Капитанская дочка. М., Художественная литература, 1978, 188 с.

References

1. *The Anthology of Salias*. The Anthology of Salias in 22 volumes published by Kartsev A.A., V. I–XX, Moscow, 1894–1896, V. XXI, XXII, Moscow, 1899 and additional volumes XXIII–XXXIV, M., 1900–1909; The Anthology of Salias in 22 volumes. Ed. by Petrovich, supplement to the Journal “Native speech” in 1904. (In Russ.).
2. *Salias Eugeny*. The Anthology in 2 volumes. M.: Fiction and poetry Publ., 1991. 1150 p. (In Russ.).
3. *Matveev V.M.* The historical peculiarity of Salias the Count’s prose. The novel “The men of Pugachyov”. Human sciences. Philology and Art-criticism. Journal of TGU. 2013. No. 12(128). P. 310–314 (In Russ.).
4. *The monthly supplement to the Journal of Niva* The Anthology of Niva in 1892. Saint-Petersburg: Journal “Niva” Publ., 1892. 716 p. (In Russ.).
5. *Pushkin A.S.* Dubrovsky. The Captain’s Daughter. M., Fiction and poetry, 1978, 188 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 10.10.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 17.10.2024

Принята к публикации / Accepted 30.10.2024

Научная статья

УДК 821.111821.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/29-38>

Мотив окна в произведениях Джона Фаулза 1960–1970 годов

Дина Юрьевна Червякова

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, chervyakova.dyu@dvfu.ru

Аннотация. На материале четырёх романов Джона Фаулза исследуются формы реализации, функции и значение часто в них встречающегося мотива окна. Отмечено, что значимым статусом обладают следующие свойства этого архитектурного элемента: возможность (или невозможность) видеть что-либо через окно, а также степень «видимости»; характер заоконного пространства – природный (море, река, сад) или городской; открытое или закрытое состояние окна и, следовательно, его способность (или неспособность) пропускать, помимо света, звуки и запахи, обеспечивать тактильные ощущения при вторжении в пространство дома природных стихий. Подчёркнута значимость зрительной позиции нарратора. Выявлено, что описываемое «заоконное» пространство часто выполняет психологическую функцию, а окно становится образным коррелятом каналов восприятия внешнего мира, оказывается местом встречи сознания и реальности и связано с развитием инициальной темы и темы творчества.

Ключевые слова: Джон Фаулз, английская литература XX века, мотив окна, тема инициации, тема творчества

Для цитирования: Червякова Д.Ю. Мотив окна в произведениях Джона Фаулза 1960–1970 годов // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 29–38.

Original article

The window motif in John Fowles's fiction of 1960–1970s

Dina Y. Cherviakova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Senior Lecturer, Department of Roman and German Philology, chervyakova.dyu@dvfu.ru

Abstract. The forms of realization, functions and significance of the window motif, which constantly appears in the description of the protagonist's living space, are examined on the basis of four novels by John Fowles. It is noted that the following properties of this architectural element have a significant status: 1) the possibility or impossibility of seeing something through the window and the visibility level; 2) the natural (sea, river, garden) or urban space outside the window; 3) the open

© Червякова Д.Ю., 2024

or closed position of the window, i.e., the ability to transmit sounds and smells in addition to light, and to provide tactile sensations from the touch of natural elements. The visual position of the narrator is significant as well. It has been revealed that the described space outside the window often performs a psychological function, and the window becomes a figurative correlate of the perception channels. The window turns out to be a meeting place of consciousness and reality and is associated with the development of the initiation and creativity themes.

Key words: John Fowles, XXth century English literature, theme of initiation, creativity theme, window motif

For citation: Cherviakova D.Y. The window motif in John Fowles's fiction of 1960–1970s. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 29–38. (In Russ.).

Мотиву окна как обладающему повышенной символической значимостью композиционному элементу архитектурного сооружения в последние десятилетия посвящено значительное количество исследований в самых разных научных областях, причём не только в литературоведении, но и в культурологии, семиотике, искусствоведении [1; 3; 4; 11; 12]. Пристальное внимание к столь привычной, на первый взгляд, повседневно-бытовой архитектурной детали объяснимо как интересом современных учёных к пространственно-временному аспекту конструирования художественного мира в целом, так и изначальной семантической насыщенностью образа окна в культуре разных народов: в статье о символике окна в мифопоэтической традиции В.Н. Топоров подчёркивал его «особую напряжённость» [4, с. 164] и «исключительную суггестивность» [4, с. 179].

Джон Фаулз в своих романах часто использует язык пространственных образов и пространственных отношений для символического воплощения важнейших идей [13; 14; 15; 2]. Прежде всего исследователи обращают внимание на тему путешествия героя, метафорически отражающую его движение к самопознанию и подкреплённую инициальными топосами лабиринта, острова, сада, оппозициями земного и подземного миров, освещённой и затенённой части физического пространства, мотивами замкнутости и разомкнутости: «В каждом романе Фаулза экзистенциальное путешествие в себя находит свой объективный коррелят в пространственной образности», – отмечает Дж. Палмер [15, р. 98]. Именно в контексте инициальной темы особое значение получают у писателя мотивы и образы, традиционно связанные с топосом границы, – дверь (или её инварианты: калитка, ворота), замок и ключ, зеркало, водная преграда и, наконец, окно.

Шестидесятые и семидесятые годы двадцатого столетия – период интенсивной творческой жизни писателя. В созданных за это время четырёх романах и новеллистическом сборнике «Башня из чёрного дерева» встречается немало описаний архитектурных сооружений, выполняющих функцию временного или постоянного жилища героев. Стоящий на отшибе новопробретённый особняк Клегга становится основным местом действия в романе «Коллекционер», в романе «Волхв» пространственный и композиционный центр – вилла Кончиса на мысу Бурани, в заглавной повести сборника «Башня из чёрного дерева» все события разворачиваются в поместье художника Генри Бресли Котмине, а в новелле «Бедный Коко» из того же сборника основное сюжетное действие не выходит за пределы снятого повествователем коттеджа «Остролист». В то же время в романах «Любовница французского лейтенанта» и «Дэниел Мартин», как и в новеллах «Туча», «Энигма», роль архитектурных сооружений иная.

Здесь нет выделенного, пространственно-обособленного образа дома, тесно связанного с линией главного героя. Скорее, многочисленные временные «дома» (съёмные квартиры, номера в отелях или «утраченные домены»), подобно пунктирным линиям, маркируют его инициальный маршрут либо связаны с второстепенными персонажами, что особенно характерно для «викторианского» романа писателя «Любовница французского лейтенанта». Пространственным ядром этих произведений, местом, где происходят важнейшие инициальные испытания, оказывается открытое пространство – Вэрская пустошь, лондонский парк, островок дикой природы в Центральной Франции, развалины Пальмиры.

Однако вне зависимости от сюжетно-композиционной значимости того или иного «жилищного» или, гораздо реже, общественного локуса, даже при «штриховом» его описании или отсутствии описания, почти обязательно упоминается окно. Так, в романе «Коллекционер» описание воображаемого Клеггом их совместного с Мирандой семейного дома сводится к тому, что этот дом красив, современен, и в нём есть большая комната с «огромным окном цельного стекла» [8, с. 7], а о рабочем пространстве Клегга в Ратуше читатель не узнаёт ничего, кроме наличия в нём окон, через которые он наблюдал за Мирандой [8, с. 6]. В квартире, где происходит первая встреча Николаса и Алисон («Волхв»), в поле зрения повествователя попадают лишь распахнутая дверь, небольшие размеры прихожей, тусклым светом освещающая комнату лампа и – как самая запоминающаяся и поэтичная деталь этого пространства – «тёмные силуэты танцующих на фоне окна, за которым – вечерние деревья, бледно-янтарное небо» [5, с. 27]. Немного читатель узнаёт и о жилище Николаса в Лондоне. Вновь отсутствует развёрнутое или хотя бы частичное описание интерьера, а есть только своеобразный архитектурный проект-чертёж: дверь, прихожая, ванная комната, спальня, камин, диван. Но при этом опять упомянуто окно: в него глядит Алисон во время напряжённого разговора с Николасом после их первой ночи [5, с. 31]. А в столь же скупо обрисованной второй, теперь совместной, съёмной квартире уже сам Николас, высунувшись в окно, глядит вслед уходящей подруге, пока та не скрывается за углом [5, с. 49]. Наряду с тем, развёрнутое описание виллы Кончиса, постепенно, по мере развития повествования, прирастающее деталями, включает в себя более многочисленные и подробные описания окон. Одно из них даже сопровождается живописной аллюзией, когда Кончис показывает своему гостю альбом с репродукцией «Благовещения» Фра Анджелико: «Они венецианские. Пятнадцатого века» [5, с. 98]. В романе «Любовница французского лейтенанта» окон множество: в гостиной и комнате Эрнестины в доме её тётушки, в фонаре-эркере кабинета доктора Грогана, в гостиной и комнате Сары в доме миссис Поултни, в лаймовской Ассамблее и семейном отеле Эндикоттов, в Вензиетте и лондонском доме мистера Фримена, в особняке Россетти, наконец, даже в поезде и кэбе. Столь же обязательным интерьерно-архитектурным элементом является окно и в романе «Дэниел Мартин» в описании локусов, маркирующих передвижение заглавного героя в пространстве его романного настоящего, и в эпизодах, отсылающих к его прошлому. Это номер Дэниела в калифорнийском отеле и его студенческая квартирка в Оксфорде, церковь близ старого пасторского дома, лондонская квартира Дэна и больничная палата Энтони, дом семьи Мэллори и комнатка Нэнси, гостиничные номера во время путешествия Дэниела с Джейн по Нилу.

Характерно, что детализация образа окна, как правило, минимальна: описание самого конструктивного элемента либо вовсе отсутствует, либо через единичные детали акцентированы его функциональные аспекты. К числу таких повторяющихся и значимых составляющих образа окна в произведениях Фаулза можно отнести следующие его свойства. Прежде всего,

возможность (или невозможность) *видеть* что-либо через окно и степень «видимости». В последнем случае мера открытости заоконного пространства дозируется различного вида шторами, занавесками, жалюзи. Так, в особняке Клегга («Коллекционер») окна либо изнутри забиты досками, либо наглухо задёрнуты шторами, а в подвале, где он держит похищенную им девушку, окон нет совсем, и только через замочную скважину несчастная узница видит солнечный свет. В романе упоминаются лишь три окна, дающих возможность видеть происходящее за пределами внутреннего пространства. Повествование начинается рассказом Клегга о том, что он мог видеть Миранду на работе, в Ратуше, когда «подходил к окну и смотрел туда, на их дом, поверх матовых стёкол» [8, с. 6]. Два других читателя встречают в доме художника Дж. П.: сквозь одно живописец глядит на улицу, разговаривая с Мирандой [8, с. 177]. А сквозь второе, в потолке мастерской, льётся ей на колени поток лунного света, когда она слушает музыку Баха [8, с. 197]. В другом романе, «Волхв», через окно своей лондонской квартирки Николас наблюдает, как уходит его девушка. Тогда как в «Любовнице французского лейтенанта» «сквозь кружевные занавески» на Чарльза любит его невеста Эрнестина [9, с. 35].

Следует отметить, что значима не только осуществимость способности видеть, но и сама картина, увиденная героем или героиней, «направленность» окна, вид из него. При этом описание заоконного пространства есть не всегда: довольно часто персонаж Фаулза просто отступает *к окну*, тем самым отдаляясь от собеседника. Это обычно происходит в момент эмоционально-напряжённого разговора. В таком случае лишь отмечается перемещение персонажей и тот факт, что герой не смотрит на своего собеседника, но, отстраняясь от него, переводит взгляд в пространство за пределами помещения. Подобным образом, после возвращения из Вензиетта, Чарльз отходит, а затем стоит у окна спиной к Эрнестине [9, с. 446].

Но во многих других случаях то, что увидено, описывается кратко или более развёрнуто. Заметим, что даже в том случае, когда окно закрыто/заколочено, повествователь часто уточняет его расположение и, соответственно, то, что могло бы быть видимо через него. Так, например, зашитое досками окно ванной в доме Клегга выходит в сад [8, с. 50], как и окно спальни, которую он якобы переделывал для своей пленницы [8, с. 112].

В целом, в исследуемых романах есть два основных варианта заоконного пространства: пейзаж природный или городской. Среди примеров первого отметим часто встречающийся в романах Фаулза вид на море. В сторону «владений Посейдона», в частности, выходят окна спальни Кончиса и окна его концертной комнаты на первом этаже («Волхв»). Вид на море подчёркнут и в романе «Любовница французского лейтенанта»: он открывается из окна эркера в кабинете доктора Грогана, окон старой Ассамблеи в Лайме, из дома миссис Поултни. Показательно, что из окон дома своей работодательницы глядит в морскую даль только Сара Вудраф. Именно морской пейзаж оказывается одной из причин, побуждающих мисс Вудраф стать компаньонкой старой ханжи: Сара осталась в доме миссис Поултни, так как из окон Мальборо-хауса «открывался великолепный вид на залив Лайм» [9, с. 47]. Та же героиня стоит, «не сводя глаз с моря», у окна своей спальни на втором этаже, раздумывая о самоубийстве [9, с. 110]. При этом саму миссис Поултни глядящей из окон дома повествователь изображает лишь единожды: угрюмо обозревая свои владения из окна верхнего этажа, она замечает отнюдь не море, но «грязное», «непристойное» поведение своей горничной и конюха, ибо последний самым преступным образом запечатлевает на щеке прелестной девушки поцелуй [9, с. 91]. Есть, правда, ещё один эпизод, где хозяйка Мальборо-

хауса тоже стоит у окна, но в этот момент она не «смотрит» из окна и не «видит» мира за ним, но «демонстрирует» свою спину грешнице, таким образом выражая своё крайнее возмущение и неодобрение [9, с. 279].

Другой встречающийся в разных романах вариант природного заоконного пейзажа – речной. В романе «Любовница французского лейтенанта» о комнате с выходящими на Сену окнами и сладко спящей на заре девушке вспоминает Чарльз, глядя на столь же безмятежно спящую Сару [9, с. 85], а в доме Россетти сквозь листву деревьев перед домом поблёскивает на солнце Темза [9, с. 526]. В романе «Дэниел Мартин» во время путешествия по Египту у обоих, Дэниела и Джейн, окна гостиничного номера выходят на Нил, и Дэниел внимательно глядит «на тёмную реку, воды которой отражали огни Гезиры на том берегу» [7, с. 233]. Чуть позже из иллюминаторов расположенных на правом борту круизного судна кают героев вновь открывается вид на освещённый заходящим солнцем Нил [7, с. 279].

Иной, часто встречающейся разновидностью пейзажа, воспринимаемого героями романов Фаулза из окна, оказывается сад. Это словно промежуточное между чисто природным, диким, и «цивилизованным», городским, пространство. В сад, как уже отмечалось выше, выходят заколоченные или намертво зашторенные окна особняка Клегга. Уже зная о согласии отца на брак, Эрнестина смотрит на «залитый солнцем сад», и затем радостно оборачивается к входящему в комнату жениху [9, с. 444]. К саду (и к Темзе) обращены окна особняка Россетти и устремлён взгляд Сары, она «стоит там у окна и смотрит вниз, в сад, смотрит на ребёнка и молодую женщину – может быть, мать этого ребёнка, – которые, сидя на траве, плетут венки из ромашек» [9, с. 555]. В сад оксфордской съёмной квартиры Дэниела неотрывно глядит Джейн в тот самый день, когда она решила изменить Энтони [6, с. 94]. Окутанный туманом сад виден и из гостиной дома Джейн [6, с. 341].

Урбанистический пейзаж открывается из романских окон столь же регулярно. Городская улица и дом Миранды видны из окна муниципалитета, где служит Клегг. От «муторного лондонского пространства, раскинувшегося за окнами», чувствуют себя отделёнными влюблённые Николас и Алисон [5, с. 33]. Улица и Гайд-парк видны из окон лондонского особняка мистера Фримена [9, с. 330]. На городскую площадь выходят окна гостиничного номера Чарльза: «Так скучно, так незначительно было всё, что открывалось его глазам, когда он стоял у окна своей комнаты... Белый лев с мордой голодного китайского мопса, очень живо напоминающий лицо миссис Поултни, что красовался на гостиничной вывеске, угрюмо глядел на него снизу» [9, с. 157]. Деловая часть Лос-Анджелеса, «безбрежное плато обычной, сияющей огнями ночи» видны из окна гостиничного номера Дэниела Мартина [6, с. 23], а в Лондоне из окон его старой квартиры виднеется тёмная ночная улица и одинокий бродяга, роющийся в мусорном баке [6, с. 399].

Заметно, что описываемое заоконное пространство отражает происходящие во внутреннем мире героя процессы и возникающие состояния. Приведённые выше примеры позволяют, например, увидеть сосредоточенность Эрнестины на возлюбленном: она, главным образом, видит из окна своего милого Чарльза или же наблюдает за окнами его гостиничного номера, а залитый солнцем сад воспринимается как символическое отражение её радостных надежд на близящееся бракосочетание. То, как сам Чарльз тяготеет помолвкой и ожидающей его супружеской жизнью, становится заметным из описания «скучного» и «незначительного» городского пейзажа, такого льва с «мордой китайского мопса», что он видит перед собой в оконном

проёме. Николас из романа «Волхв» явственно испытывает эгоистичную радость от прекращения надоевших отношений: проследив в окно, как фигурка Алисон исчезает за углом, он «умывает руки», ополаскивая оставшуюся от совместной трапезы посуду, застелив постель и написав прощальное письмо теперь уже бывшей возлюбленной. Для миссис Поултни сад – своего рода охотничьи угодья: она расставляет в нём механические капканы и выслеживает влюблённую парочку, устроившую здесь свидание, видя в молодых людях опасных грешников-прелюбодеев. При этом взгляд из окна и для миссис Поултни, и для Клегга – возможность реализации своей тяги к соглядатайству. Подобный тип восприятия реальности Энтони Мэллори в романе «Дэниел Мартин» называет умением «разыскивать», в отличие от способности «рассматривать», свойственной, по его мнению, самому Дэниелу [6, с. 316]. Или, как Миранда говорит о Клегге: «Рыбьи глаза. Следят. И всё» [8, с. 127]. Подобное «видение-выслеживание» равносильно незрячести: «Он слеп, слеп», – пишет Миранда в дневнике о своём похитителе [8, с. 136]. Полноценное же визуальное восприятие мира – то, каким обладают художники, способные «описать суть предметов. Не сами предметы» [8, с. 136].

Закононое пространство может служить и толчком для мысленных ассоциаций героя. Так, взглянув в окно на улицу Брод-стрит, Чарльз вспоминает слова Сары о боярышнике, ведь именно эту улицу назвала она, объясняя своё положение: «Пока он растёт здесь в одиночестве, его никто не порицает. Чтобы оскорбить общественные приличия, ему надо появиться на Брод-стрит» [9, с. 210].

И всё же само наличие окна акцентирует наличие стены. Подчёркивает разделённость человека и реальности. В романе «Любовница французского лейтенанта» повествователь замечает: «Викторианцам была свойственна эта удивительная египетская черта, эта клаустрофилия, о которой так недвусмысленно свидетельствует их одежда, пеленающая их, словно мумий, архитектура их тесных коридоров и узких окон, их страх перед открытым и обнажённым. Прячьте действительность, отгораживайтесь от природы» [9, с. 204]. Отделённость от природы, как считает писатель, не только викторианская черта, она свойственна современному человеку, укоренена в нём. Окно в стене – образное отражение ограниченности человеческого взаимодействия с реальностью, неизбежное для него отсутствие цельности и целостности, а взгляд в окно – попытка понимания, интерпретации мира, в которой неизбежно отражается природа отдельного человека, индивидуальность его мировосприятия.

И здесь надо обратить внимание на ещё одну особенность описания окон в произведениях Фаулза: оно может быть закрытым или открытым. Позволить сидеть у открытого окна, пусть даже с кляпом во рту, безрезультатно умоляет своего тюремщика Миранда («Коллекционер»), постоянно открыты во время «уроков» окна на вилле Кончиса, а во время долгожданной ночи с Лилией Чарльз слышит от неё предложение открыть окно навстречу дождю («Волхв»), у раскрытого окна «всеведущий автор» викторианского романа видит Сару («Любовница французского лейтенанта»), а в романе «Дэниел Мартин» к концу путешествия с Джейн в одном из отелей Египта наконец распаивает окно Дэниел: «Дэн встал, раздвинул шторы, раскрыл окна. Воздух покалывал кожу, солнце ещё не совсем поднялось над горизонтом, великую тишь изредка нарушали лишь хриплые крики речных чаек... аромат зелени, воды, пейзажи Нила» [7, с. 438].

Распахнутое окно – это открытость персонажа в сторону внешнего мира, реальности, дающей о себе знать всей полнотой сенсорных ощущений: не только зрительных, но и слуховых, обонятельных, осязательных. Это готовность воспринимать мир целостно.

Через открытое окно реальность полностью вторгается в субъективное пространство героя и, хоть и сквозь стеклянную преграду, напоминает о себе. Не случайно переломные в судьбе героя сцены часто разворачиваются под раскаты грома, блеск молнии и барабанную дробь дождевых капель по оконному стеклу.

В качестве иллюстрации сказанного особенно показательна седьмая глава романа «Любовница французского лейтенанта». Лаконичная пейзажная зарисовка здесь не столько визуализирует открытое пространство за пределами комнаты Чарльза, сколько передаёт его ощущение героем: свет (визуальный ряд), тепло и ветер (осознание), и блеяние стада (звук). Чарльз велит слуге распахнуть окна – и природа словно врывается в викторианский замкнутый мирок: утро «нахлынуло», заливая комнату солнечным светом, преображающим мир так, что даже потрёпанные плюшевые шторы кажутся красивыми. Тёплый весенний воздух «ласкает» грудь молодого человека сквозь полуоткрытый ворот ночной рубашки, «расхрабрившийся» ветерок треплет занавески, а за окном раздаётся блеяние и цокот маленьких копыт. Показательно, что, когда Чарльз выглядывает в окно, разрозненные чувственные впечатления сразу оформляются, обретая очертания санкционированного культурной традицией буколического топоса: пастух в живописном народном костюме, опёршись на посох, беседует с другим стариком, а стадо овец и ягнят топчется рядом. Следом пасторальная топика получает развитие в разговоре Чарльза со слугой: Сэм раздосадован дерзкими насмешками приглянувшейся ему горничной Эрнестины, с обидой аттестуя прелестную девушку «чёртовой коровницей» [9, с. 48–49].

Таким образом, извечный характер природного начала, что заявляет о себе вторжением в пространство гостиничного номера Чарльза, облекается в знакомые для героя «одежды», жанрово оформляется. Сквозь городской будничный ландшафт просвечивает начало совершенно (в обоих значениях) природное. Оно врывается извне в уютный, хотя и слегка пообносившийся, мирок Чарльза, заявляя о себе через телесные ощущения. Сначала светом, которому наконец дана возможность пролиться внутрь комнаты, а потом прикосновением тёплого воздуха, скользнувшего под ещё один защитный барьер, воздвигнутый культурой между природой и человеком, – его одежду, несмотря на то что ворот рубашки лишь полуоткрыт. Перемены в сознании Чарльза получают отражение в последующих «законных» пейзажных зарисовках. После первой встречи с Сарой им овладевает нестерпимая жажда странствий, потребность видеть острова и горы вместо морды голодного китайского мопса на вывеске, после второй он высовывается из окна, вдыхает солёный воздух, слышит шорох волн и крики чаек и, кажется, находится между двумя мирами: между «уютной тёплой цивилизацией у него за спиной и холодной чёрной тайной за окном» [9, с. 174]. Так постепенно, шаг за шагом, встреча за встречей, трансформируется его сознание, и одновременно меняется пейзаж и его восприятие героем.

Наконец, необходимо обратить внимание на траекторию, вектор взгляда, зрительную позицию повествователя. В данном случае есть два основных варианта: из замкнутого пространства в открытое или, наоборот, из открытого в замкнутое. В романе «Коллекционер» взгляды, даже если они ограничены непроницаемостью запертых дверей и заколоченных окон, направлены вовне.

В романе «Волхв» присутствуют оба варианта. В первой, лондонской, части книги взгляд Николаса направлен из замкнутого пространства комнаты в разомкнутое пространство улицы. А в «островной» части романа периодически появляется обратный вектор. Когда глав-

ный герой впервые беседует с таинственным хозяином виллы в пределах открытой колоннады, дверь, ведущая в дом, заперта, а ближние окна плотно зашторены, и только во время второго визита Кончис приглашает молодого человека внутрь. Позже, пытаясь объяснить происходящие чудеса, Николас раз за разом извне заглядывает во внутреннюю часть дома, и вновь отдельные окна наглухо закрыты. Когда же представления метатеатра заканчиваются, ставнями закрыты все окна опустевшего дома Кончиса. Закрыты окна и других домов острова, связанных с метатеатром, и Николасу, при всех его стараниях, не удаётся видеть, что там внутри. Вернувшись в Англию, он гораздо чаще вглядывается в окна, и теперь уже не в поисках разгадки происходящего. Он то несколько дней подряд караулит, когда зажгутся окна в квартире Алисон, то заглядывает в окна кафе, «заранее намечая себе место в закутке» [5, с. 675].

В романе «Любовница французского лейтенанта» взгляды героев в основном направлены из помещения в открытое пространство. Но есть несколько исключений. Во-первых, отправившись на последнюю встречу с Сарой на Вэрской пустоши, Чарльз, разыскивая её, заглядывает «сквозь квадратное окошко» в темноту старого амбара, где она назначила встречу, хотя и не может ничего там разглядеть [9, с. 277]. В другом эпизоде, после разговора с отцом Эрнестины, Чарльз сначала замедляет движение, поравнявшись со скобяной лавкой, и разглядывает сквозь стекло лавочника в котелке и холщовом переднике, с отвращением думая о торговле, и чуть позже оказывается перед витриной магазина самого мистера Фримена [9, с. 342]. А в последнем варианте финала он с улицы глядит на фасад дома Россетти, и ему кажется, будто «в одном из окон на верхнем этаже быстро опустился краешек кружевной занавески. Но это ему, конечно, показалось – с занавеской играл ветер» [9, с. 555]. Кроме того, несколько раз функцию заглядывающего в окна наблюдателя выполняет «викторианский автор» романа. Он то представляет себя человеком, стоящим на лужайке и разглядывающим тускло освещённое окно в верхнем этаже Мальборо-хауса [9, с. 113], то обращает внимание на окна отеля, где остановилась Сара: «В нескольких гостиничных номерах тоже горит свет <...>, в одном из окон первого этажа <...> можно разглядеть саму миссис Эндикотт, восседающую за столом у очага, <...> а если мы переведём взгляд по диагонали вверх, то через крайнее правое окно на верхнем этаже, ещё не освещённое и с незадёрнутыми бордовыми занавесками, мы успеем увидеть типичный образец того, что у миссис Эндикотт идёт по двенадцать шиллингов шесть пенсов» [9, с. 319].

В романе «Дэниел Мартин» повествователь также может занимать обе зрительные позиции. Но дополнительно встречается единственный в своём роде эпизод, где оконное стекло не только позволяет взгляду заглавного героя скользить по ночному городскому ландшафту, но и зеркально отражает внутреннее пространство комнаты, в которой Дэниел находится: вспыхнувший огонек зажигалки, лицо, длинные волосы, янтарный очерк дивана и белизна, «там, где распахнуто тёмно-синее, не стянутое поясом кимоно» [6, с. 23].

Можно заметить, что применённая пространственная позиция наблюдателя во многом зависит от его восприятия мира: эгоцентрической сосредоточенности на себе и своей субъективной трактовке реальности или стремления к постижению других людей, иных способов мировосприятия и миропонимания. Характерно, что последнюю зрительную позицию в романе «Любовница французского лейтенанта» занимает сам «автор», отказывающийся от викторианского всеведения и предоставляющий своим героям свободу, а в романе «Волхв» Ни-

колас осознаёт ошибочность своего представления о том, что за ним наблюдают и «выставляют оценки»: в высоких окнах Камберленд-Террейс никто не стоял, а небеса пусты [5, с. 694]. И у «романа» человеческой жизни нет автора, либо, удалившись, «романист» предоставил своим персонажам абсолютную свободу.

Подводя итог, отметим следующее. Фаулз не использует традиционную мифопоэтическую (окно как мистическая граница и как путь для вторжения иного, потустороннего мира) или романтическую (герой/героиня у окна в состоянии созерцательной устремлённости к бесконечности) семантику окна. Значимость мотива окна в произведениях Фаулза шестидесятых-семидесятых годов прежде всего связана с устойчивым интересом писателя к гносеологическим проблемам, проблемам самопознания и творчества, а также с двумя, физическим и ментальным, уровнями, организующими пространство его художественного мира [13; 15]. Архитектурные объекты в нём не только обладают предметным статусом с историческими или эстетическими измерениями в рамках физического мира, но одновременно, в русле психоаналитической, прежде всего, юнговской интерпретации образа дома, оказываются метафорой внутреннего мира персонажей романа, местом концентрации ментальных процессов. С этой точки зрения мотив окна в пространстве персонажей – образное выражение каналов, с помощью которых оказывается возможным соприкосновение внешнего и внутреннего миров, место встречи сознания и реальности. В романах, где происходит эволюция сознания героя, возникает трансформация характера его взаимодействия с реальностью: от простого наблюдения, всматривания через оконное стекло к окну распахнутому, через проём которого истинная, природная, реальность вторгается, завладевая всеми чувствами, не только зрением, но и слухом, осязанием, обонянием (за исключением разве что вкусового ощущения). Герой стремится к единству закрытого и открытого, внутреннего и внешнего пространства, с тем чтобы из субъективного центробежного пространства вступить, в конце концов, в реальность, и не как сторонний, чуждый действительности наблюдатель, ощущающий свою инаковость по отношению к ней, но как «художник», творец, обладающий целостным восприятием мира.

Список литературы

1. *Болотникова О.Н.* Семантика и функции двери и окна в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 24 с.
2. *Губанова Е.Н.* Семантика пространства в постмодернистском художественном тексте (на материале произведений Джона Фаулза): автореф. дис ... канд. филос. наук. М., 2009. 24 с.
3. *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Место окна в поэтическом мире Пастернака // Работы по поэтике выразительности. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 209–239.
4. *Топоров В.Н.* К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. М.: Наука, 1984. С. 164–185.
5. *Фаулз Дж.* Волхв. Пер. с англ. Б. Кузьминского. М.: Махаон, 2002. 704 с.
6. *Фаулз Дж.* Дэниел Мартин: Роман: В 2 т.: Т. I. Пер. с англ. И. М. Бессмертной. М.: Махаон, 2000. 608 с.
7. *Фаулз Дж.* Дэниел Мартин: Роман: В 2 т.: Т. II. Пер. с англ. И. М. Бессмертной. М.: Махаон, 2001. 560 с.
8. *Фаулз Дж.* Коллекционер. Пер. с англ. И. Бессмертной. СПб.: Кристалл, 2001. 288 с.

9. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта. Пер. с англ. М.И. Беккер, И.Б. Комаровой. СПб.: Азбука, 2001. 576 с.
10. Фаулз Дж. Пять повестей: Башня из черного дерева. Элидук. Бедный Коко. Энигма. Туча: Повести. Пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М.: Изд-во АСТ, 2004. 444 с.
11. Храповицкая Г.Н. Природа в литературе и живописи немецкого романтизма // Культурология. 2008. № 1(44). С. 208–218.
12. Щукин В.Г. Окно как «жанровый» локус и поэтический образ // Поэтика русской литературы. М.: РГГУ, 2009. С. 80–101.
13. Eriksson B.H.T. The “Structuring Forces” of Detection: The Cases of C.P. Snow and John Fowles. Uppsala: AUU, 1995. 254 p.
14. Hanko U., Liiv G. Imagery in John Fowles’s Novels // Ученые записки Тартусского университета. Труды по романо-германской филологии. Вып. 898. Тарту, 1990, pp. 31–38.
15. Palmer W.J. The Fiction of John Fowles: Tradition, Art, and the Loneliness of Selfhood. Columbia Univ. of Missouri press, 1974. 113 p.

References

1. Bolotnikova O.N. Semantics and functions of doors and windows in the artistic world of N.V. Gogol. Abstract of PhD Thesis. Tomsk, 2017. 24 p. (In Russ.).
2. Gubanova E.N. Semantics of space in postmodernist fiction (based on the works of John Fowles). Abstract of Thesis of Cand. philos. sci. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.).
3. Zholkovskii A.K., Shcheglov Yu. K. The place of the window in Pasternak's poetic world. *Works on the poetics of expression*. Moscow: Progress, 1996, pp. 209–239. (In Russ.).
4. Toporov V.N. On the symbolism of the window in the mythopoetic tradition. *Balto-Slavic Studies*. 1983. Moscow: Nauka, 1984, pp. 164–185. (In Russ.).
5. Fowles J. The Magus. Moscow: Machaon, 2002. 704 p. (In Russ.).
6. Fowles J. Daniel Martin. Vol. I. Moscow: Machaon, 2000. 608 p. (In Russ.).
7. Fowles J. Daniel Martin. Vol. II. Moscow: Machaon, 2001. 560 p. (In Russ.).
8. Fowles J. The Collector. Saint-Petersburg: Crystal, 2001. 288 p. (In Russ.).
9. Fowles J. The French Lieutenant’s Woman. St. Petersburg: Azbuka, 2001. 576 p. (In Russ.).
10. Fowles J. Five Novellas: The Ebony Tower, Eliduc. Poor Koko, The Enigma, The Cloud. Moscow: AST, 2004. 444 p. (In Russ.).
11. Khrapovitskaya G.N. Nature in literature and painting of German Romanticism. *Cultural Studies*, 2008, no. 1(44), pp. 208–218. (In Russ.).
12. Shchukin V.G. The window as a “genre” locus and poetic image. *Poetics of Russian Literature*. Moscow: RSUH, 2009, pp. 80–101. (In Russ.).
13. Eriksson B.H.T. The “Structuring Forces” of Detection: The Cases of C.P. Snow and John Fowles. Uppsala: AUU, 1995. 254 p.
14. Hanko U., Liiv G. Imagery in John Fowles’s Novels. *Uchenye Zapiski Tartusskogo Universiteta. Works on Romano-Germanic philology*. Issue 898. Tartu, 1990, pp. 31–38.
15. Palmer W.J. The Fiction of John Fowles: Tradition, Art, and the Loneliness of Selfhood. Columbia Univ. of Missouri press, 1974. 113 p.

Статья поступила в редакцию / Received 10.12.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.12.2024

Принята к публикации / Accepted 12.12.2024

Научная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/39-49>

Поэтика стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата»

Агата Андреевна Задорожная¹

Научный руководитель: Галина Ивановна Модина²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Магистрант, ассистент кафедры романо-германской филологии,

zadorozhnaia.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

²Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии,

modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Аннотация. Статья посвящена анализу поэтики стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата». Рассматривается композиция сборника сестёр Бронте «Стихотворения», где материал организован в триптихи и «Сон жены Пилата» открывает первый из них, посвящённый переживанию веры. Анализируются исторический и лирический сюжеты, формирующие жанровое своеобразие стихотворения, выявляются черты, родственные жанру романтической лирической баллады. Исследование позволяет видеть в стихотворении сборника пролог к поэтическому сборнику сестёр Бронте: свет и тьма, центральные мотивы баллады, становятся лейтмотивами книги и организуют её художественное пространство.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте, сёстры Бронте, мотив света, мотив тьмы, переживание веры, лирическая баллада, «Сон жены Пилата»

Для цитирования: Задорожная А.А. Поэтика стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 39–49.

Original article

Poetics of Charlotte Brontë's Poem "Pilate's Wife's Dream"

Agatha A. Zadorozhnaya¹

Scientific advisor: Galina I. Modina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Post-Graduate Student, Assistant, Department of Roman and German Philology, zadorozhnaia.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

²Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the poetics of Charlotte Brontë's poem "Pilate's Wife's Dream". It considers the composition of the Brontë sisters' book "Poems" where the

material is organized into triptychs and “Pilate’s Wife’s Dream” starts the first of them, which is devoted to the feeling of faith. It analyzes historical and lyrical plots that form the genre originality of the poem. It reveals that the poem belongs to the genre of romantic lyrical ballad. It discovers that “Pilate’s Wife’s Dream” is a prologue to the poetry collection of the Brontë sisters: light and darkness, central motifs of the ballad, become leitmotifs of the book and organize its artistic space.

Key words: Charlotte Brontë, the Brontë sisters, motif of light, motif of darkness, feeling of faith, lyrical ballad, “Pilate’s Wife’s Dream”

For citation: Zadorozhnaya A.A. Poetics of Charlotte Brontë’s Poem “Pilate’s Wife’s Dream”. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 39–49. (In Russ.).

В конце мая 1846 года лондонское издательство «Эйлот и Джонс» (“Aylott and Jones”) опубликовало тиражом в тысячу экземпляров небольшой поэтический сборник, озаглавленный «Стихотворения» (“Poems”). Расходы, сопряжённые с изданием книги, взяли на себя её авторы – безвестные братья Каррер, Эллис и Эктон Белл [8, p. 73]. Рецензент литературного журнала «Атенеум» (“The Athenaeum”) отметил: семья Беллов обладает «врождённым поэтическим чувством»¹ (“the instinct of a song”), распределённым между братьями «в очень неравных долях» (“in very unequal proportions”) [8, p. 73]. Особого внимания удостоились стихи Эллиса Белла, обладающего, по выражению критика, «сильными крыльями, которые впоследствии подымут автора на высоту, пока им не достигнутую» (“an evident power of the wing that may reach heights not here attempted” [8, p. 73]). В журнале «Критик» (“The Critic”) заявили, что в стихах братьев Белл заключено «больше таланта, чем в это практичное время, предположительно, вкладывают в более возвышенные интеллектуальные упражнения» (“more genius than it was supposed this utilitarian age had devoted to the loftier exercises of the intellect” [8, p. 73]). Несмотря на похвалу литературных критиков, издателям удалось продать всего два экземпляра «Стихотворений» [11, p. v]. Сборник получили и некоторые видные английские писатели того времени: Альфред Теннисон, Джон Гибсон Локхарт, Томас де Квинси и другие – в знак уважения и благодарности за их творчество, горячо любимое Каррером, Эллисом и Эктоном Беллами [11, p. v]. Таковы были первые шаги Шарлотты, Эмили и Анны Бронте на пути к известности. После скромного литературного дебюта сёстры с энтузиазмом принялись за создание своих первых книг. Шарлотта написала роман «Учитель», но издатель отказался печатать книгу «по деловым соображениям», однако добавил, что следующая работа автора будет рассмотрена «с пристальным вниманием» [10]. В 1847 году, вслед за скорой публикацией «Грозового перевала» Эмили и «Агнес Грей» Анны, в свет вышел и роман Шарлотты «Джейн Эйр». Проза сестёр Бронте широко известна, её самобытность и художественные достоинства неоспоримы. «Стихотворения» же не привлекли внимания современников, факт существования этого произведения часто упускается из виду, однако совместная публикация поэтического сборника была важной вехой в творческой биографии сестёр.

Шарлотта, по случаю переиздания романов уже покойных Эмили и Анны, в 1850 году написала «Биографическую заметку об Эллисе и Эктоне Беллах», где поделилась с читателями историей, скрытой за этими псевдонимами [6]. Уединение пасторского дома в Гаворте, графстве Йоркшир, где жила семья Бронте, располагало к творчеству: сочинительство было любимым досугом сестёр Бронте ещё с детства, и они с радостью показывали друг другу свои сочи-

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

нения. Повзрослев, сёстры не оставили литературных занятий, но делиться написанным перестали. Осенью 1845 года Шарлотта, Эмилия и Анна после долгой разлуки воссоединились дома в Гаворте [6]. На рубеже тридцати лет у каждой за плечами были свои радости и разочарования, сёстры оказались единодушны в нежелании терпеть тяготы жизни гувернанток, но их планы по открытию собственной школы расстроились. Тогда же Шарлотта «случайно наткнулась на тетрадку стихов» Эмилии. Поэзия сестры произвела на Шарлотту неизгладимое впечатление, в ней она «услышала особенную музыку – страстную, печальную, возвышенную» [1, с. 67] (“To my ear they had also a peculiar music – wild, melancholy, and elevating” [6]). Узнав о случившемся, и Анна предложила на суд старшей сестры свои сочинения – Шарлотта нашла в её стихах «неповторимый нежный и искренний голос» (“a sweet sincere pathos of their own” [6]).

С большим трудом Шарлотте удалось разжечь в Эмилии «затаённую искру благородного честолюбия» (“latent spark of honourable ambition” [6]) и убедить в том, что «столь прекрасные стихи должны быть напечатаны» [1, с. 67]. С воодушевлением вспоминает Шарлотта об их решении осуществить задуманное: «Мы очень рано взлелеяли мечту однажды стать сочинителями. Даже разделённые расстоянием и всецело поглощённые делами, мы ни при каких обстоятельствах не отрекались от этой мечты, теперь вдруг обретшей силу и устойчивость: она превратилась в твёрдое намерение. Мы договорились составить небольшую подборку наших стихов и, если возможно, добиться их публикации» [6].

Возможно, жизненные устремления сестёр определило и то, что с детства они видели фамилию Бронте на книжных полках. В 1811 и 1818 годах, после учёбы в Кембридже, их отец, преподобный Патрик Бронте, опубликовал собственные поэтические и прозаические сочинения, главным образом нравоучительные [8, р. 15]. Перу его жены Марии Бронте тоже принадлежал небольшой труд – эссе «Преимущества бедности в религиозных делах» (“The Advantages of Poverty in Religious Concerns” [8, р. 19]). Решив уберечь от волнений отца и брата, сёстры сохранили свой замысел в тайне. «Питая отвращение к огласке», они выбрали себе «христианские мужские имена»: Карпер, Эллис и Эктон Белл. Псевдонимы должны были не только уберечь Шарлотту и сестёр от лишнего внимания, но и позволяли надеяться на объективную оценку литературных критиков [1, с. 68]. Поиски издателей и переговоры с ними взяла на себя Шарлотта. Она сообщала о готовности авторов напечатать книгу за свой счёт. Наследство, оставленное сёстрам их родственницей Элизабет Бренуэлл, позволило покрыть расходы не только на издание «Стихотворений», но и на романы «Грозовой перевал» и «Агнес Грей» [8, р. 24].

В «Стихотворениях» сестёр Бронте звучит печаль об утрате любимых, тоска по дому и дорогие воспоминания, размышления о суетности жизни и неизбежности смерти – последнем испытании на пути к «блаженному берегу». Вместе с тем поэтический сборник пронизан исповедальными интонациями. Лирические героини Шарлотты, Эмилии и Анны переживают сомнения в вере, крушение надежд и муки любви, размышляют о земном уделе и о том, что ждёт за чертой смерти. Сборник насчитывает шестьдесят одно стихотворение: девятнадцать из них принадлежат Шарлотте, Эмилия и Анна написали по двадцать одному стихотворению каждая. Композиция сборника организована особым образом: каждое первое сочинение принадлежит Шарлотте, второе – Эмилии, третье – Анне. Так стихотворения объединяются в триптихи, где всякий раз Шарлотта начинает новую тему, а сёстры развивают её в своём ключе. Заданный ритм сохраняется на протяжении всей книги с небольшими вариациями: стихи Эмилии и Анны следуют за стихами Шарлотты, но сёстры иногда представляют по два стихотворения вместо

одного. Сборник насчитывает пять таких случаев, но тематическое единство «триптиха» всегда сохраняется. Композиция и тематика «Стихотворений» позволяют рассматривать книгу как особое поэтическое «триединство», где три голоса «поют» об одном, но каждый – на свой лад.

Первое стихотворение привлекает особое внимание, поскольку занимает сильную позицию в сборнике. К нему мы обращаемся с целью выявить смысл и значение первого триптиха в книге стихотворений. С этой целью определим тематику стихотворения и проанализируем составляющие его мотивы.

Первый триптих, как и все последующие, открывается сочинением Шарлотты «Сон жены Пилата» (“Pilate’s Wife’s Dream”). Стихотворение написано александрийским стихом и состоит из двух частей: первая насчитывает 23 шестистрочных строфы, а вторая – 3 шестистрочных строфы, всего 156 стихов.

В стихотворении Шарлотты две сюжетные линии – историческая и лирическая. Историческая восходит к «Евангелию от Матфея» и новозаветным апокрифам – «Евангелию Никодима» и «Письму Клавдии Прокулы к Фульвии». В каноническом «Евангелии от Матфея» Клавдия Прокула, жена Понтия Пилата, упоминается только раз. Она заступает за Иисуса Христа во время суда над ним и просит мужа защитить праведника: «Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» [3]. Этот же эпизод повторяет неканоническое «Евангелие Никодима»: «И тут издалека прислала ему весть жена его: “Ничем перед тобой (не виновен) тот праведный муж, ибо я много за Него претерпела в эту ночь”» [2].

«Письмо Клавдии Прокулы к Фульвии» – новозаветный апокриф, написанный от лица самой Клавдии. Подруге детства она рассказывает о своём замужестве, рождении сына, назначении мужа проконсулом Иудеи и переезде в Иерусалим. Там она становится свидетельницей чуда: видит, как Иисус Назаретский воскрешает умершую девочку Семиду – дочь еврея Иаира. С первого взгляда Клавдии открывается божественная природа незнакомца: «Я подняла глаза. И вдруг опустила их, как бы пред ярким сиянием солнца. Мне казалось, что чело Его озарено, что венцеобразные лучи окружают Его локоны. Невозможно выразить тебе, что я почувствовала при взгляде на Него. Это было вместе могущественное влечение, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всех чертах Его, и тайный ужас, потому что глаза Его издавали блеск, который как бы обращал меня в прах» [4].

Клавдия пишет, что не раз призывала мужа защитить Христа, чего тот и сам желал. Накануне дня казни ей приснился сон: «Я видела Иисуса... Лик Его блистал как солнце... Он, казалось, был готов судить поколения народов, собранных у Его стоп. Мановением Своей десницы Он отделял добрых от злых; первые возносились к Нему... а вторые – низвергались в бездну огня. <...> О какой сон, какое откровение! Лишь только заря зарумянила вершины холмов, я встала, с сердцем, ещё сжатым от ужаса, и села у окна подышать свежим утренним воздухом» [4]. Во время суда над Христом Клавдия посылает за мужем и рассказывает ему о своём сне, где видела Страшный Суд: «Он судил людей, трепетавших перед Ним. И между тенями несчастных, низверженных в бездну пламени, я увидела лица тех, которые теперь требуют его смерти...» [4]. Вопреки ужасу и сомнениям Пилат отдаёт Христа на казнь, в чём вскоре раскрывается: «Ах, почему я не послушался твоих советов, Клавдия? – воскликнул он. – Почему не защитил Того Мудреца ценою жизни моей. Моё гнусное сердце не вкусит более покоя!» [4].

Клавдия завершает письмо рассказом об их с мужем безрадостной судьбе. С тех пор несчастья преследовали Понтия Пилата: он лишился власти, всюду стал отверженным. Клавдия последовала за мужем и разделила его участь, но ни доверия, ни дружбы между супругами не осталось. Их сын умер, но Клавдия не оплакивала его: ребёнок избежал судьбы изгнанника. Утешение она нашла в усвоении Слова Божьего.

Исторический сюжет в стихотворении Шарлотты восходит к историческому факту – сновидению Клавдии Прокулы накануне суда над Иисусом Христом. Спящая Клавдия задевает лампу у изголовья своей постели. Звук удара и меркнувший свет, сопровождающие падение лампы наяву, властно вторгаются в сон лирической героини. Она просыпается, объятая «неизречённым страхом» (“nameless fear” [7, p. 2]).

Во сне Клавдия видит казнь Иисуса Христа, но, пробудившись, не сразу осознаёт произошедшее. Грохот и наступившая тьма, вызванные падением лампы, в пространстве сна соотносятся с чередой бедствий, последовавших за распятием: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; <...> Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись...» [3].

Встревоженная тяжёлым сном и непроглядным мраком Клавдия жаждет как можно скорее встретить солнечный свет утра. Чтобы развеять тревогу, героиня поднимает портьеру и смотрит на звёздное небо над Иерусалимом:

All black – one great cloud, drawn from east to west,
Conceals the heavens, but there are lights below;
Torches burn in Jerusalem, and cast
On yonder stony mount a lurid glow [7, p. 2].

Всё черно – одна большая туча,
протянувшаяся с востока на запад,
Скрывает небеса, но внизу огни;
Факелы горят в Иерусалиме и отбрасывают
На скалистую вершину зловещие блики¹.

«Глухие, мерные удары топора и молотка» (“Dull, measured strokes of axe and hammer” [7, p. 2]) доносятся с вершины горы, где «напротив света / Бледных ламп» (“against the light / Of the pale lamps” [7, p. 2]) возводят крест для скорой казни. Настороженно наблюдая за происходящим, Клавдия постепенно различает то, что пережила во сне:

I see it all – I know the dusky sign –
A cross on Calvary, which Jews uprear
While Romans watch; and when the dawn shall shine
Pilate, to judge the victim, will appear –
Pass sentence – yield Him up to crucify;
And on that cross the spotless Christ must die [7, p. 2–3].

Я вижу всё – я знаю тёмный знак –
Крест на Голгофе, что возвели евреи

¹ Перевод стихотворения выполнен автором статьи.

Под надзором римлян; и когда засияет рассвет,
 Пилат явится вершить над безвинным суд,
 Вынести приговор – отдать его на распятие;
 И на этом кресте безгрешный Христос должен умереть.

Клавдия осознаёт пророческий характер своего сна: «проснувшись, знаю я / О грядущей гибели Христа и жизни Пилата, полной горя» (“awake I know, / Christ’s coming death, and Pilate’s life of woe” [7, p. 3]). Пережив откровение, героиня решает заступиться за праведника перед мужем. Она намерена исполнить долг, возложенный на неё свыше: «Боги избрали меня раскрыть их замысел, / Предостеречь несправедливого судью от злого рока...» (“The gods have chosen me to reveal their plan, / To warn an unjust judge of destiny...” [7, p. 3]).

Клавдия погружается в размышления о собственной судьбе, чувствах к мужу и его характере. Она убеждена, что рассказ об «ужасающем ночном видении» (“night’s appalling vision” [7, p. 5]) встревожит Пилата и он освободит Христа. Вдруг события сна предстают перед лирической героиней как нечто непреложное, давно свершившееся, всем известное. Ей открывается высший смысл грядущего дня:

<...> the vision spread
 Into a world remote, an age to come –
 And still the illumined name of Jesus shed
 A light, a clearness, through the unfolding gloom –
 And still I saw that sign, which now I see,
 That cross on yonder brow of Calvary [7, p. 6].

<...> видение распространилось
 В далёкий мир, в грядущий век –
 И по-прежнему пресветлое имя Христа излучает
 Свет, ясность сквозь сгущающийся мрак –
 И по-прежнему я вижу тот знак, что и сейчас,
 Тот крест на далёкой вершине Голгофы.

Первая часть баллады завершается размышлениями Клавдии о новой вере, принесённой в мир Христом. В глубине души она уже приняла неизвестное ей учение: «Из-за божественного луча, что лежит на нём, / Сияние Олимпа меркнет в моих глазах» (“The ray of Deity that rests on him, / In my eyes makes Olympian glory dim” [7, p. 6]). Клавдия чувствует, что время языческого закона прошло. Заветы древних богов уже не могут направлять духовный путь человека: «Ищущая душа требует света более чистого, / Чтобы он вёл её дальше ввысь» (“The searching soul demands a purer light / To guide it on its upward, onward way” [7, p. 6]). В финале первой части она выносит приговор прежнему миропорядку и с трепетом вопрошает, выдержат ли заветы Христа грядущее испытание:

Our faith is rotten, all our rites defiled,
 Our temples sullied, and, methinks, this man,
 With his new ordinance, so wise and mild,
 Is come, even as he says, the chaff to fan
 And sever from the wheat; but will his faith
 Survive the terrors of to-morrow’s death? [7, p. 6–7].

Наша вера прогнила – все наши обряды осквернены,
Наши храмы запятнаны, и мне кажется, этот человек
Со своим новым законом, таким мудрым и мягким,
Пришёл, как он говорит, отделить зёрна
От плевел; но переживёт ли его вера
Ужасы завтрашней смерти?

Вторая часть стихотворения целиком посвящена долгожданному наступлению нового дня и торжеству рассвета. Пейзаж отражает переживания лирической героини: «И вот! На крыше Храма – на склоне Мориа / Наконец появляется тот ясный алый луч, / Такой желанный, когда была я заперта в ночи...» (“Lo! on the Temple’s roof – on Moriah’s slope / Appears at length that clear and crimson ray / Which I so wished for when shut in by night...” [7, p. 7]). Здесь на первый план выходит экспрессивная лирическая сюжетная линия, её развитие реализовано в динамичном внутреннем монологе героини. Вспоминая видение, Клавдия содрогается от мысли, что решающее слово в вынесении Христу смертного приговора произнесёт её муж. Перед внутренним взором лирической героини предстаёт образ Понтия Пилата, ненавистный её душе (“my soul abhors his mien” [7, p. 4]). Она предаётся размышлениям о далёком прошлом, и внутренний монолог обретает исповедальные интонации.

Клавдия помнит, как «убивающий, рубящий, святотатственный меч» (“His slaughtering, hacking, sacrilegious sword”) Пилата погрузил её родину «во тьму бедствий» (“In dark bereavement” [7, p. 4]). Возвращаясь к трагическим обстоятельствам их встречи, Клавдия вспоминает:

Has he not sought my presence, dyed in blood –
Innocent, righteous blood, shed shamelessly?
And have I not his red salute withstood?
<...>
And I, to see a man cause men such woe,
Trembled with ire – I did not fear to show [7, p. 4].

Разве не искал моего общества он, запятнанный кровью –
Невинной, праведной кровью, пролитой бесстыдно?
И разве я не выдержала кровавый его привет?
<...>

И я, видя, как человек доставляет людям такое горе,
Дрожала от гнева – и не скрывала этого.

Однако Пилат обольстил её и добился любви: «Тогда пришёл он – в очах змеиная улыбка, / На устах какое-то лживое слово, внушающее любовь» (“Then came he – in his eyes a serpent-smile, / Upon his lips some false, endearing word...” [7, p. 4]). Не ведая библейской истории о грехопадении первых людей, Клавдия интуитивно уподобляет Пилата змею-искусителю: она пала, как Ева, прельщённая ложью врага.

Движению лирического сюжета и разрешению конфликта в душе героини созвучны мотивы света и тьмы, ключевых в стихотворении. Клавдия измучена несчастливим браком с жестоким человеком:

He robb’d my youth – he quench’ my life’s fair ray –
He crush’d my mind, and did my freedom slay [7, p. 4].

Он украл мою молодость – он погасил ясный луч моей жизни –
Он сокрушил мою волю и мою свободу уничтожил.

Обстоятельства пробуждения Клавдии в начале стихотворения отражают и её душевное состояние: на протяжении долгих лет она «окутана абсолютным мраком» (“wrapt in utter gloom” [7, p. 1]). Желание увидеть хотя бы один «тёплый животворящий луч» (“warm, creative ray” [7, p. 1]) связано с томлением прежде всего по духовному свету и внутренней свободе.

Заветный свет Клавдия находит в образе Христа – воплощении «богоподобной доброты» (“God-like goodness” [7, p. 6]). Наравне с грядущей гибелью праведника героиня узнаёт о будущей «жизни Пилата, полной горя», и выносит ему собственный приговор: «Я не оплакиваю участь Пилата – кто может оправдать / жалость к нему...» (“I do not weep for Pilate – who could prove / Regret for him...” [7, p. 3]). Но жизни несправедливого судьи и его жертвы связаны: казнив Христа, Пилат не вынесет мук раскаяния и погибнет сам:

I saw the snow around him, stain'd with gore;
I said I had no tears for such as he,
And, lo! my cheek is wet – mine eyes run o'er;
I weep for mortal suffering, mortal guilt,
I weep the impious deed, the blood self-spilt [7, p. 6].

Я видела снег вокруг него, запятнанный кровью;
Я сказала, что у меня нет слёз для такого, как он,
И вот! моя щека влажная – из глаз льются слёзы;
Я оплакиваю смертельную муку, смертельную вину,
Я оплакиваю нечестивый поступок – кровь, пролитуую собственными руками.

Размышления о том, как «защитить невинную голову» (“shield the blameless head”) праведника «от жестокой беды» (“from cruel hurt” [7, p. 5]), незаметно рождают в душе Клавдии скорбь о судьбе мужа. Лирическая героиня, озарённая образом Христа, безотчётно следует христианскому вероучению и совершает духовный подвиг, прощая Пилата и оплакивая его. Рассвет во второй части стихотворения знаменует совершившееся движение души Клавдии от тревоги, страха и тьмы к свету: «Я чувствую, вера более непреклонная – надежда более возвышенная / Восходит в моей душе – она осеняет её вместе с рассветом» (“I feel a firmer trust – a higher hope / Rise in my soul – it dawns with dawning day” [7, p. 7]).

Внутреннее преображение лирической героини резонирует с изменением всего миропорядка. Стихотворение завершается столкновением света и тьмы: «В небесах предрассветные сумерки всё ещё борются с ясным светом дня...» (“Dusk dawn in heaven still strives with daylight clear...” [7, p. 7]). Клавдия наблюдает за самым ходом Времени: тьма языческой эры постепенно отступает перед светом «мудрого и милосердного» (“wise and mild” [7, p. 6]) закона Христа.

Стихотворение заканчивается предчувствием скорого торжества света над тьмой, но сам момент торжества остаётся за границей произведения. Клавдия с трепетом ожидает чуда: все сомнения и страхи падут перед ним навсегда. Финал стихотворения совпадает с высшей точкой духовного напряжения в жизни мира и в сознании лирической героини:

This day, Time travails with a mighty birth;
This day, Truth stoops from heaven and visits earth;
Ere night descends I shall more surely know
What guide to follow, in what path to go;

I wait in hope – I wait in solemn fear,
The oracle of God – the sole – true God – to hear [7, p. 7].

В этот день Время страдает от мук великого рождения;
В этот день Истина спустится с небес и посетит землю,
Прежде чем опустится ночь, я уверюсь в том,
За каким ориентиром следовать, каким путём идти;
Я жду в надежде – ожидаю в священном страхе,
Завет Бога – единственного – истинного Бога – услышать.

В стихотворении «Сон жены Пилата» отразилось переживание веры, свойственное самой Шарлотте Бронте в юности. Шарлотту мучили сомнения в вере, о чём она часто писала подругам в 1836–1837 годах. В её письмах возникают мотивы света и тьмы: свои духовные искания она связывала с этими категориями. Подобно лирической героине стихотворения, Шарлотта страстно желала приблизиться к Истине и навсегда освободиться от сомнений: «Меня сегодня мучают такие чёрные, ужасные сомнения, что я бы согласилась тотчас поседеть, пожертвовать своей юностью и оказаться на краю могилы ради надежды на примирение с Богом и на искупление заслугами Сына Божия» [1, с. 35–36] (“I am in that state of horrid, gloomy uncertainty that, at this moment, I would submit to be old, grey-haired, to have passed all my youthful days of enjoyment, and to be settling on the verge of the grave, if I could only thereby ensure the prospect of reconciliation to God, and redemption through his Son’s merits” [9]). Она писала, что ей знакомы «проблески возвышенного и невыразимого» (“glimpses of holy, inexpressible things”), но мучилась хрупкостью едва обретённого прозрения: «Всё это может, разумеется, рассеяться как дым, и снова меня поглотит ночная тьма, но я молю всемилостивейшего Искупителя, чтобы забрезживший мне свет, ежели это свет евангельский, сияя, разгорелся в лучезарный день» [1, с. 35] (“it may all die away, and I may be in utter midnight, but I implore a merciful Redeemer, that, if this be the dawn of the gospel, it may still brighten to perfect day” [9]). Эта особенность мироощущения Шарлотты определяет финал стихотворения: духовный экстаз Клавдии должен разрешиться торжеством света, но недосказанность оставляет место сомнению и страху, что лирическая героиня вновь окажется во тьме.

Жанровое своеобразие стихотворения «Сон жены Пилата» определено взаимодействием двух сюжетных линий – исторической и лирической. Исторический сюжет, восходящий к «Евангелию от Матфея» и апокрифам, сообщает сочинению Шарлотты Бронте черты исторической поэмы. Чувства лирической героини обрамлены изображением объективной исторической действительности, и Клавдия Прокула – её участник. Сон Клавдии, существующий на границе исторического и лирического сюжетов, отсылает к жанру пророческого видения: героине открывается не только будущее Христа и Пилата, но и судьба христианского учения. Под влиянием видения Клавдия обращается к прошлому, и внутренний монолог обретает черты лирической исповеди, завершающейся духовным перерождением. Синтез эпического, драматического и лирического начал позволяет отнести произведение Шарлотты Бронте к жанру лирической баллады. Обращение к этой поэтической форме, возможно, связано с влиянием «Лирических баллад» С.Т. Кольриджа и У. Вордсворта, с их творчеством Шарлотта была хорошо знакома [5, с. 9].

Лирическая баллада «Сон жены Пилата» – пролог к поэтическому сборнику сестёр Бронте. Свет и тьма, центральные мотивы баллады, проходят через «Стихотворения» красной

нитью и становятся лейтмотивами книги. Заданная Шарлоттой тема переживания веры организует первый триптих, куда входят стихотворения «Вера и уныние» Эмилии и «Воспоминание» Анны.

Список литературы

1. Гаскелл Э. Шарлотта Бронте: пер. с англ. Т. Казавчинской // Эти загадочные англичанки. М.: Прогресс, 1992. С. 27–78.
2. *Евангелие Никодима* // Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых.
URL: http://krotov.info/acts/01/joseph/apok_37.html (дата обращения: 17.11.2024).
3. *Евангелие от Матфея* // Новый Завет. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/27/> (дата обращения: 17.11.2024).
4. *Письмо Клавдии Прокулы к Фульвии* // Новозаветные апокрифы.
URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/prokula-to-silvii.shtml> (дата обращения: 17.11.2024).
5. Соколова Е.А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 16 с.
6. *Brontë C. Biographical Notice of Ellis and Acton Bell* // *Biographical Notes on the Pseudonymous Bells*. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/771/pg771-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
7. *Brontë C. Pilate's Wife's Dream* // *Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell*. London: Smith, Elder and Co., 1846. P. 1–7.
8. *Dinsdale A. The Brontës at Haworth*. London: Frances Lincoln Ltd, 2006. 160 p.
9. *Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 1*.
URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1827/pg1827-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
10. *Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 2*.
URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1700/pg1700-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
11. *Shorter C. A Bibliographical Note* // *The Complete Poems of Emily Brontë*. New York: Hodder and Stoughton, 1908. P. v–vi.

References

1. *Gaskell E. Charlotte Brontë: Trans. From Eng. by T. Kazavchinskaya. These mysterious Englishwomen*. Moscow: Progress, 1992. P. 27–78 (In Russ.).
2. *Gospel of Nicodemus. Apocryphal Stories about Jesus, Holy Family and Witnesses of Christ*. URL: http://krotov.info/acts/01/joseph/apok_37.html (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
3. *Gospel According to Matthew. New Testament*. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/27/> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
4. *A Letter from Claudia Procula to Fulvia. New Testament Apocrypha*. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/prokula-to-silvii.shtml> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
5. *Sokolova E.A. Traditions of Romanticism in the Oeuvre of Charlotte Brontë: Abstract of PhD (Philology) thesis*. Saint-Petersburg, 1995. 16 p. (In Russ.).

6. *Brontë C.* Biographical Notice of Ellis and Acton Bell. *Biographical Notes on the Pseudonymous Bells*. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/771/pg771-images.html> (accessed: 17.11.2024).
7. *Brontë C.* Pilate's Wife's Dream. *Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell*. London: Smith, Elder and Co., 1846. P. 1–7.
8. *Dinsdale A.* The Brontës at Haworth. London: Frances Lincoln Ltd, 2006. 160 p.
9. *Gaskell E.C.* The Life of Charlotte Brontë. Volume 1. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1827/pg1827-images.html> (accessed: 17.11.2024).
10. *Gaskell E.C.* The Life of Charlotte Brontë. Volume 2. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1700/pg1700-images.html> (accessed: 17.11.2024).
11. *Shorter C.* A Bibliographical Note. *The Complete Poems of Emily Brontë*. New York: Hodder and Stoughton, 1908. P. v–vi.

Статья поступила в редакцию / Received 25.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 30.11.2024

Принята к публикации / Accepted 06.12.2024

Научная статья

УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/50-56>

Конструктивные свойства союза *всё равно что*

Ху Сяосюй

Научный руководитель: Наталья Тимофеевна Окатова²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹ Аспирант, hu_xiaoxu@mail.ru

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, okatova.nt@dvf.ru

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические конструкции с союзом *всё равно что*, который является результатом развития полифункциональной единицы *всё равно*. Описывается его основное значение и функционирование в современном русском языке. Выявляются типичные структурные разновидности предложений русского языка, в которых употреблён сравнительный союз *всё равно что*. Установлено, что его союзная функция предполагает соотнесение с двумя словами, а чаще – с большим количеством языковых единиц, различающихся по составу и структуре.

Ключевые слова: всё равно что, союз, союзная конструкция, оператор, сравнение

Для цитирования: Ху С. Конструктивные свойства союза *всё равно что* // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 50–56.

Original article

Constructive properties of the conjunction *all the same as*

Hu Xiaoxu¹

Scientific advisor: Natalia T. Okatova²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ Post-Graduate Student, hu_xiaoxu@mail.ru

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, okatova.nt@dvf.ru

Abstract. The article deals with the syntactic constructions with the conjunction *all the same as*, which is the result of the development of the polyfunctional unit *all the same*. Its basic meaning and functioning in the modern Russian language are described. Typical structural varieties of Russian sentences in which the comparative conjunction *all the same as* is used are revealed. It is established that the conjunction function correlates with two words, and more often – with a larger number of linguistic units differing in composition and structure.

Key words: all the same as, conjunction, conjunction construction, operator, comparison

For citation: Hu X. Constructive properties of the conjunction *all the same as*. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 50–56. (In Russ.).

В современной русистике *всё равно что* квалифицируется как сравнительный союз [1, с. 773; 4, с. 715] или частица [3, с. 114]. Мы придерживаемся точки зрения, изложенной в «Русской грамматике» (1980), и рассматриваем данную единицу как союз, который возник на основе полифункциональной единицы *всё равно* с добавлением к ней союза *что*. Употребление союза *всё равно что* составляет около 5,8% от общего числа употреблений единиц, включающих сочетание *всё равно*, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). **Цель настоящего исследования** – выявить семантические и конструктивные особенности сравнительного союза *всё равно что* в современном русском языке. Достижению поставленной цели способствовало **решение ряда задач**: определить семантику союза, установить типы конструкций, в которых он функционирует, охарактеризовать формальные и семантические разновидности конструкций с данным союзом. Материалом исследования послужили тексты, собранные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

В «Русской грамматике» *всё равно что* приведён в ряду составных союзов, образованных при участии союза *что* [3, с. 715]. В толковом словаре С.И. Ожегова *всё равно что* однозначно квалифицируется как союз, который «выражает сравнение, уподобление», с примером «Ему туда идти **всё равно что** на казнь» [1, с. 77]. Союз указывает на сходство одного предмета с другим по общему признаку (пример 1) или на сходство признака, действия, ситуации с другим признаком, действием, ситуацией (пример 2):

1. *И он, всё равно что ребёнок, распаялся в гневе, выкрикивая неизвестно кому: «Ну куда с такими руками ехать?»* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

2. *Мы для него всё равно что стенгазета.* (А.И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

Конструкция в самом общем смысле понимается как «то, что образуется в результате действия синтаксической связи, безотносительно к коммуникативному качеству» [6, с. 70]. Синтаксические конструкции могут быть основаны на различных языковых единицах: предложениях, союзах, частицах, полифункциональных словах и сочетаниях, модальных словах и др.

Синтаксическую структуру, состоящую из нескольких компонентов, главным из которых, «формальным стержнем» конструкции [2, с. 40], является союз, называют **союзной конструкцией**. Разработка системы союзных конструкций в русском языке принадлежит А.Ф. Прияткиной [2]. В дальнейшем мы будем использовать термин «союзная конструкция» для описания синтаксических структур, образованных с помощью союза *всё равно что*.

Союз *всё равно что* строит главным образом конструкции, которые функционируют в простом предложении. Это двучленная союзная конструкция (ДЧ). Значительно реже союз строит полипредикативные конструкции (СП), крайне редко – моносубъектную конструкцию (МСК).

Двучленные конструкции

В двучленной конструкции союз *всё равно что* оформляет отношения между двумя непредикативными компонентами.

Сравнительная конструкция, в которой представлены все компоненты, участвующие в создании сравнительных отношений, состоит из четырёх компонентов: объект сравнения (то,

что сравнивается), эталон сравнения (с чем сравнивается), основание сравнения и оператор сравнения – специальное средство, указывающее на то, что проводится процедура сравнения. Такая конструкция является эксплицитной. Сравнительная конструкция, в которой опущен какой-то из её структурных компонентов (чаще всего – основание сравнения), является имплицитной [5, с. 61]. В ДЧ один предмет или действие уподобляется другому без указания на основание сравнения. Приведём характерный пример использования *всё равно что* в ДЧ, сопроводив его анализом компонентов сравнительной конструкции: «Утолить шершавую жажду водой из речки было **всё равно что** проглотить змею» [О.А. Славникова. 2017. 2006]. Здесь объект сравнения – «утолить жажду водой из речки», эталон сравнения – «проглотить змею», оператор – сравнительный союз *всё равно что*, а основание сравнения, которое можно сформулировать как «неприятные ощущения», опущено, поэтому такая сравнительная конструкция является имплицитной.

С точки зрения членов предложения инфинитив *утолить* выполняет функцию подлежащего, а инфинитив *проглотить* – функцию сказуемого. Попутно отметим, что запятая между подлежащими и сказуемыми, выраженными инфинитивами, не ставится по двум причинам: 1) из-за наличия материально выраженной связки *было*; 2) из-за наличия сравнительного союза.

Различаются **инфинитивные, именные и инфинитивно-именные** двучленные конструкции.

Двучленная **инфинитивная** конструкция строится по модели «**инфинитив + всё равно что + инфинитив**». Это наиболее типичная структура двучленной конструкции. Например: *По словам профессионалов, делать капучино всё равно что заливать хороший виски колой* [Е. Николаева. Вкус к кофе // Эксперт, 2015]; *Посетить «Вавилон» – всё равно что попасть в «Иллюзион» начала 90-х* [К. Самарина. Берлин. Путеводитель. 2013]; *Ударить амиша – всё равно что ударить ребёнка* [Т. Мьяльзин. Старообрядчество по-американски // Зеркало мира, 2012]; *Выкупаться в ней – всё равно что отмыться от всех тревог* [Я. Зубцова. Прекрасный маршрут // Домовой, 2002].

В такую структуру может входить выраженная связка в форме прошедшего времени «было». *Замахнуться на кандидата в медалисты было всё равно что подставить под удар честь школы* [Ф. Искандер. Начало. 1978]. *Еще в 70-х годах прошлого века всерьёз изучать сознание было всё равно что каждое полнолуние приносить осла в жертву Шиве* [Н. Дерикот. Очень трудная проблема сознания. 2019].

Связка может располагаться дистанционно. Приведём примеры: *Узнать об этом было для Ленина всё равно что увидеть клубок кобр в собственной постели* [Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. 2017]; *Муслим Магомаев в зрелые годы признавался, что сидеть за партией было для него «всё равно что сидеть на шиле»* [Н. Складорова. Казаки-разбойники // Вечерняя Москва, 2002].

В художественном тексте модель сравнительной конструкции «инфинитив + всё равно что + инфинитив» может встречаться с отсутствующим первым инфинитивом. *Как бы ты сравнил, к примеру, молоко, коньяк и керосин? По плотности, по вязкости, по температуре кипения? Можно, конечно... Но это всё равно, что сравнивать женщин по росту, по весу, по длине волос. Бред какой-то!* [Ю. Кашкин. Валюха-горюха // Ковчег, 2013]. По своей сути данное высказывание построено по модели «инфинитив + всё равно что + инфинитив» и в

упрощённом виде выглядит следующим образом: *сравнивать молоко, коньяк и керосин – всё равно, что сравнивать женщин.*

В двучленной инфинитивной конструкции устанавливаются предикативные отношения, при этом объект и эталон сравнения называют ситуации. Инфинитивная конструкция имеет две семантические разновидности.

1. Инфинитивы а) одноимённые или б) синонимичные слова. В такой структуре признаки-действия поддерживают значение приравненности, заложенное в союзе этимологически компонентом *равно*, и может быть передано сочетанием «равносильно тому, что; то же самое, что; примерно то же самое, что»: а) *Сказать Глебу – всё равно что никому не сказать, потому что Глеб никому не скажет* [А. Солженицын. В круге первом. 1991]; б) *И первые несправедливости мира взрослых, к которым надо приспособиться, потому что доказывать что-то взрослым – всё равно, что в бурю пытаться забраться на штормтрап – требуется немалый навык* [Т. Соломатина. Мой одесский язык. 2013].

2. Инфинитивы – несинонимичные глаголы. В такой структуре совмещаются значения приравненности и подобия-сходства («примерно то же самое, как»): *Лечится у больного врача, на мой взгляд, всё равно, что стричься у лохматого парикмахера...* [коллективный]; *Смотреть эти фильмы – всё равно, что грызть сырую картошку* [Престиж золотой середины // Культура, 2002].

Двучленная **именная** конструкция строится по модели «**существительное в И.П. + всё равно что + существительное в И.П.**». В именной двучленной конструкции между её компонентами также устанавливаются предикативные отношения, поскольку сравнение одного предмета с другим, аналогично инфинитивной конструкции, грамматически оформлено как подлежащее и сказуемое, при этом оператор сравнения входит в состав сказуемого. Примеры: *Эдуардо Де Филиппо для итальянцев – всё равно что для нас Антон Чехов* [«Энергия зала и сцены неразрывна» // Известия, 2019]; *Вечер пятницы – это всё равно что утро понедельника* [А. Волос. Недвижимость. 2000].

Связываемые союзом *всё равно что* компоненты с точки зрения семантической могут быть словами непредикатными и предикатными.

Непредикатная лексика:

Гении в науке – всё равно что парусники во флоте [Д. Гранин. Иду на грозу. 1964]; *Блесны для рыбака всё равно, что бижутерия для женщины* [И. Абузяров. Бытовая экология // Октябрь, 2013].

Предикатная лексика:

Растаскивание и умыкание ренты по оффшорам – всё равно что потрава [Завтра. 2003]; *Мы сошлись на том, что жизнь в провинции – всё равно что ссылка, что здесь всё какая-то копия и нужно бежать в столицы, туда, где всё настоящее – и люди, и жизнь* [М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993].

Часто в сравнение втягиваются распространители главных членов, компоненты, таким образом, приобретают ситуативный характер: *Первый год жизни маленького человечка с точки зрения взрослого – всё равно что кинохроника, снятая в быстром режиме* [А. Разакова. Первый год и вся жизнь // 100% здоровья, 2002]; *И ещё: я был уже популярным артистом, а популярный артист – всё равно что счёт в банке* [Вечерняя Москва. 2002].

В именных двучленных конструкциях с союзом **всё равно что** фиксируется типичный для сравнительных конструкций полный перенос сравнительных отношений на распространители с опущением повторяющего именного компонента: *Пресный водоём после солёного – всё равно что коварно подsunутая вместо водки вода* [В. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях. 2024]. Ср.: *пресный водоём после солёного водоёма*.

Основание сравнения может быть расположено в постпозиции к сопоставляемым компонентам, в таком случае оно может приобретать причинное значение: *Книга с грамматическими ошибками – это было бы всё равно что подделка, в ней не было бы истинного слова* [М. Блехман. Римские цифры // Ковчег, 2012].

Зафиксированы случаи интерпозиции основания сравнения: *Манипуляции и иллюзии – совершенно разные вещи. Всё равно что мультипликационное кино и кино игровое* [И. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1999].

Двучленная **инфинитивно-именная** конструкция строится по модели «**существительное в И.П. + всё равно что + инфинитив**». Приведём пример: *Работа в Andersen – это всё равно что получить докторскую степень в бизнесе* [Ведомости, 2020]. *Мир без “клопиков”? Да это всё равно что ослепнуть!* [Е. Лукин. Клопики. 2013].

Полипредикативные конструкции

Конструкция СП – **полипредикативная конструкция** – служит для обозначения сходства ситуаций, сравнение в ней представлено развёрнуто. В научной литературе отмечается один случай конструкции СП: *Ранка от укуса была еле заметной, всё равно что о ежевичную колючку укололась* [Ф. Искандер. Слово. 2008]. Значение союза в ней соответствует значениям модально-сравнительных союзов *точно, словно, будто*, что не совсем отвечает значению союза как выразителю достоверного сравнения.

В конструкции СП отношения между компонентами преимущественно сравнительно-уподобительные, реже – сравнения-приравнивания. *Уж шутить, во всяком случае, глупо, всё равно что пощёлкивать по сосуду с нитроглицерином* [В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960]. *Никогда не любил рецензии, всё равно что краткое содержание книги читать...* [Mr. Nobody. «А вы сделали свой Выбор?». 2008]. *Желания спорить на эту тему нет, это всё равно, что спорить, существует ли Бог: у каждой из сторон свои весомые аргументы* [Форум «Об автоматическом (безоговорочном) признании ПВО», 2010]. *За 100–200 лет это приводит к чудовищному сжатию и напряжению, всё равно что натягивать тетиву лука или сжимать пружину* [А. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины. 2014].

У придаточного сравнительного в СПП может быть дополнительный оттенок определительной семантики: *Думаю, это не вполне достойное поведение – всё равно что спрятаться в окоп, пока товарищи по Церемонии идут в атаку* [В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013].

Моноsubjектные конструкции

Моноsubjектная конструкция не характерна, однако зафиксирована. В такой конструкции формируются (а) значения приравнивания-пояснения: *Этот мой труд ничего, совершенно ничего не переменит в судьбе толп, а это, по-вашему, всё равно что не нужен никому?* [С. Гедройц. Рецензии // Звезда, 2003], и (б) значение метафорического уподобления: *Потому души во мне свободной много, домовину свою изукрашу, всё равно что в рай тот самый от счастья вознесусь* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001].

Особый случай – функционирование союза *всё равно что* в сочетании с частицей *это*. Сочетание *это всё равно что* может использоваться в двучленных конструкциях, например:

Я понимал, что урезонивать её – это всё равно что уговаривать самум или землетрясение [А. Волос. Недвижимость. 2001]; *Сравнить ключика с Бетховеном – это всё равно что сказать, что соль похожа на соль* [В. Катаев. Алмазный мой венец. 1978]; *Учить – это всё равно, что бросать мысли в почтовый ящик человеческого подсознания* [С. Тихомирова]; *Быть в Париже и не заглянуть к «Максиму»!.. Это всё равно что посетить Союз и не увидеть мавзолея* [С. Довлатов. Иная жизнь. 1967].

Рассматриваемое сочетание используется как средство оформления связи в сложном предложении: *Когда мы снимаем энцефалограмму, наше понимание работы мозга выглядит своеобразно: это всё равно, что подойти к трансформатору и послушать, как он гудит, на основании чего сделать вывод, что трансформатор нормально работает* [Г. Иваницкий. Работаящий мозг. История одного человека в истории одного города // Наука и жизнь, 2022].

Это же сочетание может функционировать как средство связи рядом стоящих предложений в тексте. Например: *И не твоему Курту с его поганой свистулькой поймать такую благородную птицу, как дрозд! Это всё равно, что вашей кошке на лету задушить фазана* [Ю. Домбровский. Хранитель древностей. 1964]; *Далее каждый раз, когда обученная таким образом нейросеть будет детектировать в ЭЭГ аналогичные изменения, мы сможем только предполагать, что человек вспоминает те же самые картинки. Чтение ли это мыслей? На мой взгляд – нет. Это всё равно, что по бессмысленным для человека, не знающего данный язык, скоплениям букв путём многократного сопоставления с реакциями знающего этот язык читателя пытаться определить, что же написано в книге* [А. Дегтярёва, А. Каплан // Знание – сила, 2020]; *Великую Китайскую стену невозможно разглядеть из космоса без применения оптических приборов, так как она слишком тонкая (около 6 метров), хотя и длинная. Это всё равно что разглядеть человеческий волос с расстояния несколько километров* [Н. Непряхин. Анатомия заблуждений. 2020].

Такие структуры можно считать промежуточными, переходными: слово *это* нередко претерпевает синтаксическую модификацию, начинает выполнять функцию указательного местоимения, которая для него является первичной, и выступать подлежащим, *всё равно* становится предикативом. Вся структура становится полным предложением, в котором компонент *что* становится отдельным подчинительным союзом. Такая трансформация может находить отражение в пунктуации: перед союзом *что* ставится запятая. Например: *С многокилометровой высоты баллистическая ракета падает чуть ли не вертикально. Это всё равно, что пулей попасть в пулю»* [Воздушно-космическая оборона, 2002].

Нужно отметить, что в конструкциях с союзом *всё равно что* используются разные знаки препинания. По нормам русской пунктуации в двучленных конструкциях знак препинания *тире* должен ставиться в том случае, если в них есть частица *это* (см. ряд примеров выше). Однако тире, вопреки правилам, часто употребляется и в двучленных конструкциях без частицы *это*. Такие примеры также приведены выше. Можно считать, что такое тире отражает определённые установки говорящего. С его помощью чётко обозначается структурная граница между объектом и эталоном и сравнением в сравнительной конструкции; усиливается прагматическая сила сравнительного высказывания. Кроме того, тире может служить демонстрацией эмоций адресанта, его неравнодушия по поводу проводимой ассоциации, значимости этой ассоциации для него лично.

Что касается постановки запятой перед союзом, то она ничем не оправдана и должна оцениваться как нарушение пунктуационной нормы, например: *Утверждать подобное, всё равно что говорить, будто бы Емельян Пугачёв – это герой повести Пушкина «Капитанская дочка»* [lenta.ru, 2019].

Проведённый анализ конструктивных свойств союза *всё равно что* показал, что союз может строить ограниченное количество союзных конструкций. Наиболее характерными для него являются двучленные конструкции, а среди них – инфинитивные и именные. Ещё одна особенность союза заключается в том, что в сложном предложении он обычно присоединяет часть предложения, в предикативное ядро которого входит инфинитив. Введение части предложения с глаголом в спрягаемой форме для данного союза крайне редко. Сочетание *это всё равно что* может оформлять отношения не только в составе двучленной подлежащно-сказуемой конструкции или в составе сложного предложения, но и развивать возможность выполнять связующую функцию в тексте между двумя контактно расположенными предложениями.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 1977. 402 с.
3. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
4. Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
5. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки. 1973. № 1. С. 51–62.
6. Шмельёва Т.В. Компоненты синтаксической связи // Синтаксис современного русского языка: хрестоматия с заданиями. Отв. ред. С.В. Вяткина. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2013. С. 68–79.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ.).
2. Priyatkina A.F. Union constructions in a simple sentence of the modern Russian language: Thesis of Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. M., 1977. 402 p. (In Russ.).
3. Rogozhnikova R.P. Explanatory dictionary of combinations equivalent to a word. Moscow: Astrel: AST, 2003. 416 p. (In Russ.).
4. Russian Grammar: in 2 vol. Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ.).
5. Tulina T.A. On the ways of explicit and implicit expression of comparison in the Russian language. *Philological Sciences*, 1973, no. 1, pp. 51–62. (In Russ.).
6. Shmeleva T.V. Components of syntactic connection. *Syntax of the modern Russian language: a textbook with tasks*. Ed. by S.V. Vyatkina. SPb.: Philological faculty of SPbSU, 2013. P. 68–79. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 14.12.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 14.12.2024

Принята к публикации / Accepted 18.12.2024

Научная статья

УДК 811.521

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/57-70>

О различиях в употреблении японских глаголов существования / местонахождения «*aru*» / «*iru*»: на основе современных исследований

Аяко Мори

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Магистр педагогики, старший преподаватель кафедры японоведения

mori.y@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена различиям в словоупотреблении глаголов «*iru*» и «*aru*» в «экзистенциальных» предложениях японского языка и представляет собой попытку кратко изложить критерии, по которым изучающие японский язык могли бы, насколько возможно, безошибочно определять выбор того или иного глагола. В учебниках японского языка сказано, что при выражении существования одушевлённых имён существительных используется «*iru*», неодушевлённых – «*aru*», но в речевой практике возникают исключения. Данные глаголы используются и в притяжательных предложениях, и в этом случае возникают нюансы в словоупотреблении, сходные с «экзистенциальными» предложениями. Здесь на основе предыдущих исследований мы предлагаем свой взгляд на проблему словоупотребления глаголов «*iru*» и «*aru*».

Ключевые слова: предложения существования, предложения местонахождения, предложения обладания, внутренние / родственные / отношения, не/одушевлённые существительные, не/имеющие воли существа, обобщающее/индивидуализированное восприятие

Для цитирования: Мори А. О различиях в словоупотреблении японских глаголов существования / местонахождения «*aru*» / «*iru*»: на основе современных исследований // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 57–70.

Original article

On the differences in the use of Japanese verbs of existence / location “*aru*”/ “*iru*”: based on modern research

Ayako Mori

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Master of Pedagogy, Senior Lecturer,

Department of Japanese Studies Senior lecturer

mori.y@dvfu.ru

Abstract. This article is an attempt to make concise criteria by which Japanese language learners can judge the use of verbs “*iru*” and “*aru*” in existential sentences. In textbooks for Japanese learners

it is generally explained that “iru” is used to represent the existence of animate beings and “aru” – of inanimate things, but in fact, their usage is not divided mechanically like that. These verbs are also used in possessive sentences and denote the same problems of their proper using as in existential sentences. Therefore, we surveyed previous researches and offered a new look on the problem.

Key words: existential sentences, location sentences, possessive sentences, inherent / relative / relations, in/animate nouns, non-/volitional being, generic /specific perception

For citation: Mori A. On the differences in the use of Japanese verbs of existence / location “aru”/ “iru”: based on modern research. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 57–70. (In Russ.).

Введение

Выражения, описывающие существование / пребывание людей и вещей, в японских грамматических системах называются «предложениями существования».

В базовой грамматической модели место нахождения / пребывания выражается (условным) дательным падежом -ni, субъект нахождения – именительным (рематическим) падежом -ga: «место» – ni «субъект» – ga «iru/aru».

Японский исследователь Томита в работе «Базовые выражения 50 и их преподавание» пишет о различиях употребления глаголов «iru» и «aru» в предложениях существования: «В японском языке при выражении существования / присутствия, для выражения существования неодушевлённых предметов (вещей, зданий и т.п.) используется глагол «aru», одушевлённых существ (людей и животных) – глагол «iru». Растения считаются неодушевлёнными» [9, с. 18].

Слово «одушевлённые» (яп. «iujou») здесь является переводом на японский язык с санскрита буддийского термина «sattva», и в словарях есть такие его интерпретации:

– все существа, имеющие чувства и другие проявления живой души. Люди, птицы, звери и другие живые существа по отношению к предметам окружающей природы, растениям и т.п. [14];

– существа, обладающие чувствами, сознанием и другими действиями живой души. Люди, птицы, звери и т.п. Живые твари (Божие, земные) [13]. «Неодушевлённые» (яп. «hiujou») – антоним.

В книге «Обучение японскому языку ABC» [10, с. 58] дано следующее определение: «Глаголы, выражающие существование, – это «iru» и «aru». «Iru» применяется в отношении людей и животных (существ, способных двигаться по своей воле), «aru» – в отношении всех других вещей и предметов (которые самостоятельно двигаться не могут)».

Однако и преподаватели японского языка, и изучающие его знают, что в речи нет такого механического выбора. На это указывается и в вышеприведённых работах.

Томита в «Дополнительном комментарии» отмечает:

1. Даже к одушевлённым существам, если они не являются «динамическими созданиями» (предполагающими способность двигаться и вести жизнедеятельность), т.е. когда к ним относятся, как, например, к товару, применим глагол «aru».

2. Что касается применения «aru», как, например, в детских сказках: «Давным-давно, в тридевятом царстве (жили-) были / «aru» / дед да баба», – то это словоупотребительный приём при разговоре о давнем прошлом, когда слушателя «статически» знакомят с существованием действующих лиц, представляют ему их местобытие и после этого разворачивают рассказ дальше [9, с. 20–21].

Важно отметить, что современный глагол «агу» соответствует глагольной форме старояпонского языка «агі», которая использовалась независимо от того, являлся ли субъект одушевлённым или неодушевлённым, поэтому существует теория, что «агу» в подобных языковых контекстах означает «ігу» (ср. русс. «жили-были»).

3. Приводя пример словоупотребления с позиции родителя: «У меня есть («агу») дети / сын / дочь», автор указывает, что «агу» здесь употребляется в значении «обладание, владение».

Тэрада и другие исследователи отмечают: «Глаголы «ігу» / «агу», как в выражениях: «У моего младшего брата есть («агу») машина» (владение); «Завтра будет («агу») вечеринка» (что-то состоится); «У меня есть («ігу», «агу») младшая сестра» (семейные отношения), – имеют опции словоупотребления помимо констатации существования, на что следует обращать внимание» [10, с. 58].

В других учебниках и справочниках комментарии о глаголах «ігу» / «агу» схожи с вышеприведёнными. На уроках мы зачастую сталкиваемся с тем, что учащиеся считают вполне достаточным понимать смысл, и они не чувствуют необходимости разбираться в словоупотреблении детально. К тому же, различие в употреблении этих глаголов во многом зависит от интуитивного ощущения самого говорящего (пишущего) носителя японского языка. По этой причине в отношении того или иного выражения существования одни ощущают неестественность, другие же её не чувствуют. Однако, пока существует различие в употреблении, должны быть и некие критерии определения выбора.

«Ігу», «агу» являются базовыми глаголами японского языка, к тому же им свойственна полисемичность. Кроме того, исследователи предлагают различные их классификации. Однако мы считаем, что понимание критериев определения выбора слов пойдёт на пользу изучающим японский язык через понимание того, как носители японского языка осознают объекты своего высказывания. *Цель* данной работы – сделав обзор предыдущих исследований, по возможности сжато систематизировать эти критерии определения выбора.

1. Использование «одушевлённого» глагола «ігу» с неодушевлёнными существительными в предложениях существования / местонахождения

Выражения с использованием глаголов «ігу» / «агу» функционируют в 2-х вариантах – как «предложения существования» и как «предложения местонахождения».

Предложения существования (англ. «existential sentence», типа «there+be»): (место существования)-ні (субъект существования)-га (ігу / агу). (-Ga – именительный (тематический) падеж).

Данная грамматическая конструкция используется в случаях, когда сообщаемая информация заключается в том, что в некоем месте есть кто-то или что-то. Как правило, в случае одушевлённых субъектов существования применяется глагол «ігу», в случае неодушевлённых – «агу». Например,

1. (Аудитория)-ні (студенты)-га ігу.
2. (На столе)-ні (книга)-га агу.

Предложения местонахождения: (субъект существования)-ва (место существования)-ні (ігу / агу). (-Wa – именительный (тематический) падеж).

Эта модель применяется в случаях, когда сообщаемая информация заключается в том, что кто-то или что-то находятся в некоем месте. (Соотношение одушевлённости /

неодушевлённости к «*igu*» / «*agu*» то же, что в грамматической конструкции, описанной выше). Например,

1. (Студенты)-*wa* (аудитория)-*ni igu*.
2. (Книга)-*wa* (на столе)-*ni agu*.

Таким образом, существуют «предложения существования» и «местонахождения», однако мы не фокусируемся на тема-рематическом членении предложений в рамках настоящего исследования.

У студентов вызывают недоумение случаи, когда с неодушевлёнными именами существительными используется «*igu*», как в следующем примере:

«На платформе № 1 стоит («*igu*») первая /сегодня / электричка».

По поводу подобного употребления в работе «Справочник базовых глаголов» на слово «*agu*» есть такое объяснение:

«Значение 1. Существование вещей / предметов». (В некий момент, или определённый период времени, в некоем месте существует одна вещь / предмет или несколько вещей / предметов) [15].

В качестве исключения приведены примеры: «Вон там есть («*igu*») такси»; «Грузовик / что стоит («*igu*») / впереди, никак не движется». То есть здесь можно использовать не только «*agu*», но и «*igu*». Даже если это вещь (транспортное средство), фиксируется статус этой вещи как движущегося предмета, предполагается существование субъекта этого действия (водителя), и тем самым становится возможно использование «*igu*».

Кроме того, к глаголу «*igu*» в «Значении 4. Существование транспортных средств» приводится сходное описание, но со следующим нюансом в употреблении: «Транспортные средства, управляемые человеком. Следовательно, относительно транспорта, не предполагающего присутствия человека (водителя), используется не «*igu*», но «*agu*»».

Другими словами, говорящий может использовать «*igu*» только в том случае, если он признаёт присутствие на транспортном средстве водителя или другого «человека, движущего / управляющего им».

Однако это объяснение применимо не ко всем случаям. Например, в приведённом выше предложении «На платформе № 1 стоит («*igu*») первая электричка». В этом случае говорящий вряд ли осознаёт присутствие машиниста поезда. Обычно мы ведь не задумываемся над тем, есть ли там машинист? Рассмотрим, почему в таких случаях используется глагол «*igu*».

Следующие примеры привёл исследователь Сано:

- a. На том перекрёстке стоит / есть патрульная машина («*igu*» / ?? «*agu*»).
- b. Перед зданием полицейского участка стоит патрульная машина («*igu*»/ «*agu*»).
- c. В здании полицейского участка есть / стоит патрульная машина (?? «*igu*»/ «*agu*»)

[8, с. 45].

Сано предлагает следующее объяснение:

Присутствие патрульной машины, как в примерах (a) и (b), на перекрёстке или перед зданием полицейского участка является естественным. Подразумевается, что находящиеся там патрульные машины всегда находятся в состоянии готовности к движению (с заведённым двигателем), и потому возможно использование «*igu*». В примере (a) использование «*igu*» является естественным. Употребление «*agu*» неестественно, так как трудно представить, что патрульная машина может стоять на перекрёстке с невключённым двигателем.

С другой стороны, неестественность «іги» в (с) в том, что обычно нам сложно представить, что патрульная машина находится в здании, и говорящему сложно предположить, что двигатель в это время работает. Скорее всего, мы представим себе, что это выставка автомобилей и т.п. По этой причине не «іги», но «аги» является естественным.

Иными словами, в определении использования «іги» существенным является не то, «есть ли на этом транспортном средстве приводящий его в движение / контролирующий его человек», а «находится ли оно постоянно в состоянии готовности к движению (состоянии заведённого двигателя)». «Способность к движению» здесь означает, что данный транспорт движется, находится в пути. Это движение выражается глаголами «ехать» – об автомобиле, «лететь» – о самолёте и т.д. Можно также сказать, что отсутствие дискомфорта при описании места движения данного транспортного средства («место существования», выраженное дательным падежом -*ni*) связано с тем, насколько оно «способно / готово двигаться».

Эта «связь места существования с определением глагола» становится понятной, если мы задумаемся над выбором глагола «использовать», увидев машину в автомастерской с механиком на водительском месте. Хотя механик, сидя в машине, включает двигатель, поворотные огни, производит иные манипуляции, скорее всего, мы употребим глагол «аги». «Там находится моя (г-на Танака) машина», «Моя (г-на Танака) машина находится там» – подобно этому и в предложениях существования, и в предложениях местонахождения будет использован глагол «аги». Потому что говорящий определил, что в месте под названием «автомастерская» «машина не движется» [8, с. 45–46].

Это объяснение позволяет рассеять сомнения по поводу вышеприведённого примера «На платформе № 1 стоит первая электричка». На платформе № 1 (на вокзале / на перроне) есть электричка, и двигаться для неё – естественно. Говорящий знает, что с наступлением определённого времени электропоезд отправится, поэтому использует глагол «іги».

Можно также предположить, что, увидев на дороге (проезжей части) беспилотный автомобиль (автомобиль без водителя), мы, вероятно, используем «іги».

Отметим, что в высказывании «(транспортное средство)-*ga* іги» использование глагола «іги» более естественно. «Аги» в этой ситуации используется в тех случаях, когда данное транспортное средство абстрагировано от его функционирования, воспринимается статично и описывается / изображается более объективно. Например, случай использования «аги» в ситуации с патрульной машиной (b) соответствует этому определению.

Бывает возможным применение глагола «іги» и в случаях, когда «субъектом существования» является природное явление.

Пример: «Тайфун в настоящее время находится («іги») в небе над Восточно-Китайским морем».

Исследователь Накагири, проанализировав версии Миура [4], Харасава [11] и др. о различии в употреблении глаголов «іги» / «аги», пишет: «Можно сказать, что наш выбор глагола зависит не от того, насколько объективно мы фиксируем объект и различаем употребление этих двух глаголов, а от того, насколько субъективно мы его оцениваем. Следовательно, даже с одушевлёнными существительными, если мы абстрагируемся от движения обозначаемых ими объектов и будем воспринимать их в статике, следует использовать глагол «аги». И даже с неодушевлёнными существительными, обозначающими предметы неподвижные, но воспринимаемые как вещи, способные к движению, используется «іги»» [6, с. 66].

Согласно этому объяснению, тайфуны, Солнце, Луна и т.д. – неодушевлённые предметы, и обычно их существование выражается глаголом «*aru*», но, если говорящий воспринимает их как движущийся объект, применяется «*iru*».

Здесь следует добавить, что «тайфун», «Солнце», «Луна» и т.д. сопровождаются глаголом «*iru*», главным образом в «предложениях местонахождения». И в вышеприведённом примере («Тайфун в настоящее время находится («*iru*») над Восточно-Китайским морем») говорится о нынешнем местоположении тайфуна. Можно сказать, что «*iru*» используется в ситуациях, когда внимание обращено на передвижение / маршрут этих объектов.

Итак, использование «*iru*» с «неодушевлёнными предметами» в «экзистенциальных предложениях» имеет следующие особенности:

1. Если «субъектом существования» является транспортное средство, общим является использование «*iru*» при выполнении 2-х условий:

1) говорящий должен воспринимать это транспортное средство как «находящееся в состоянии способности / готовности к движению»;

2) «место существования» не должно быть сомнительным с точки зрения возможности передвижения этого транспортного средства.

2. Если «субъектами существования» являются природные явления, возможно употребление «*iru*», когда говорящий воспринимает их как движущиеся объекты, особенно в ситуациях, когда внимание обращается на их перемещение (траекторию).

2. «*Iru*» / «*aru*» с «одушевлёнными существами» в «предложениях обладания»

Для выражения обладания существует два способа: 1) синтаксическая конструкция с использованием глаголов «*iru*» / «*aru*», 2) синтаксическая конструкция с использованием глагольной формы «*motte iru*» (гл. «*motsu*» – «держат; иметь» в длительном виде). Здесь возможны взаимозаменяемые ситуации, но не во всех случаях. В данной работе, чтобы избежать усложнения темы, рассмотрим только употребление глаголов «*iru*» / «*aru*».

В отношении притяжательных предложений (*possessive sentence*) существует следующее объяснение.

Базовая структура предложения: (обладатель)-*niwa* (объект обладания)-*ga* (*iru* / *aru*). (-*Niwa* – тематизированный (*wa*) (условный) дательный падеж -*ni*. -*Ga* – (рематический) именительный падеж).

Если объект обладания – неодушевлённый предмет, используется «*aru*».

Пример 1. «У г-на Ямамото есть («*aru*») имущество / состояние».

Если объект владения – одушевлённое существо, используются «*iru*» или «*aru*».

Пример 2. «У меня есть («*iru*» / «*aru*») семья».

Рассмотрим употребление «*iru*» / «*aru*» с «одушевлёнными существами», что часто вызывает затруднения учащихся.

Харасава считает «важным моментом осознание «наличия / отсутствия воли», и утверждает: в выражениях владения «от владельца требуется наличие воли, от объекта владения – её отсутствие» [12, с. 1].

Различение употребления «*iru*» / «*aru*» в контексте владения, согласно теории Харасава, следующее. При параллельном осмыслении двух вещей: во-первых, является ли объект владения объективно одушевлённым или неодушевлённым и, во-вторых, воспринимает ли говорящий его

как «имеющее свою волю существо» или «не имеющее его» – возможны следующие варианты:

А. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – неодушевлённое / не имеющее своей воли создание]-ga агу.

В. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – одушевлённое / не имеющее своей воли создание]-ga агу.

С. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-ga игу.

Д. [Владелец – одушевлённое / имеющее свою волю существо]-niwa [объект владения – неодушевлённое / имеющее свою волю создание]-ga игу.

Для подтверждения вышесказанного рассмотрим следующие примеры:

1. (А) «У г-на Танака есть («агу») две машины».

2. (С) «У г-на Танака есть («игу») две собаки».

Владелец в 1 и 2 моделях, «г-н Танака», является одушевлённым и имеющим свою волю существом. Модель 1 возможна потому, что говорящий осознаёт, что объект владения – машины – являются неодушевлёнными и лишёнными своей воли предметами. Модель 2 возможна оттого, что объект владения – собаки – являются одушевлёнными и существами с собственной волей.

3. (В) «У заядлого рыболова г-на Танака есть («агу») особые черви».

В этом случае хотя черви и являются живыми существами, но существуют как корм, поэтому воспринимаются как «не имеющие своей воли существа». Таким образом, даже если объект владения одушевлён, но не воспринимается как самостоятельное волевое существо, используется «агу».

4. (D) «У г-на Танака есть («игу») Румба (Roomba, робот-пылесос)».

Румба – не одушевлён, однако назван именем собственным, поэтому может восприниматься не как общее понятие «пылесос», но как «существо с собственной волей», при осознании его как отдельного конкретного создания. Возможно также, что говорящий воспринимает робота как «имеющего волю создание», персонифицировав его: «Румба – помощник г-на Танака в домашних делах». Таким образом, когда объект владения воспринимается как «создание, имеющее волю», возможно использовать «игу». При этом общим правилом является применение «агу» в случаях использования нарицательных существительных или восприятия как «не имеющего воли создания».

Интересно, как можно осмыслить следующие примеры:

5. «У г-на Ямада есть («агу») сын».

6. «У г-на Ямада есть («игу») сын».

7. «У г-на Ямада есть («агу») Кента (имя сына)».

8. «У г-на Ямада есть («игу») Кента».

Как видно, в примере 5 говорящий высказывается о сыне как о неодушевлённом существе (В), а в 6 – как об одушевлённом (С).

Здесь важно сказать об осознании нарицательных существительных. Согласно концепции Харасава, в именах нарицательных есть «обобщающее восприятие» и «необобщающее восприятие», и одушевлённые существа в обобщающем осознании воспринимаются как абстрактные понятия, как не имеющие собственной воли создания. С другой стороны, в необобщающем сознании они воспринимаются как конкретные определённые существа с собственным волеизъявлением [12].

Другими словами, «сын» в примере 5, как обобщённое нарицательное, воспринимается как абстрактное понятие, а «сын» в примере 6 – как конкретное индивидуальное существо с собственной волей.

Объект владения в примерах 7 и 8 – это имя собственное «Кента». Для имён собственных существует только конкретное индивидуализированное восприятие. Поэтому имена людей и т.п. воспринимаются только как имена имеющих волю существ. Следовательно, пример 7 является неверным.

Не только имена людей, но и индивидуализированные личными и указательными местоимениями создания воспринимаются как имеющие собственную волю существа, и с ними применяется глагол «*igu*».

9. «У г-на Кимура есть («*igu*») ты».

10. «У г-на Кимура есть («*igu*») этот ребёнок».

Употребление «*igu*» / «*agu*» с одушевлёнными существами определяется ещё одним способом, а именно с точки зрения так называемых «внутренних отношений». «Внутренние имманентные отношения, – согласно представлению Морита, – это отношения с людьми, с которыми невозможно прервать связь» [5, с. 90].

По этому поводу в работе «Справочник базовых глаголов» к слову «*igu*» в его «Значении 5. Существование близких» и к слову «*agu*» в его «Значении 13. Особенности, присущие людям, животным и растениям», есть следующий комментарий: «При словоупотреблении «(человек / люди)-*ga agu*» эти «люди» ограничены «женой», «детьми», «братом», «семьёй» и т.д., т.е. существительными, обозначающими родственников, имеющих внутренние отношения (отношения, которые невозможно прервать) с говорящим. Другими словами, как одна из особенностей, присущих человеку, фиксируются родственники, имеющие внутренние неразрывные отношения с этим человеком. Следовательно, в данном контексте невозможно использовать существительные, обозначающие людей, не связанных внутренними отношениями, например, «(любимый) композитор», «(прекрасный) репетитор» и т.п. [15].

Приведём примеры:

○ «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga igu*».

○ «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga agu*».

Х «(Г-н Ёкояма)-*niwa* (любимый композитор)-*ga agu*».

○ «(Г-н Ёкояма)-*niwa* (любимый композитор)-*ga igu*».

К этому объяснению необходимо сделать небольшое добавление: если у существительных, обозначающих родственников, есть определение, глагол «*agu*» использовать невозможно. Рассмотрим на примерах, почему так происходит:

11. «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga igu*».

12. «(Г-н Сато)-*niwa* (дочь)-*ga agu*».

13. «(Г-н Сато)-*niwa* (красивая дочка)-*ga igu*».

14. «? (Г-н Сато)-*niwa* (милая дочка)-*ga agu*».

Накагири пишет: «Имена существительные, обозначающие родственников, не только указывают на объекты, существующие в этом мире, но и выражают «внутренние отношения». Например, существительное со значением члена семьи «старший брат» не только выражает конкретный объект, но и абстрактные «внутренние отношения»: «старший по возрасту человек, родившийся от тех же родителей». Другими словами, когда существительное «старший

брат» сопровождается глаголом «агу», мы воспринимаем его не как конкретный объект, но осознаём его существование с точки зрения абстрактных «внутренних отношений» [6, с. 67].

Иначе говоря, это означает, что если существительное со значением члена семьи мы осознаём обобщённо и воспринимаем в контексте «внутренних отношений» с говорящим, выраженным дательным падежом -*ni*, то используется глагол «агу» (пример 12); если же мы осознаём его необобщённо, как конкретный объект, используется глагол «ігу» (пример 13).

Учитывая это, легко объяснить, почему пример 14 является неверным. Причина заключается в том, что при наличии определения повышается «выразительность» объекта, и он более осознаётся как конкретный.

Итак, различия в употреблении «ігу» / «агу» с одушевлёнными объектами в притяжательных предложениях можно систематизировать следующим образом:

1. Если говорящий воспринимает объект владения как «имеющий свою волю», используется глагол «ігу».

2. Если говорящий воспринимает объект владения как «не имеющий собственной воли», используется «агу».

3. Объект владения имеет с человеком, выраженным дательным падежом -*ni*, «внутренние отношения»:

1) говорящий осознаёт его обобщённо как «не имеющее своей воли существо» – используется «агу»;

2) говорящий осознаёт его необобщённо, как «конкретное существо», имеющее свою волю, – используется «ігу».

3) объект владения индивидуализирован именем, личным или указательным местоимением и т. п., он воспринимается как имеющий свою волю и оформляется глаголом «ігу».

3. О словоупотреблении глагола «агу» применительно к «человеку» в иных контекстах, помимо предложений существования и предложений обладания

Помимо предложений существования, предложений местонахождения и предложений обладания, существуют особенности словоупотребления, вызывающие вопросы обучающихся.

В «Справочнике базовых глаголов» о слове «агу» дана следующая информация: «Значение 3. Существование человека / людей:

Существует один либо несколько «статично воспринимаемых» людей» [15].

И далее в «Комментарии» сказано: «Существо» в «Значении 1» обычно не должно двигаться по собственной воле. В связи с этим и в «Значении 3» не осознаётся такая особенность «человека» – субъекта существования, как способность двигаться по собственной воле (изначально ему присущая), воспринимается только существование (наличие или отсутствие) «человека». Другими словами, можно сказать, что «Значению 3» соответствует выражение существования «человека» независимо от конкретных времени и места либо в форме, не позиционирующей их определённо [15].

Примеры:

«Есть («агу») и те, кто имеет другое мнение по данному вопросу».

«Давным-давно жили-были («агу») дед да баба».

«Хотя есть («агу») депутаты, которые спят во время заседания, председатель не делает им замечаний».

«Есть («агу») те, кто верит в бескорыстную любовь, и есть («агу») те, кто в неё не верит».

«В сегодняшнем мероприятии участников было («агу») больше, чем предполагалось».

«Именно потому, что автомобильная авария – это проблема, в которой есть («агу») другая сторона, зачастую её бывает сложно разрешить».

Разве не возникнет ощущение некоторой неточности, если в двух последних примерах заменить «агу» на «ігу» («участников было» и «есть другая сторона»)? Потому что слово «участники» в данном случае означает не «каждый из участников», а «количество принявших участие», а «другая сторона» является абстрактным выражением, ему недостаёт конкретики и его сложно воспринимать как «существо с собственной волей».

К примеру «Давным-давно...», как мы заметили ранее, у Томита есть объяснение: «это словоупотребительный приём в разговоре о давнем прошлом, когда слушателя знакомят с существованием действующих лиц в статичном состоянии, представляют ему их местопребывание и после продолжают повествование» [9, с. 20–21]. Кинсуй объясняет это, используя термин «предложения начального представления» [3]. Таким образом, способы классификации и терминология различаются, но общим в них является то, что субъект существования воспринимается «статично». Иначе говоря, при словоупотреблении «агу» в начале сказок субъект существования воспринимается как существо, «не двигающееся на основе собственной воли» и «не имеющее своей воли».

Однако в последние годы в начале сказок нередко стал использоваться глагол «ігу». И в других ситуациях в разговорной речи стали чаще использовать «ігу». В параграфе 4 мы подробнее рассмотрим это, но, наверное, можно сказать, что тенденция настоящего времени – более частое использование модели «(человек)-га ігу», чем «(человек)-га агу».

Употребление глаголов «агу» / «ігу» в рассмотренных предложениях с семантикой существования человека можно обобщить так: глагол «агу» используется в том случае, если субъектом существования является «человек», но воспринимается он не как конкретная личность, но как существо, не имеющее своей воли, и значение придаётся самому факту его существования.

4. Тенденции в употреблении глаголов «ігу» и «агу» с существительными, обозначающими людей

Иноуэ заметил: «Раньше в новостях о происшествиях часто встречалось высказывание «Раненых не было (агу: агимасен дешита)». Но в последние годы стали больше говорить «ігу: имасен дешита». В случае с ННК в новостях о наличии / отсутствии пострадавших примерно с 2007 г. стало больше использоваться «имасен», и эта тенденция продолжается», «по опросу ННК (проведённому у 4000 человек старше 20 лет по всей стране в феврале 2021 г.) по поводу выражения «Среди пассажиров пострадавших не было / “агимасен дешита”», «Неприятия нет» ответили 51,5%, «Есть неприятие» ответили 47,3% опрошенных» [1, с. 63].

Таким образом, применение глаголов «ігу» и «агу» меняется вместе со временем (эпохой). По поводу этих временных изменений часто цитируется теория Кинсуй [2; 3]. Если сформулировать просто – в древности до эпохи Камакура (1185/92–1333) в качестве глагола, выражающего существование, использовался глагол «агу».

«Исходное значение глагола «ігу» – «находиться спокойно и недвижно, тихо и в низкой позиции» – антонимично глаголу «стоять» («tatsu») [13]. Этот глагол примерно со второй половины эпохи Муромачи (1336–1573) начал использоваться как глагол выражения существо-

вания. Однако в то время он ограничивался значением местонахождения человека в определённом месте. Постепенно употребление этих глаголов разделилось: «ігу» обозначал одушевлённый субъект существования, «агу» – неодушевлённый.

О различиях в употреблении «ігу» / «агу» с существительными, обозначающими людей в предложениях обладания, об изменениях в их употреблении после Реставрации Мэйдзи (1868) и причинах этих изменений на основе богатого материала пишет Ниида [7].

Согласно данным, показывающим временные флуктуации словоупотребления, с эпохи Мэйдзи до Второй мировой войны чаще употреблялся глагол «агу», но по мере приближения к нашему времени использование «агу» резко уменьшилось, и сейчас «ігу» используется намного чаще. По данным корпусных текстовых исследований с 1971 по 2005 гг., «агу» применялся в 15% случаев, «ігу» – в 85%.

По этому поводу Ниида пишет: «По-видимому, среди молодых носителей японского языка усиливается тенденция, о которой говорит Кинсуй [3], – использовать «ігу», если объект владения одушевлён. Но, с другой стороны, нет ли в сути осознания современных носителей японского языка того, что «человек не принадлежит кому-либо, человек существует по собственной воле и, в конце концов, само его существование связано с принадлежностью кому-либо». Ниида также считает, что это осознание связано с тем, что в выражениях обладания кем-либо стала более употребима модель «(человек)-ga ігу» [7, с. 77].

Следует также отметить, что по данным словоупотребления в отношениях «владелец – объект владения» («родители», «дети», «братья / сёстры», «жена / муж», «любовница / любовник», «любимая / любимый») в зависимости от участников этих отношений динамика изменений в словоупотреблении различна. Например, «особенно в отношении «родителей, живущих / существующих раньше себя», независимо от исторической эпохи использовался глагол «ігу». Если акцент делается на собственном волеизъявлении самого объекта владения в отношениях «любовница / любовник», «любимая / любимый» и т.п., употребление меняется от «агу» к «ігу» [7, с. 86]. Ниида пишет: «Употребление «агу» / «ігу» зависит не только от того, одушевлён или нет объект владения, но и от того, может ли он контролировать эти отношения» [7, с. 86].

Таким образом, в современном японском языке существует тенденция чаще использовать конструкцию «(человек)-ga ігу», чем «(человек)-ga агу».

Заключение

Рассмотрев различные примеры в параграфах 1–4, мы пришли к следующим выводам. Важным моментом в различении словоупотребления глаголов «ігу» и «агу» является не то, «одушевлены» или «неодушевлены» объекты и субъекты этих отношений, а то, как говорящий воспринимает «субъекты существования» и «объекты владения». Если они воспринимаются как «существа, имеющие свою волю», используется глагол «ігу», если как «не имеющие собственной воли», – глагол «агу».

В параграфе 1 мы не выделяли в отдельную категорию «наличие собственного волеизъявления», но восприятие транспортного средства как «находящегося в состоянии и способности к движению» и природных явлений как «движущихся субъектов», хотя объективно сами по себе по своей воле они не движутся, свидетельствуют о том, что говорящий усматривает в них нечто похожее на наличие собственной воли.

Восприятие говорящим «субъектов существования» и «объектов обладания» как имеющих собственную волю связано с тем, как он осознаёт место существования, их одушевлённость или неодушевлённость, воспринимает их обобщённо либо как конкретные создания и т.п.

Кроме того, в современном японском языке существует тенденция реже использовать модель «(человек)-ga agu» и чаще – глагол «iru». Видимо, можно утверждать, что тенденция к упрощению систем коснулась и различия в применении глаголов «iru» / «agu».

На наш взгляд, данная работа поможет изучающим японский язык углубить понимание различий в употреблении глаголов «iru» и «agu», что, в свою очередь, позволит им говорить на более естественном японском языке.

Список литературы

1. 井上裕之 (2021) 「人が『いる』、人が『ある』」 『放送研究と調査』 第 71 巻第 7 号, NHK 放送研究所, 東京. (Иноуэ Х. Глаголы «iru» и «agu» в предложениях с одушевлённым подлежащим // Лаборатория культуры эфира NHK. «Эфирные исследования и социологические опросы». Токио, 2021. Т. 71. № 7.) URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/kotoba/pdf/20210801_2.pdf (дата обращения: 31.03.2024).
2. 金水敏 (1984) 「『いる』『おる』『ある』 – 存在表現の歴史と方言 –」 『ユリイカ』 臨時増刊号, 284–293, 青土社, 東京. (Кинсуй С. «Iru», «oru», «agu»: История экзистенциальных выражений и диалекты // «Сэйдо-ся», альм. «Эврика». Токио, 1984. Внеочер. № С. 284–293.)
3. 金水敏 (2006) 『日本語存在表現の歴史』 ひつじ書房, 東京. (Кинсуй С. История экзистенциальных выражений японского языка. Токио: «Хицудзи Сёбо», 2006. 344 с.)
4. 三浦つとむ (1975) 『日本語の文法』 (新装版 1998 年) 勁草書房, 東京. (Миура Ц. Грамматика японского языка. Токио: «Кейсо Сёбо», 1975, нов. изд. 1998. 320 с.)
5. 森田良行 (1996) 『基礎日本語辞典』 角川書店, 東京. (Морита Ё. Словарь базового японского языка. Токио: «Кадокава Сётэн», 1996. 1294 с.)
6. 中桐謙一郎 (2007) 「日本語の所有文に関する一考察」 『太成学院大学紀要』 9 巻, 65–75, 大阪. (Накагири К. Исследование притяжательных предложений японского языка // Бюллетень Университета Тайсэй Гакуин. Осака, 2007. Т. 9. С. 65–75.)
7. 新居田純野 (2017) 「人の所有を表す『人がある』『人がいる』 – 明治から現代における小説を資料として –」 『長崎外大論叢』 第 21 号, 75–87. (Нишита С. Глаголы «agu» и «iru» в притяжательных предложениях с одушевлённым подлежащим: По данным частотности использования в романах с эпохи Мэйдзи до наших дней // Учёные записки Университета иностранных языков Нагасаки. Нагасаки, 2017. № 21. С. 75–87.)
8. 佐野まさき (2016) 「なぜ太陽はあるのにお日さまはいるのか」 『立命館言語文化研究』 27 巻 2–3 合併号, 43–58, 京都. (Сано М. Почему Солнце /как планета/ – «agu», но Красно Солнышко – «iru»? // Лингвокультурные исследования Университета Рицумэй-кан. Киото, 2016. Т. 27, совмещ. № 2–3. С. 43–58.)
9. 富田隆行 (1998) 『基礎表現 50 とその教え方』 凡人社, 東京. (Томита Т. Базовые выражения 50 и их преподавание. Токио: «АО Бондзин-ся», 1998. 234 с.)

10. 寺田和子・三上京子・山形美保子・和栗雅子 (1999) 『日本語の教え方 ABC』ア
ルク, 東京. (Тэрада К., Миками К., Ямагата М., Вакури М. Обучение японскому языку ABC.
Токио: «АО ALC», 1999. 252 с.)
11. 原澤伊都夫 (1993) 「存在動詞『いる』と『ある』の使い分け—語用論的ア
プローチ」 『日本語教育』 80 号, 62–73, 日本語教育学会, 東京. (Харасава И. Различия в упо
треблении экзистенциальных глаголов «*iru*» и «*aru*»: Прагматический словоупотребительный
подход // Изучение японского языка. «Ассоциация изучения японского языка». Токио, 1993.
№ 80. С. 62–73.)
12. 原澤伊都夫 (2003) 「所有の意味を有する存在文について—意志性の有無の観点か
ら—」 『静岡大学留学生センター紀要』 第 2 号, 1–11. (Харасава И. Об экзистенциальных
предложениях с притяжательным значением: С точки зрения наличия /отсутствия собствен
ной воли // Бюллетень Центра иностранных студентов Университета Сидзуока. Сидзуока,
2003. С. 1–11.)
13. 『デジタル大辞泉』 小学館. («Дэдзитару Дайдзисэн» (Толковый словарь). Токио:
«Сёгакукан».) URL: [https://dictionary.goo.ne.jp/word/
%E6%9C%89%E6%83%85_
%E2%83%81%E3%81%98%E3%82%87%E3%81%86%29/](https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85_%E2%83%81%E3%81%98%E3%82%87%E3%81%86%29/) (дата обращения: 31.03.2024).
14. 『日本国語大辞典』 小学館. («Нихон кокуго дайджитэн» (Толковый словарь). То
кио: «Сёгакукан».) URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85-34541#w-1885907>
(дата обращения: 31.03.2024).
15. 『基本動詞ハンドブック』 国立国語研究所. («Справочник базовых глаголов». То
кио: «Кокурицу кокуго кэнкюдзё».) URL: <https://verbhandbook.ninjal.ac.jp/> (дата обращения:
31.03.2024).

References

1. Inoue H. “Person”-ga “*iru*”/ “*aru*”. *The NHK Monthly Report on Broadcast Research*. Tokyo, 2021. Vol. 71. No. 7. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/kotoba/pdf/20210801_2.pdf (ac
cessed: 31.03.2024) (In Jap.).
2. Kinsui S. “*Iru*”, “*oru*”, “*aru*”: The History of Existential Expressions and Dialects. “*Seido
sha*”, almanac “*Eureka*”. Tokyo, 1984. Extra issue. P. 284–293. (In Jap.).
3. Kinsui S. The History of Japanese Existential Expressions. Tokyo: “Hitsuji Shobou”, 2006.
344 p. (In Jap.).
4. Miura Ts. The Japanese Grammar. Tokyo: “Keisou Shobou”, 1975, renewed ed. 1998. 320 p.
(In Jap.).
5. Morita Yo. The Dictionary of Basic Japanese. Tokyo: “Kadokawa Shoten”, 1996. 1294 p.
(In Jap.).
6. Nakagiri K. A Study on Possessive Sentences in Japanese. *Bulletin of Taisei Gakuin Uni
versity*. Osaka, 2007. Vol. 9. P. 65–75. (In Jap.).
7. Niida S. The Possessive Expressions “X(person) ga *aru/iru*: A Survey of Usage Data in
Novels from the Meiji Period until Today. *Nagasaki Foreign Languages University Academic Essays*.
Nagasaki, 2017. No. 21. P. 75–87. (In Jap.).
8. Sano M. Why the Sun /as a Planet/ – “*aru*”, but “*o-Hi-sama*” /Respectfully/ – “*iru*”?
Ritsumei-kan University Linguicultural Studies. Kyoto, 2016. Vol. 27. Comb. no. 2–3. P. 43–58.
(In Jap.).

9. Tomita T. Basic Expressions 50 and How to Teach Them. Tokyo: “Bonjin-sha Co., Ltd”, 1998. 234 p. (In Jap.).
10. Terada K., Mikami K., Yamagata M., Wakuri M. Teaching Japanese ABC. Tokyo: “ALC Co., Ltd”, 1999. 252 p. (In Jap.).
11. Harasawa I. The Difference in Usage of Existential Verbs “iru” and “aru”: Pragmatic Approach. *Journal of Japanese Language Education*. “Assotiation for Japanese Language Education”. Tokyo, 1993. No. 80. P. 62–73. (In Jap.).
12. Harasawa T. The Existential Construction with Possessive Concept: From the Viewpoint of Presence / Absence of the Will. *Bulletin of Shizuoka University Foreign Students Center*. Shizuoka, 2003. P. 1–11. (In Jap.).
13. “Dejitaru Daijisen” (Japanese dictionary). Tokyo: “Shogakukan Co., Ltd”.
URL: https://dictionary.goo.ne.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85_%28%E3%81%86%E3%81%98%E3%82%87%E3%81%86%29/ (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).
14. “Nihon kokugo daijiten” (Japanese dictionary). Tokyo: “Shogakukan Co., Ltd”. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9C%89%E6%83%85-34541#w-1885907> (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).
15. “The Basic Verbs Handbook”. Tokyo: “National Institute for Japanese Language and Linguistics”. URL: <https://verbhandbook.ninjal.ac.jp/> (accessed: 31.03.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 21.07.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 02.08.2024

Принята к публикации / Accepted 31.10.2024

Научная статья

УДК 811.2.373.7

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/71-102>

Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения,

почётный профессор Осакинского университета

dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье при помощи структурно-семантического и функционального анализа мы исследуем композицию и особенности семантики трёхсимвольных фразеологизмов современного японского языка, выявляя их «внутреннюю форму» (А.А. Потебня), а также грамматические особенности интеграции составных элементов в составе сложного слова. В трёхсимвольных фразеологизмах на протяжении столетий истории японского языка осуществлялись и продолжают осуществляться в наши дни интеграция и симбиоз протокитайских и исконно японских корней и основ, базисом существования которых является иероглифическая графика. Генетически трёхсимвольные фразеологизмы японского языка подразделяются на протокитайские и исконно японские. Для обоих классов важное значение имеет иероглифическая графика: все рассматриваемые сложные лексемы записываются при помощи трёх китайских иероглифов. Протокитайские, в свою очередь, образуют два класса единиц – генетически гомогенные и генетически негомогенные (осложнённые исконно японскими корнями или основами) фразеологизмы. Предметом специального анализа стали особенности метафоризации трёхсимвольных протокитайских фразеологизмов и некоторые особенности их синтаксического использования.

Ключевые слова: трёхсимвольные фразеологизмы, интеграция исконно японской и протокитайской лексики, структурно-семантические классы трёхсимвольных фразеологизмов, трёхкомпонентные протокитайские фразеологические композиты, «внутренняя форма» трёхсимвольных фразеологизмов, генетически гомогенные и генетически негомогенные трёхсимвольные протокитайские фразеологизмы, трёхсимвольные исконно японские фразеологизмы

Для цитирования: Дыбовский А.С. Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 71–102.

Original article

Three-character idioms in contemporary Japanese

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Japanese Studies Department, Professor Emeritus of Osaka University
dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. This article employs structural-semantic and functional analysis to examine the composition and semantic features of three-character idioms in modern Japanese. It uncovers their “inner form” (A.A. Potebnya) and investigates the grammatical characteristics that integrate constituent elements within compound words. In these idioms, the fusion of proto-Chinese and native Japanese roots has developed over centuries within the history of the Japanese language, rooted in Chinese characters. Genetically, Japanese three-character idioms are divided into proto-Chinese and native Japanese categories. For both, Chinese characters are fundamental: each complex lexeme analyzed here is written with three Chinese characters. Proto-Chinese idioms are further divided into genetically homogeneous and heterogeneous categories. The study places special emphasis on the metaphorical aspects of three-character proto-Chinese idioms and certain aspects of their syntactic use.

Key words: three-character idioms in Japanese, integration of native Japanese and proto-Chinese lexicon, structural-semantic classes of three-character idioms, three-character proto-Chinese idioms, inner form of three-character idioms, genetically homogeneous and heterogeneous three-character proto-Chinese idioms, three-character native Japanese idioms

For citation: Dybovsky A.S. Three-character idioms in contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 71–102. (In Russ.).

Введение

Фразеологизмами мы называем сложные языковые единицы, значение которых в той или иной степени идиоматично. Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским будем считать, что базовыми факторами идиоматичности значения языковой единицы являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов словосочетания, то есть наличие семантических сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов; 2) непрозрачность значения, то есть невозможность его выявления как простой суммы значений компонентов соответствующей языковой единицы; 3) усложнение способа указания на денотат в результате метафоризации выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [1, с. 45]. В японской лингвистической литературе для обозначения фразеологизмов в первую очередь протокитайского¹ слоя лексики японского языка, неразрывно связанных с иероглифической графикой, обычно используется термин *дзюкуго* (熟語 – букв. «созревшие слова») → «идиома-

¹ Протокитайскими мы называем фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также созданные (и создаваемые) в Японии по китайским и исконно японским моделям.

тические выражения»¹) [15, 16, 19], по всей вероятности, заимствованный у китайских лингвистов [3, с. 10]. Этим термином иногда обозначаются и фразеологизмы исконно японского слоя лексики (気が重い *ки га омой* – «вялый, флегматичный», букв. «дух тяжёлый»; 風を引く *кадзэ о хику* – «простудиться», букв. «тянуть ветер»), но более часто он используется при характеристике протокитайской лексики японского языка. Протокитайские фразеологизмы современного японского языка обычно описываются на материале четырёхсимвольных фразеологизмов (四字熟語) [2, с. 16–17; 17, 19, 20]. Так как двухсимвольные фразеологизмы обычно игнорируются, то считается, что в японском языке в количественном отношении преобладают протокитайские фразеологизмы, состоящие из четырёх иероглифов [4, с. 3] – в истоке – четырёх одноморфемных слов классического китайского языка *вэньянь*², каждое из которых записывается при помощи отдельного иероглифа и представляет собой структурный элемент фразеологизма. Однако протокитайские фразеологизмы могут состоять из двух, трёх, четырёх или даже пяти компонентов, каждый из которых записывается при помощи отдельного иероглифа, например:

1) двухсимвольные: 斷腸 *дантё*: ~の – «душераздирающий», «мучительный», букв. «разрывающий кишки» (斷 «разрывать»; 腸 «кишки, внутренности»); 閣下 *какка* – «ваше (его) превосходительство», букв. «под башней» (閣 «башня»; 下 «низ», «у ног»); 夭折 *ё:сэцу* – «преждевременная смерть», «ранняя гибель» (夭 «цветущий, молодой»; 折 «сгибаться, ломаться»);

2) трёхсимвольные: 走馬灯 *со:мато*: – «круговерть образов перед глазами», «калейдоскоп», букв. «бегущей лошади огни»; 二枚舌 *нимай-дзита* – «двуличие, лицемерие», букв. «двойной язык»; 野次馬 *ядзи-ума* – «зевака, любопытный наблюдатель»; сочетание составных компонентов 野次 (*ядзи* – «крики, выкрики») и 馬 (*ума* – «лошадь») передаёт образ толпы зевак, собравшихся из-за необычайного происшествия;

3) четырёхсимвольные: 鯨飲馬食 *гэйин-басёку* – букв. «кит пьёт, лошадь ест» → «есть и пить в огромных количествах», «обжорство и чрезмерное употребление пищи и напитков»; 四苦八苦 *сику-хакку* – (буд.) букв. «четыре страдания, восемь страданий» → *обр.* «невероятные страдания», «бедственное положение»; 籠鳥恋雲 *ро:тё:-рэньун* – букв. «птица в клетке тоскует по облакам» → «стремление к свободе; желание вырваться на волю из ограничивающих обстоятельств»;

4) пятисимвольные: 弄花香滿衣 *ро:ка-ко:манъи* – букв. «Перебираю цветы, и их аромат наполняет одежду» (弄 «играть»; 花 «цветы»; 香 «аромат»; 滿 «наполнять»; 衣 «одежда»), *лит.*

обр.: «Если находишься среди добрых людей, то и сам становишься лучше» (см. рис. 1) [12]; 五十歩百歩 *годзинпо-хяппо* – «Пятьдесят шагов и сто шагов», букв.: «Пятьдесят шагов – сто

Рис. 1. 弄花香滿衣

¹ Этим термином в японской лингвистике могут обозначаться также сложные протокитайские слова, фразеологизмами не являющиеся. О.П. Фролова называет такие фразеологические единицы японского языка *сэйго* [10, с. 35–37] в соответствии с японским чтением китайского слова 成語 (*chéngyǔ* – *чэньюй* «идиома, идиоматическое выражение, фразеологизм»).

² *Вэньянь* (кит. 文言 *wényán*) – это классический китайский письменный язык, который «начал складываться на рубеже н.э. на основе классических текстов 5–3 вв.» [7, с. XI] и просуществовал в Китае до начала XX века. К началу нашей эры *вэньянь* стал языком китайской науки и философии, юриспруденции, официальной документации.

шагов», *переносн. знач.*: «небольшая разница»; «незначительные различия между двумя вещами»¹.

В этой статье предметом анализа являются трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка. В качестве методов исследования используются структурно-семантический и функциональный анализ. Мы описываем структурные и семантические свойства трёхсимвольных фразеологизмов, исследуем особенности интеграции составных элементов фразеологизмов в составе сложного слова, выявляя их «внутреннюю форму» (А.А. Потеня), обращаемся к их этимологии. «Внутренняя форма» понимается как «форма организации значения» фразеологизма [9, с. 191]. В протокитайских фразеологизмах японского языка она (внутренняя форма) во многих случаях выявляется в буквальном прочтении исходных значений иероглифов, при помощи которых соответствующие протокитайские фразеологизмы записываются. Многие протокитайские фразеологизмы японского языка связаны с историей китайской культуры и нередко представляют собой своеобразные «послания из прошлого», неразрывно связанные с китайской иероглифической графикой, корпус которой выходит далеко за рамки иероглифических лимитов, введённых в Японию после Второй мировой войны [6].

Трёхсимвольные протокитайские фразеологизмы структурно делятся на два класса: а) протокитайские трёхсимвольные фразеологизмы и б) исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы. Последние представляют собой сложные слова, состоящие из исконно японских основ (корней) и тесно связанные с иероглифической графикой: они обычно записываются при помощи трёх китайских иероглифов. Протокитайские трёхсимвольные фразеологизмы ещё более тесно связаны с иероглифической графикой, чем исконно японские, так как они пришли из письменно-книжного языка и потому их употребление в устной речи более ограничено. По структуре протокитайские фразеологизмы подразделяются на 1) генетически гомогенные и 2) генетически негомогенные (осложнённые исконно японскими корнями или основами). Первые представляют собой трёхсимвольные фразеологические композиты, состоящие исключительно из протокитайских корней (например, 唐變木 *то:хэмбоку* – «чужак, странный человек», «упрямец», *букв.* «странное дерево эпохи Тан»; 下馬評 *гэбахэ*: – «слухи, толки», *букв.* «судить и оценивать, сойдя с лошади»; 白眼視 *хакуганси* – «смотреть презрительно», «относиться с холодностью», *букв.* «белым глазом смотреть»; 鉄面皮 *тэцумэмпи* – «наглость, бесстыдство», *букв.* «кожа железного лица»). Вторые нередко состоят из двухсимвольных протокитайских фразеологизмов или других двухсимвольных протокитайских композитов, осложнённых словом (основой, корнем) исконно японского слоя лексики (например, 猿芝居 *сарусибай* – «примитивная игра, грубая уловка», *букв.* «обезьяний театр»; 二枚舌 *нимайдзита* – «двуличие, лицемерие», *букв.* «двойной язык»; 青二才 *аонисай* – «зелёный юнец, неопытный человек», «от горшка два вершка», *букв.* «зелень двухлетняя»). В обоих случаях для трёхсимвольных фразеологизмов важна иероглифическая графика, по количеству иероглифов которой японские языковеды называют такие выражения 三字熟語 («трёхсимвольные фразеологизмы») [16]. В некоторых случаях одно и то же выражение может читаться по-разному в различных стилистических контекстах, будучи семантически идентичным, например,

¹ Выражение приписывается древнекитайскому философу Мэнцзы (孟子 *mèngzǐ*), который жил в IV веке до н.э. Речь шла о том, что воин, убежавший с поля боя на пятьдесят шагов, мало чем отличается от воина, убежавшего на сто шагов. Другие примеры см. в [14].

возникший в военном языке фразеологизм 突破口 «прорыв», «точка прорыва» (突 – «прорываться», 破 – «разрушать», 口 – «рот»; «отверстие») может читаться (произноситься) *топпако:* и *топпагуги*, оставаясь выражением, которое обозначает не просто преодоление препятствий, а ключевой момент событий, и используется в широком спектре контекстов – от военной стратегии до бизнеса, науки и повседневных ситуаций.

Далее будут рассмотрены 1) генетически гомогенные трёхсимвольные (трёхкомпонентные) протокитайские фразеологические композиты (далее – ПЗФК), 2) генетически негомогенные ПЗФК, 3) исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы.

1. Генетически гомогенные ПЗФК

В структурном отношении среди протокитайских фразеологизмов этого класса абсолютно преобладают ПЗФК, основу которых составляют П2ФК¹ или иные двухсимвольные китаизмы. Добавочный односимвольный компонент ПЗФК может предшествовать или следовать за базовым двухсимвольным, который обычно функционирует и самостоятельно вне ПЗФК, частью которого он является. Приведём примеры препозиции «добавочного» компонента:

① 大上段 *дайдзэ:дан* – «высокомерное поведение, агрессивная позиция»; 大 *дай* – «большой», 上段 *дзэдан* – «верхняя позиция» (в боевых искусствах указывает на высокую стойку или позицию для нанесения удара сверху).

② 一張羅 *иттэ:ра* – *прост.* «лучший выходной костюм»; 一 *ити* – «один», 張羅 *тэ:ра* – «выходная одежда».

③ 唐変木 *то:хэмбоку* – «чуждак, странный человек», «упрямец»; 唐 *то:* – «Тан» (древняя китайская династия), что в данном контексте подразумевает нечто чуждое и необычное, 変木 *хэмбоку* – *букв.* «необычное дерево».

④ 好敵手 *ко:тэкисю* – «сильный соперник», «достойный противник»; 好 *ко:* – «хороший», 敵手 *тэкисю* – «враг, противник».

Приведём примеры постпозиции «добавочного» компонента ПЗФК:

⑤ 太鼓判 *тайкобан* – «гарантия, печать одобрения»; 太鼓 *тайко* – «барабан», 判 *бан* – «печать, штамп». Изначально 太鼓判 использовалось для обозначения большого штампа или печати, которую ставили на важных документах в знак одобрения или утверждения. В современном языке это выражение имеет значения «гарантия» или «печать качества».

⑥ 度外視 *догайси* – «игнорировать, не принимать во внимание»; 度外 *догай* – «вне расчёта; без внимания», 視 *си* – «смотреть». Это выражение используется для описания ситуации, когда что-то сознательно не принимается во внимание при принятии решения. 度外視 используется для описания ситуаций, когда человек или организация намеренно не обращают внимания на какие-то существенные обстоятельства.

⑦ 醍醐味 *дайгоми* – «истинное наслаждение, удовольствие», «суть буддизма». Это выражение используется для описания наивысшего уровня удовольствия или ценности чего-

¹ Двухсимвольные (двухкомпонентные) протокитайские фразеологические композиты.

либо, от чего человек получает истинное наслаждение. 醍 *дай* – «очищенное молоко» (традиционный буддийский термин, обозначающий самое чистое молоко или сливки), 醐 *го* – «чистое масло» (также относится к высшему качеству пищи в буддийской традиции), 味 *ми* – «вкус» (рис. 2 иллюстрирует фразеологизм). Изначально выражение 醍醐味 восходит к буддийской терминологии, где слово 醍醐 служило для обозначения самой изысканной и рафинированной пищи, символизовавшей высшее знание или понимание. В буддизме различные формы молочных продуктов метафорически описывали уровни постижения истины, и термин 醍醐 олицетворял конечную истину и просветление. А слово 味 («вкус») как бы добавляло аспект удовольствия от постижения истины, указывая на получение наслаждения от наивысшего истинного опыта. В современном японском книжном языке 醍醐 встречается в значении *кн.* «сливки», а в японском разговорном в этом значении его полностью вытеснило пришедшее из английского языка слово *クリーム* (*англ.* cream).

Рис. 2. 醍醐味

Более редко встречаются ПЗФК, которые строятся на композиции трёх самостоятельных компонентов, например: 守銭奴 *сюсэндо* – *прост.* «скупец, скряга», букв. «охраняющий деньги тип». Приведём ещё примеры:

⑧ 千秋楽 *сэнсю:раку* – «финальный день», «заключительное представление»; 千 *сэн* – «тысяча», 秋 *сю:* – «осень», 楽 *раку* – «удовольствие», «радость». 千 наполняет ПЗФК значимостью, указывая на длительность мероприятия. 秋 ассоциируется с успешным завершением, так как осень – это время сбора урожая, а 楽 указывает на удовольствие и радость, связанные с завершением важного события. ПЗФК 千秋楽 обычно используется для обозначения последнего дня какого-либо события, серии выступлений – театральных представлений или турниров, например борьбы *сумо*. Изначально выражение использовалось в театре и на турнирах *сумо* для обозначения дня, когда заканчиваются все мероприятия.

⑨ 審美眼 *симбиган* – «эстетический вкус», «чувство прекрасного»; 審 *син* – «рассматривать, судить», 美 *би* – «красота», 眼 *ган* – «глаз». Это выражение используется для обозначения способности видеть и оценивать красоту или эстетику в различных формах, будь то искусство, природа или предметы повседневной жизни; символизирует способность человека воспринимать и анализировать эстетические качества объектов. ПЗФК 審美眼 используется для описания людей, обладающих утончённым вкусом или способностью замечать красоту и гармонию в вещах, искусстве или дизайне. Это выражение может применяться как по отношению к специалистам, таким как художники или дизайнеры, так и к людям с природным чувством стиля.

⑩ 感無量 *канмурё:* – «переполнен чувствами», «невыразимо тронут»; 感 *кан* – «чувство, эмоция», 無 *му* – «не», «без», 量 *рё:* – «количество». Грамматически здесь присутствует субъектно-предикатная конструкция (感が無量 *букв.* «Чувства невозможно измерить»). Это выражение используется для описания состояния, когда человек испытывает сильные эмоции. Обычно употребляется в положительном контексте, когда чувства настолько сильны, что человек не может их описать.

Еще более редки копулятивные сочетания трёх компонентов ПЗФК, например:

⑪ 雪月花 *сэцугэцука* – «снег, луна, цветы» → «сезонная красота природы»; 雪 *сэцу* – «снег», 月 *гэцу* – «луна», 花 *ка* – «цветы». Это выражение символизирует красоту природы в разные времена года и культурные ценности японцев, связанные с традицией любования природными явлениями. Снег символизирует зиму, луна – осень, а цветы (чаще всего сакура) – весну (иллюстрация фразеологизма приведена на рис. 3). Таким образом, ПЗФК 雪月花 отражает идею прекрасного, вечного и изменчивого мира природы.

Рис. 3. 雪月花

С формально-грамматической точки зрения ПЗФК могут занимать в предложении разные синтаксические позиции. В рассмотренном нами корпусе ПЗФК абсолютно преобладали имена существительные, способные занимать все синтаксические позиции, связанные с функционированием имён существительных в современном японском языке. Вербальных ПЗФК было совсем немного. Глагольный формант *суру* обычно присоединяется только к имманентно вербальным¹ протокитайским фразеологизмам, например:

1. 白眼視 (する) *хакуганси (суру)* – «смотреть презрительно, относиться с холодностью»; 白眼 *хакуган* – «белый глаз», 視 *си* – «смотреть», «взгляд». Это выражение используется для описания ситуации, когда кто-то смотрит на другого с неодобрением или явным осуждением. ПЗФК 白眼視 подразумевает негативное отношение, когда некто с холодностью относится к другому человеку, проявляет по отношению к нему неприязнь. «Белый глаз (→ взгляд)» (白眼) метафорически означает холодное и неодобрительное отношение к кому-то. Приведём примеры:

① 彼は同僚から白眼視されている。 *Карэ ва до:рё: кара хакуганси сарэтэ иру* – «Он подвергается неприязненному отношению со стороны коллег» [ChatGPT];

② 白眼視されることを恐れずに、自分の意見を述べている。 *Хакуганси сарэру кото о осорэдзу ни, дзibun но икэн о nobэру* – «Не боясь, что его могут невзлюбить, (он) высказывает своё мнение» [ChatGPT];

③ 居酒屋に子供を連れて行く親を白眼視する人もいるかも *Идзакая ни кодомо о цурэтэ ику оя о хакуганси суру хито мо иру ка мо* – «Возможно, найдутся люди, которые будут косо смотреть на родителей, приводящих детей в питейное заведение» [18];

④ 彼女の行動は白眼視を招いた *Канодзё но ко:до: ва хакуганси о манэйта* – «Её поступки вызвали неприязненное отношение» [ChatGPT].

В первых трёх примерах используется вербальная версия протокитайского фразеологизма, в четвёртом примере – вербальный ПЗФК номинализован.

2. 度外視 (する) *догайси (суру)* – «игнорировать, не принимать во внимание»; 度外 *догай* – «вне расчёта; без внимания», 視 *си* – «смотреть». Как уже отмечалось, это выражение используется для описания ситуаций, когда что-то сознательно игнорируется и какие-то факторы ситуации намеренно исключаются из рассмотрения. Это может быть связано с тем, что эти факторы считаются неважными или неактуальными в данном контексте. Приведём примеры:

¹ То есть к таким ПЗФК, в составе которых присутствуют пришедшие из *вэньяня* исконно вербальные (глагольные) компоненты, например, 視 *shi* – *kun*. «смотреть».

① 彼はリスクを**度外視**して行動した *Карэ ва рисуку о догайси ситэ ко:до: сита* – «Он действовал, игнорируя риски» [ChatGPT];

② 利益だけを追求して、人々の感情を**度外視**してはいけない *Ризки дакэ о цуйкю: ситэ, хитобито но кандзё: о догайси ситэ ва икэнай* – «Нельзя преследовать только выгоду, игнорируя чувства людей» [ChatGPT];

③ ただ、その一方では世界の三分の二の人々は効率を**度外視**して暮らしています *Тада, соно иппо: дэ ва сэкай но самбун но ни но хитобито ва ко:рицу о догайси ситэ кураситэ имас* – «Однако, с другой стороны, две трети людей в мире живут, не принимая во внимание эффективность» [18];

④ 健康**度外視**でお酒飲んで遊びすぎたけど、でも楽しかったです *Кэнко: догайси дэ о-сакэ нондэ асобисугита кэдо, дэмо таносикатта дэс* – «Я совсем не думал о здоровье, слишком много пил и веселился, но всё равно (это) было здорово» [Составлено носителем языка]¹.

В первых трёх примерах представлена вербальная версия протокитайского фразеологизма, в четвёртом примере – вербальный ПЗФК номинализован. Как видим, вербальные ПЗФК кроме функционирования в качестве глаголов могут номинализироваться и фигурировать в именной форме. В классах адъективных и адвербиальных ПЗФК наблюдалась бóльшая степень адаптации к грамматике японского языка (чем, например, у П2ФК или П4ФК), также более низкой оказалась функционально-семантическая транзитивность. Поэтому можно сказать, что генетически гомогенным ПЗФК свойственна бóльшая определённости в принадлежности к той или иной части речи. Рассмотрим несколько ПЗФК, которые относятся к классу полупредикативных (именных) прилагательных:

1. 破天荒 (な) *хатэнко: (-на)* – «беспрецедентный, неслыханный»; 破 (*ха*) – «разрушать, ломать», 天荒 (*тэнко:*) – «пустыня, дикий край; целина». Это выражение используется для описания чего-то необычного, удивительного, происходящего впервые, что раньше не имело precedентов; подчёркивается новаторство или уникальность какого-либо события или достижения. Например:

① 破天荒なアイデアが成功した *Хатэнко:-на айдэа га сэйко: сита* – «Уникальная идея оказалась успешной» [ChatGPT];

② 彼はこの業界で破天荒な記録を打ち立てた *Карэ ва коно гё:кай дэ хатэнко:-на кироку о учитатэта* – «Он установил беспрецедентный рекорд в этой области» [ChatGPT];

③ …破天荒で常識を越えたところにあるから、おもしろい *Хатэнко: дэ дзё:сики о коэтта токоро ни ару кара, омосирой* – «Это интересно, потому что (он был) совершенно неподражаем и находится за пределами здравого смысла» [18].

④ 本艦は、当時の戦艦としては破天荒に長い船体である… *Хонкан ва, то:дзи но сэнкан то ситэ ва хатэнко: ни нагай сэнтай дэ ару* – «Это судно для своего времени имело беспрецедентно длинный для военного корабля корпус» [18].

Вместе с полной парадигмой полупредикативного прилагательного в примерах 1–4 встречается и именная версия исконной китайской лексемы, например:

¹ Другой носитель японского языка отметил предпочтительность глагольной формы: 健康を度外視してお酒飲んで遊びすぎたけど、楽しかったです *Кэнко: о догайси ситэ о-сакэ нондэ асобисугита кэдо, таносикатта дэс* – «Я совсем не думал о здоровье, слишком много пил и гулял, однако же это было весело» [Составлено носителем языка].

⑤ この破天荒の議論は国会をすっかり白けさせてしまったと伝えられる *Коно хатэнко: но гирон ва коккай о суккари сирокэсасэтэ симатта то цутаэрарэру* – «Сообщается, что этот беспрецедентный спор совершенно испортил атмосферу в парламенте» [18].

2. 理不尽 (な) *рифудзин (-на)* – «нелепый, несправедливый, необоснованный»; 理 *ри* – «логика, разум», 不尽 *фудзин* – «недостаток, отсутствие». Это выражение используется для описания ситуаций, которые представляются говорящему несправедливыми, неразумными или противоречащими логике. Например:

① 彼の要求は理不尽だ *Карэ но ё:кю: ва рифудзин да* – «Его требования нелепы» [ChatGPT];

② 会社の決定を理不尽に感じる *Кайсяно кэттэй о рифудзин ни кандзиру* – «Решение компании кажется несправедливым» [ChatGPT];

③ 彼女は理不尽な扱いを受けた *Канодзё ва рифудзин-на ацукан о укэта* – «Она подверглась несправедливому обращению» [ChatGPT].

В то же время изредка используется именная реализация исконной протокитайской лексемы, например:

④ わたしはどうも苦手と言うか、腑におちない、なにか理不尽のようなものを常づね感じているのですが... *Ватаси ва до:мо нигатэ то уу ка фу ни отинай, нани ка рифудзин но ё:на моно о цунэдзунэ кандзитэ иру но дэс га* – «Мне как-то не по себе, как бы душа не принимает какую-то несправедливость, которую я постоянно ощущаю» [18].

3. 殺風景な *саппу:кэй (-на)* – «серый, унылый, безвкусный»; «прозаичный»; 殺 *сацу* – «убивать», 風景 *фу:кэй* – «пейзаж, вид». Это выражение используется для описания мест или ситуаций, которые кажутся скучными, лишёнными красоты и жизни. Это может касаться как физического пространства, так и атмосферы в социальном или профессиональном смысле. Приведём примеры:

① 東京で一番殺風景な町筋である *То:кё: дэ, утибан саппу:кэй-на матисудзи дэ ару*. – «Это самые унылые улицы в Токио» [18];

② この部屋は殺風景で、何か飾りが必要だ *Коно хэя ва саппу:кэй дэ, нани-ка кадзари га хицүё: да* – «Эта комната выглядит уныло, ей нужны украшения» [ChatGPT];

③ あの砂漠は、緑に慣らされた私の眼に何と殺風景に映ったことでしょう *Ано сабаку ва, мидори ни нарасарэта ватаси но мэ ни нан то саппу:кэй ни уцутта кото дэсё:* – «Как же уныло и убого выглядела пустыня в моих глазах, привыкших к зелени» [18].

Эпизодически встречается и именная реализация исходной протокитайской лексемы, например:

④ 両側の壁に本棚や書類棚が並べられた、実用的とも殺風景とも言えるたたずまいった *Рё:соку но кабэ ни хондана я сёруйдана га нарабэрарэта, дзицүё:тэки то мо саппу:кэй то мо изру татадзумаи датта* – «По двум сторонам комнаты вдоль стен стояли книжные и документальные стеллажи, что можно было бы назвать как практичным, так и несколько унылым видом» [18].

Как видим, во всех приведённых примерах представлены ПЗФК, принадлежащие к категории полупредикативных (именных) прилагательных. Наряду с адъективными формами встречаются и именные реализации исходных протокитайских лексем.

В собранном материале не было обнаружено вербализации адъективных и адвербиальных словоформ. Для ПЗФК, по всей вероятности, характерна бóльшая, чем, например, у П2ФК или П4ФК, функционально-семантическая специализация, большая определённость в принадлежности к той или иной части речи.

Например, ПЗФК 一目散 *итимокусан* – букв. «бежать не оглядываясь», «бежать изо всех сил, стремглав» (一目 *итимоку* – «один глаз», 散 *сан* – «разбегаться, рассредоточиваться») – генетически является протокитайским фразеологизмом с глагольным опорным словом. Однако в современном японском языке употребляется почти исключительно в качестве приакцидентного определения и лишено глагольных свойств¹. Этот фразеологизм обычно используется для описания ситуаций, когда некто начинает двигаться с максимальной скоростью для того, чтобы избежать опасности или достичь какой-то иной цели (*фразеологизм проиллюстрирован на рис. 4*), например:

① 彼は一目散に駅へ走った *Карэ ва итимокусан ни эки э хаситта* – «Он бросился бежать к вокзалу изо всех сил» [ChatGPT];

② 怖くなって、一目散に逃げ出した *Коваку наттэ, итимокусан ни нигэдаситта* – «Испугавшись, (я) стремглав бросился бежать» [ChatGPT];

③ 子供たちは一目散に庭へ飛び出した *Кодомотати ва итимокусан ни нива э тобидасита* – «Дети выбежали в сад, не оглядываясь» [ChatGPT];

④ 家並みは、黒煙で、夕暮れより暗い。ぼくは山へ向かって一目散に走った *Иэнами ва, кокуэн дэ, ю:гурэ ёри курай. Боку ва яма э мукаттэ итимокусан ни хаситта* – «Ряд домов был окутан чёрным дымом, и было темнее, чем в сумерках. Я со всех ног побежал к горам» [18];

⑤ 彼は一目散に山へ帰っていった *Карэ ва итимокусан ни яма э каэттэ итта* – «Он со всех ног бросился бежать обратно к горам» [Составлено носителем языка].

Семантика протокитайских фразеологизмов этой группы, как правило, строится на различных видах метафорических переносов значения всего выражения или значений компонентов ПЗФК. Распространённым способом создания фразеологизмов является смена дискурса, к которому та или иная единица изначально принадлежит. В когнитивной лингвистике метафоризация описывается как взаимодействие «двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)» [8, с. 9]. По словам Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [цит. по 8, с. 10]. В рассматриваемых нами протокитай-

Рис. 4. 一目散

¹ В базе «Гюнагон» [18] на 129 случаев наречного употребления был обнаружен один пример именного использования: 必死で部屋を飛び出すゆうじの姿を、しっかりと凝視していた...一目散の人間を初めて見たと! *Хисси дэ хэя о тоби-дасу Ю: дзи но сугата о, сиккари то гэ:си ситэ ита...* *Итимокусан но нингэн о хадзимэтэ мита то!* – «(Он) пристально наблюдал за Ю: дзи, выбежавшим из комнаты с отчаянной решимостью, как будто впервые увидел человека, бегущего так стремительно!» [18].

ских фразеологизмах «исходный домен» во многих случаях изначально принадлежит к сложным религиозным, философским, литературно-художественным текстам. Соответствующие выражения были как бы «опрокинуты в жизнь», в дискурсы реальной коммуникации людей, в которых и обнаруживается «целевой домен». Например, ПЗФК 醍醐味 *дайгоми* в значении «истинное наслаждение, удовольствие» был создан в результате переноса буддийского термина из дискурса сакральности с сферу обыденного (нерелигиозного) общения людей. Подобным образом произошли ПЗФК 桃源郷 *то:гэнкё:* в значении «райский уголок» (из литературного дискурса – в дискурсы обыденной коммуникации), 天王山 *тэнно:дзан* в значении «решающий момент, ключевой поворот» (из исторического дискурса – в дискурсы современной устной и письменной коммуникации), 十八番 *дзю:хатибан (о-хако)* в значениях «коронный номер», «сильная сторона» (из дискурса традиционного японского театра – в дискурсы обыденной жизни). Рассмотрим конкретные примеры ПЗФК более подробно.

1. 桃源郷 *то:гэнкё:* – *возвыш.* «райский уголок», «божественные места»; 桃 *то:* – «персик», 源 *гэн* – «начало», 郷 *кё:* – «деревня». Это выражение используется для обозначения места, которое кажется идеальным для жизни, удалённым от проблем и забот реального мира, символизирующим гармонию, покой и счастье. 桃源郷 (*Táohuānyuán*) «Персиковый источник» или «Персиковая роща» – это название утопической поэмы китайского поэта Тао Юаньмина (陶淵明 *Táo Yuānmíng* 365–427), в которой описывается далёкая деревня, расположенная среди персиковых садов, где люди живут в мире и гармонии, не зная трудностей (*иллюстрация выражения представлена на рис. 5*). Перенесённое в дискурс обыденности ПЗФК 桃源郷 стало метафорой для обозначения заветного, идеального места, где царят мир, покой и счастье, к которым стремится человек. Примеры:

Рис. 5. 桃源郷

① この島はまるで桃源郷のようだ *Коно сима ва марудэ то:гэнкё: но ё: да* – «Этот остров – словно райский уголок» [ChatGPT];

② 彼女は都会を離れ、田舎で桃源郷のような生活を夢見ている *Канодзё ва токай о ханарэ, инака дэ то:гэнкё: но ё:на сэйкацу о юэмитэ иру* – «Она мечтает покинуть город и жить в деревне, как в сказочной идиллии» [ChatGPT];

③ その風景は桃源郷のように美しかった *Соно фу:кэй ва то:гэнкё: но ё:ни уцукуси-катта* – «Этот пейзаж был прекрасен, как райский уголок» [ChatGPT];

④ 春、笹子トンネルを抜けて、甲府盆地に入ってくると、まず、桃源郷の光景と、向こうに見える南アルプスの山々が、目に飛びこんでくる *Хару, Сасаго тоннэру о нукэтэ, Ко:фу бонти ни хаиттэ куру то, мадзу, то:гэнкё: но ко:кэй то, муко: ни мизэру Минами-Арунусу но ямаяма га, мэ ни тобикондэ куру* – «Весной, когда проезжаешь через тоннель Сасаго и въезжаешь в долину Кофу, перед глазами сразу возникают божественные виды природы и горные хребты Южных Альп, виднеющиеся вдали» [18].

2. 天王山 *тэнно:дзан* – «решающий момент, ключевой поворот». ПЗФК происходит от названия горы 天王山 (*Тэнъо:дзан*), где в 1582 году произошла решающая битва между войсками Тоётоми Хидэёси и Акэти Мицухидэ, которая сыграла ключевую роль в истории Японии (см. рис. 6). Этот ПЗФК может обозначать момент, от которого зависит исход событий и который может кардинально изменить ситуацию – будь то спортивное соревнование, бизнес или чьи-то личные дела. Приведём примеры:

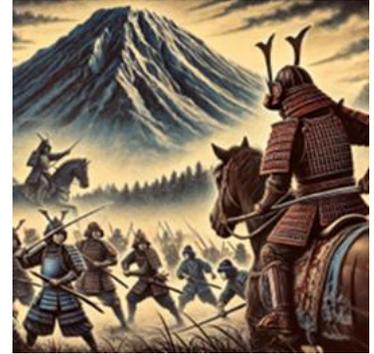

Рис. 6. 天王山

① この試合はチャンピオンシップへの天王山だ *Коно сийаи ва тянпионсиппу э но тэнно:дзан да* – «Этот матч – ключевой на пути к победе в чемпионате» [ChatGPT];

② 彼にとって、このプロジェクトは、キャリアの天王山だ *Карэ ни тоттэ, коно пуродзэкуто ва карэ но кяриа но тэнно:дзан да* – «Для него этот проект – решающий момент в карьере» [ChatGPT];

③ 大学受験も天王山に差し掛かると、緊張が高まった *Дайгаку дзюкэн мо тэнно:дзан ни сасикакару то, кинтё: га такаматта* – «Когда и вступительные экзамены в университет подошли к решающему моменту, напряжение возросло» [Составлено носителем языка].

3. 十八番 *дзю:хатибан (о-хако)* – «коронный номер, сильная сторона»; 十八 (*дзю:хати*) – «восемнадцать», 番 (*бан*) – «номер». Это выражение используется для обозначения чего-то, что человек делает особенно хорошо и в чём он мастер. Обычно это относится к любимому (коронному) номеру артиста или исполнителя, а также к любому навыку, в котором человек особенно силён. Исторически выражение связано с традиционным японским театром *кабуки*. Речь идёт о театральной семье Итикава (市川), известной династии актёров. В 19 веке один из представителей этой семьи, Итикава Дандзюро (市川團十郎), составил список из восемнадцати пьес, которые стали их наиболее успешными постановками. Эти пьесы получили название 歌舞伎十八番「*Кабуки дзю:хатибан*; «*Кабуки*: восемнадцать номеров»), что и стало источником выражения 十八番, имеющего значения «коронный номер» и «сильная сторона» (см. рис. 7). В современном японском языке 十八番 используется не только в контексте театра и искусства, но также и для обозначения любой деятельности, в которой человек преуспел. При этом в последнее время в устной речи этот ПЗФК обычно озвучивается как *о-хако* – «конёк», «коронный номер». Приведём примеры:

Рис. 7. 十八番

① カラオケでは彼の十八番はこの歌だ *Караокэ дэ ва карэ но о-хако ва коно ута да* – «Его коронный номер в караоке – эта песня» [Составлено носителем языка];

② 彼は料理が得意で、彼の十八番はチキンカレーだ *Карэ ва рё:ри га токуи дэ, карэ но о-хако ва тикин карэ: да* – «Он мастерски готовит, и его коронное блюдо – курица карри» [Составлено носителем языка];

③ このプレゼンテーションは彼の十八番だ *Коно пурэдзэнтэ:сён ва карэ но о-хако да* – «Эта презентация – его коронный номер» [ChatGPT].

4. 金字塔 *киндзито*: – «пирамида»; 金 *кин* – «золото», 字 *дзи* – «иероглиф, знак», 塔 *то*: – «башня, сооружение». Этот ПЗФК обычно используется для обозначения египетских пирамид, но может также употребляться в переносном смысле для описания чего-то эффектного, величественного и долговечного. Приведём примеры:

① 黒澤明の『七人の侍』は日本映画史の金字塔である *Куросава Акира но «Ситинин но самураи» ва Нихон эйгаси но киндзито: дэ ару* – «“Семь самураев” Акиры Куросавы – это грандиозное достижение в истории японского кино» [Составлено носителем языка];

② 大谷翔平選手は驚異的記録を出し、米国野球界に新たな金字塔を打ち立てた *Отани Сё:хэй сэнсю ва кё:итэки кироку о даси, Бэйкоку якю:кай ни арата-на киндзито: о утитатэта* – «Игрок Отани Сёхэй¹ установил удивительный рекорд и стал автором феноменального достижения в американском бейсболе» [Составлено носителем языка];

③ 西郷さんといえば、日本歌謡界にさん然と輝く金字塔ですよね *Сайго:-сан то изба, Нихон каё:кай ни сандзэн-то кагаяку киндзито: дэс ё нэ* – «Если говорить о Сайго², то это, безусловно, блистательная вершина в мире японской эстрадной музыки, не так ли?» [18].

5. 下馬評 *гэбахё*: – «слухи, толки», «кулуарные разговоры»; 下馬 *гэба* – «спешиться», «сойти с лошади», 評 *хё*: – «оценка, суждение». Это выражение происходит из эпохи японского средневековья (см. рис. 8), когда было принято спешиваться перед въездом в «поселение у подножия замка» (城下町 *дзё:камати*); оно используется для описания мнений, слухов или предположений, которые высказываются без должной проверки. Это может касаться политических выборов, спортивных событий или любых других ситуаций, где люди высказывают свои частные мнения до оглашения объективных сведений. Приведём примеры:

Рис. 8. 下馬評

① 選挙の結果について下馬評が飛び交っている *Сэнкё но кэкка ни цуйтэ гэбахё: га тобикаттэ иру* – «Слухи о результатах выборов летают повсюду» [ChatGPT];

② 試合前の下馬評では彼が勝つと言われていた *Суай маэ но гэбахё: дэ ва карэ га кацу то иварэтэ ита* – «До матча говорили, что он победит» [ChatGPT];

③ 下馬評を裏切って、彼が優勝した *Гэбахё: о урагиттэ, карэ га ю:сё: сита* – «Вопреки ожиданиям, победил он» [ChatGPT].

ПЗФК (下馬評 *гэбахё*: – «слухи, толки») представляет собой идиому, используемую для изображения людей, которые, подобно путникам японского средневековья, обмениваются мнениями, делясь информацией и делая различные «оценочные суждения».

В других случаях метафоризируется только часть ПЗФК. Рассмотрим это явление на конкретных примерах.

1. 大上段 *дайдзё:дан* – «высокомерное поведение», «агрессивная позиция»; букв. «большая верхняя стойка»; 大 *дай* – «большой», 上段 *дзё:дан* – «верхняя позиция» (в боевых искусствах указывает на высокую стойку или позицию для нанесения удара сверху). Этот ПЗФК

¹ Отани Сёхэй (大谷翔平; 1994–) – известный японский бейсболист.

² Сайго Тэрухико (西郷輝彦; 1947–2022) – популярный исполнитель песен в жанре *энка*.

обычно используется для описания человека, который ведёт себя высокомерно, надменно и агрессивно, стремясь занять доминирующую позицию в процессе коммуникации. Приведём примеры:

① 彼は大上段に構えて話し始めた *Карэ ва дайдзё:дан ни камаэтэ хана-сихадзимэта* – «Он начал говорить с агрессивным и высокомерным видом» [ChatGPT];

② 若手俳優たちを大上段に批判ばかりしている映画評論家なんて不要だ *Вакатэ хайю:тати о дайдзё:дан ни хихан бакари ситэ иру эйга хё:ронка нантэ фуё: да* – «Нет нужды в кинокритиках, которые лишь высокомерно критикуют молодых актёров» [Составлено носителем языка];

③ 彼の大上段な態度は、人との付き合いを難しくしている *Карэ но дайдзё:дан-на тайдо ва, хито то но цукиаи о мудзукасику ситэ иру* – «Его высокомерное поведение усложняет (его) общение с людьми» [Составлено носителем языка].

В этом случае первый компонент ПЗФК 大 *дай* – «большой» используется в прямом значении, а имя-нарицательное – 上段 *дзё:дан* – «верхняя позиция» – выводится за пределы спортивного дискурса и используется метафорически для изображения поведения человека в деловом общении или в обыденной жизни.

2. 鉄面皮 *тэцумэмпи* – «наглость, бесстыдство»; 鉄 *тэцу* – «железо», 面皮 *мэмпи* – разг. «лицо», букв. «кожа лица». Это выражение используется для описания человека, который ведёт себя нагло и бессовестно, игнорируя реакцию окружающих. Приведём примеры:

① 彼の鉄面皮な態度には驚かされた *Карэ но тэцумэмпи-на тайдо ни ва одорока-сарэта* – «Его наглое поведение (меня) поразило» [18];

② 鉄面皮にもほどがある *Тэцумэмпи ни мо ходо га ару* – «Наглости тоже есть предел» [18];

③ 彼は鉄面皮で、どんなに非難されても平気だ *Карэ ва тэцумэмпи дэ, донна ни хинан сарэтэ мо хэйки да* – «Он такой наглый и бесстыжий, что ему всё равно, как бы его ни критиковали» [18].

Метафорически используется первый компонент ПЗФК – 鉄 (*тэцу*) – «железо» – для создания образа человека с непроницаемым («железным») лицом, способного без стеснения вести себя бесстыдно и дерзко, игнорировать критику. 面皮 (*мэмпи* – разг. «лицо», букв. «кожа лица») в том же значении используется в других фразеологизмах японского языка, например, 面皮の厚い *мэмпи но ацуй* – «бесстыжий»; 面皮を剥 *мэмпи о хагу* – «сорвать маску с кого-л.», «обличить кого-л.».

3. 登竜門 *то:рю:мон* – «врата дракона на пути к успеху»; *обр.* «получение высокой должности или звания»; 登 *то:* – «взбираться», 竜門 *рю:мон* – «врата дракона». Это выражение используется для описания сложного испытания или препятствия, преодоление которого ведёт к успеху и высокому статусу. Оно символизирует важный шаг в жизни человека, после которого наступает признание или продвижение по службе. История выражения восходит к китайской легенде о карпе, который, поднявшись по реке и преодолев водопад, превратился в дракона. Врата дракона (竜門) – это символ трудного испытания, которое нужно преодолеть для достижения успеха. Приведём примеры:

① この大学の入試は政界への登竜門だと言われている *Коно дайгаку но ню:си ва*

сэйкай э но то:рю:мон да то иварэтэ иру – «Говорят, что вступительные экзамены в этот университет – это ворота в политический мир» [Составлено носителем языка];

② *そのプロジェクトは彼のキャリアにおける出世コースへの登竜門だった。 Соно пуродзэкуто ва карэ но кяриа ни окэру сюссэ ко:су э но то:рю:мон датта* – «Этот проект был для его карьеры важной ступенью на пути к успеху» [Составлено носителем языка];

③ *彼にとってこのコンクールは歌手デビューへの登竜門のようなものだ Карэ ни тоттэ коно тайкай ва касю дэбю: э но то:рю:мон но ё: на моно да* – «Для него этот конкурс словно ворота к дебюту в качестве певца» [Составлено носителем языка].

В идиоматическом выражении **登竜門** (*то:рю:мон* – «врата дракона»), которое метафорически используется в качестве символа трудного испытания, вербальный элемент **登** *то* – «взбираться» используется в прямом значении (ср. **登山** *тодзан* – «альпинизм»). **竜門** (*рю:мон* – букв. «врата дракона») идиоматически связано и не употребляется вне данного выражения.

4. **審美眼** *симбиган* – «эстетический вкус, чувство прекрасного»; **審** *син* – «рассматривать, судить», **美** *би* – «красота», **眼** *ган* – «глаз». Дословно **審美眼** можно перевести как «глаз, способный оценивать красоту». Это выражение используется для обозначения способности кого-либо оценивать красоту и замечать прекрасное в различных формах жизни, будь то искусство, природа или предметы повседневного быта. При помощи ПЗФК **審美眼** часто описываются люди, обладающие утончённым вкусом, способностью замечать красоту и гармонию в искусстве или дизайне. Примеры:

① *彼女は審美眼を持っていて、美術館では長い時間、作品を鑑賞している カノдзэ ва симбиган о моттэ итэ, бидзюцукан дэ ва нагай дзикан, сакухин о кансё: ситэ иру* – «У неё развито чувство прекрасного, и она проводит много времени в музеях» [Составлено носителем языка];

② *彼の審美眼は芸術界で高く評価されている Карэ но симбиган ва гэйдзюцукай дэ такаку хё:ка сарэтэ иру* – «Его эстетический вкус высоко ценится в мире искусства» [ChatGPT];

③ *審美眼がある人は、どんな小さなディテールも見逃さない Симбиган га ару хито ва, донна тиисана дитэ:ру мо миногасанай* – «Человек с утончённым чувством прекрасного не пропустит ни одной детали» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) **優れた審美眼** (*сугурэтай шинбиган*) – «отличное чувство прекрасного»;

2) **審美眼を持つ** (*шинбиган о моттэ*) – «обладать эстетическим вкусом».

В этих примерах слово **眼** *ган* – «глаз» метонимически используется в качестве средства обозначения человека (синекдоха), способного замечать прекрасное.

5. **真骨頂** *синкоттё:* – «истинная сущность», «проявление настоящих качеств»; **真** *син* – «истинный», **骨** *коцу* – «кость», **頂** *тё:* – «вершина, верхушка». Дословно **真骨頂** переводится как «истинная вершина кости». Это выражение используется для описания ситуаций, когда некто демонстрируют свои лучшие качества. Это может касаться профессиональных навыков, моральных качеств или особых талантов, которые присущи данному человеку. Приведём примеры:

① このプロジェクトで彼の**真骨頂**が発揮された *Коно пуродзэкуто дэ карэ но синкоттё: га хакки сарэта* – «В этом проекте проявились его истинные способности» [ChatGPT];

② この作品は、彼女の芸術的**真骨頂**を示している *Коно сакухин ва, канодзё но гэйдзюцутэки синкоттё: о симэситэ иру* – «Эта работа демонстрирует её подлинные художественные способности» [ChatGPT];

③ **真骨頂**を発揮するには、困難に立ち向かわなければならない *Синкоттё: о хакки суру ни ва, коннан ни татимукаванакэрэба нарай* – «Чтобы проявить свои истинные качества, нужно столкнуться с трудностями» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) **真骨頂**を見せる (しんこっちょうをみせる) – «показать истинную сущность»;

2) **真骨頂**を発揮する (しんこっちょうをはっきする) – «проявить настоящие качества».

В этих примерах выражение **骨頂 коттё: (букв. «костей наивысшая точка»)** используется гипонимически для обозначения лучших качеств личности. Здесь также можно увидеть стилистическую фигуру речевой экспрессии, связанную с метонимическим переносом значения части (кость) на целое (человеческая личность). Морфема **真 син** выступает в своём обычном значении.

Ещё более сложные процессы метафоризации и идиоматизации наблюдаются в ПЗФК, связанных с буддийскими духовными практиками. К таким протокитайским фразеологизмам относится, например, выражение **大往生 дайю:дзё:** – «спокойная смерть», «достойная кончина», *букв. «великое (движение) по направлению к перерождению»*; **大 дай** – «большой, значительный», **往生 о:дзё:** – «смерть, уход в иной мир», *букв. «на пути к перерождению»* (в буддизме – перерождение в раю, или достижение нирваны). Это выражение используется для описания смерти, которая наступила естественным образом, в мире и покое, после долгой и благополучной жизни. Оно подразумевает не только физическую смерть, но и то, что человек завершил свою жизнь достойно, без страданий и с чувством выполненного долга (см. рис. 9). Примеры:

Рис. 9. 大往生

① 彼は 90 歳で**大往生**を遂げた *Карэ ва кю:дзюсай дэ дайю:дзё: о тогэта* – «Он ушёл из жизни в возрасте 90 лет, спокойно и достойно» [ChatGPT];

② 彼女の人生は幸せに満ちており、**大往生**であった *Канодзё но дзинсэй ва сивасэ ни мититэ ори, дайю:дзё: дэ атта* – «Её жизнь была полна счастья, и её смерть была спокойной и достойной» [ChatGPT];

③ 家族は**大往生**を遂げた彼を敬い、思い出を大切にしている *Кадзоку ва дайю:дзё: о тогэта карэ о уямаи, омоидэ о тайсэцу ни ситэ иру* – «После его спокойной кончины семья с уважением хранит память о нём» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) **大往生**を遂げる (だいおうじょうをとげる) – «спокойно уйти из жизни», «умереть лёгкой смертью, тихо скончаться»;

2) **大往生**で旅立つ (だいおうじょうでたびだつ) – «уйти в последний путь с миром».

Выражение **大往生** тесно связано с буддийскими представлениями о том, что человек

может умереть безболезненно, достигнув внутреннего покоя и гармонии благодаря тому, что он прожил жизнь в соответствии с моральными и духовными принципами, и, таким образом, готов к перерождению. В буддизме этот термин подразумевает успешное достижение перерождения в лучших местах, таких как Чистая Земля¹. Такое перерождение считается идеальной целью после смерти. Таким образом, в ПЗФК 大往生 идея смерти представляется в позитивном ключе как «великий уход с целью перерождения в Чистой Земле», символизирующий вознаграждение за праведно прожитую благочестивую жизнь².

На примерах генетически гомогенных ПЗФК мы наблюдали различные формы метафоризации, а также метонимических переносов значения. Важным средством метафоризации языкового выражения был междискурсивный оборот лексики. Во многих случаях «исходный домен» был локализован в классических книжных дискурсах, а «целевой домен» оказывался в письменных и устных дискурсах реальной коммуникации. Как видим, пути фразеологизации протокитайской лексики японского языка связаны со сложными семантическими процессами, корни которых уходят в глубины истории японского языка и общества. Они также связаны с развитием его мифологического сознания, которое передаётся от поколения к поколению, сохраняя исторически сложившиеся в японском социуме фантастические идеи и образы, связанные с духовными практиками, многие из которых пришли из Китая.

2. Генетически негомогенные ПЗФК

Генетически негомогенные ПЗФК японского языка представляют собой различные комбинации протокитайских и исконно японских корней (основ), которые соединяются в составе трёхсимвольного фразеологизма. Формирование таких гибридных единиц – один из способов

¹ «Чистая Земля» (淨土 *дзэ:до*) в буддизме – это обитель, где могут перерождаться души, достигшие определённого уровня духовного развития. Эта идея тесно связана с буддистским учением секты *Дзёдо-сю* (Буддизм Чистой Земли), основанного на вере в спасение через поклонение будде Амитабха (阿彌陀仏, *Амида-буцу*), который правит этим райским местом. Согласно учению о Чистой Земле, этот (земной, подлунный) мир является местом страданий и иллюзий, и достичь просветления здесь очень трудно. Однако верующие могут переродиться в Чистой Земле, где условия для достижения нирваны более благоприятны. Это место описывается как обитель абсолютного покоя, гармонии и блаженства, где отсутствуют страдания, и можно спокойно продолжить путь к просветлению.

² Описанные буддийские идеи стоят и за генетически негомогенным ПЗФК 往生際 *о:дзэ:гива* – «момент смерти, критический момент»; 際 (*ぎわ*) – «момент, край». Дословно 往生際 переводится как «момент ухода из жизни», что указывает на состояние человека в последний момент, когда нужно проявить мужество или смирение. Выражение также может обозначать момент, когда нужно оставить бесполезные усилия и принять реальность. 往生際 используется для описания того, как человек ведёт себя в последний момент, когда все усилия и сопротивление уже бессмысленны. Оно может обозначать как физический момент смерти, так и момент метафорической смерти, когда человек должен сдаться и признать поражение. Ср. также ПЗФК 修羅場 *сюра-ба* – «место битвы», «кровавая сцена хаоса и борьбы», который восходит к будд. термину Асуры. Асуры (*санскр. Asura, будд. 阿修羅, асура*) – это один из видов демонов в буддийской и индуистской мифологии. Изначально *асуры* в ведийской традиции были богоподобными существами, но со временем в буддизме и индуизме их стали воспринимать как низшие существа, находящиеся в постоянной борьбе и конфликте. В буддизме *асуры* обитают в одном из шести миров *сансары* (*санскр. संसार saṃsāra* – «бесконечное скитание») – мире асуров (*асюракай*), который описывается как место, где обитают существа, исполненные гнева, зависти и страсти к борьбе. Они постоянно ведут войны с богами (*дэва*) из-за своего стремления к власти. Однако, в отличие от других демонов, *асуры* сохраняют определённые добродетели и могут обладать значительными духовными силами. *Асуры* часто олицетворяют негативные эмоции и стремления, такие как зависть, гнев и жадность, и их мир считается одним из мест, где живут существа, не достигшие просветления, но обладающие большой энергией и силой.

вовлечения протокитайских корней в исконный базис японского языка, который составляет лексика слоя *ваго*, являющаяся основой устной коммуникации японского социума. Японские корни (основы) могут располагаться в начальной или финальной части генетически негомогенного ПЗФК. Приведём примеры ПЗФК с инициальной позицией исконно японских корней (основ):

1. 大御所 *о:госё* – «почётный деятель», «влиятельная личность»; 大 *о:* – «большой, важный», 御所 *госё* – «императорский дворец». Способ образования этого фразеологизма – метонимия, основанная не на сходстве, как метафора, а на замене слов по принципу «часть вместо целого». Это выражение в современном японском языке используется для описания человека, обладающего большим авторитетом, влиянием и опытом практической деятельности в какой-то области. Обычно речь идёт о признанных экспертах, высокого звания или почётного возраста, чей авторитет высоко ценится. Первоначально выражение представляло собой один из почётных титулов отставного императора или *сёгуна*, которые сохраняли своё влияние даже после ухода с официального поста (*фразеологизм проиллюстрирован на рис. 10*). Со временем значение ПЗФК расширилось, и фразеологизм стал применяться для обозначения влиятельных фигур в различных областях, включая политику, искусство и бизнес. В настоящее время 大御所 используется для обозначения людей, которые достигли высокого уровня признания и уважения за свои достижения. Это может быть актёр, политик, художник или бизнесмен и т.д., которые обладают большим опытом и авторитетны в своей сфере. Приведём примеры:

Рис. 10. 大御所

① 彼はこの業界の大御所だ *Карэ ва коно гё:кай но о:госё да* – «Он является признанным авторитетом в этой отрасли» [ChatGPT];

② 映画界の大御所が新しいプロジェクトに取り組んでいる *Эйгакай но о:госё га атарасий нуродзэкуто ни торикундэ иру* – «Влиятельная фигура в мире кино работает над новым проектом» [ChatGPT];

③ その作家は文学界の大御所として知られている *Соно сакка ва бунгакукай но о:госё то ситэ сирарэтэ иру* – «Этот писатель известен как признанный деятель в литературе» [ChatGPT].

2. 音沙汰 *отосата* – «вести, новости, сообщение»; 音 *ото* – «звук», 沙汰 *сата* – «известие, сообщение, указ». Это выражение используется для обозначения получения новостей от кого-то. Оно может описывать как получение известий, так и их отсутствие, когда долгое время нет никаких вестей от человека или нет известий о каком-либо событии. Этот ПЗФК может применяться в личных и деловых контекстах. Приведём примеры:

① 彼からしばらく音沙汰がない *Карэ кара сибараку отосата га най* – «От него в последнее время нет вестей» [ChatGPT];

② その後全く音沙汰がないというのは、若い娘を傷つけるよ *Соно го маттаку отосата га най то иу но ва, вакай мусумэ о кидзуцукэру ё* – «Полное отсутствие известий после этого ведь будет ранить сердце молодой девушки» [18];

③ 音沙汰のない友だちを心配して待っている *Отосата но най томотати о симпай*

ситэ маттэ иру – «Я с беспокойством жду друга, от которого нет вестей» [Составлено носителем языка].

3. 裸一貫 *хадакаииккан* – «с нуля, с пустыми руками»; 裸 *хадака* – «голый», 一貫 *иккан* – «одна единица». ПЗФК 裸一貫 можно перевести, например, как «гол как сокол». При отсутствии материальных средств имплицитно подразумевается наличие решимости и силы духа. 裸一貫 употребляется для описания людей, которые начинают с нуля и упорно движутся к своей цели. Этот ПЗФК часто подразумевает силу характера и способность человека преодолеть препятствия, полагаясь только на собственные силы. Приведём примеры:

① 彼は裸一貫で努力を惜しまず働き、成功を掴んだ *Карэ ва хадака-иккан дэ дорёку о осимадзу хатараки, сэйко: о цуканда* – «Он, начав с нуля, трудился, не жалея усилий, и добился успеха» [Составлено носителем языка];

② 裸一貫から3年で事業を立ち上げた *Хадака иккан кара саннэн дэ дзигё: о татиа-ээта* – «Он начал с нуля и за три года запустил бизнес» [Составлено носителем языка];

③ 裸一貫で新しい人生を始めることにした *Хадака иккан дэ атарасий дзинсэй о хадзимэру кото ни сита* – «Решил начать новую жизнь с нуля» [ChatGPT].

4. 猿芝居 *сарусибай* – «примитивная игра», «грубая уловка», «неестественное поведение»; 猿 *сару* – «обезьяна», 芝居 *сибай* – «постановка, игра». Дословно 猿芝居 переводится как «обезьянья игра», что метафорически указывает на примитивную или неубедительную имитацию, подражание без тонкостей настоящего искусства. ПЗФК 猿芝居 употребляется для обозначения ситуаций, когда кто-то пытается манипулировать людьми, используя грубые и неубедительные методы. Этот ПЗФК может также применяться для описания театральной постановки или актёрской игры, выполненной на низком уровне, с преувеличенными жестами и эмоциями. Примеры:

① 彼の謝罪はただの猿芝居だ *Карэ но сядзай ва тада но сарусибай да* – «Его извинения – не более чем грубая уловка» [ChatGPT];

② そんな猿芝居は誰にも通じない *Сонна сарусибай ва дарэ ни мо цудзинай* – «Такой примитивный обман никого не убедит» [ChatGPT];

③ 彼女の猿芝居は、すぐに見破られた *Канодзё но сарусибай ва сугу ни мя-бурарэта* – «Её неестественное поведение было быстро разоблачено» [ChatGPT].

5. 青写真 *аодзясин* – «чертёж, план», «проект»; 青 *ао* – «синий, голубой», 写真 *сясин* – «фотография». Изначально 青写真 означало фотографический процесс создания синих отпечатков (синие чертежи, как в инженерном деле или архитектуре). ПЗФК 青写真 употребляется как для описания конкретных чертежей и планов в технической или архитектурной сфере, так и в более общем смысле для обозначения детальных и продуманных концепций или стратегий. Это выражение нередко используется для обозначения детального плана, проекта или концепции чего-либо. Примеры:

① 彼は未来の青写真を描いている。 *Карэ ва мирай но аодзясин о эгайтэ иру* – «Он создаёт план на будущее» [ChatGPT];

② 新しいビルの青写真が完成した *Атарасий биру но аодзясин га кансэй сита* – «Чертёж нового здания завершён» [ChatGPT];

③ 青写真に従ってプロジェクトを進める *Аодзясин ни ситагаттэ, пуродзэкуто о сумэру* – «Следуя плану, мы продвигаем проект» [ChatGPT].

В тех случаях, когда в негомогенном ПЗФК японская основа стоит перед двухсимвольным канго, она, как это следует из вышеприведенных примеров, выполняет функцию определения. Если же японская основа стоит после протокитайского слова, то она обычно является определяемым, а роль определения выполняет протокитайский двухсимвольный компонент.

Приведём примеры, в которых исконно японские корни (основы) находятся в постпозиции:

1. 野次馬 *ядзума* – «зевака», «сторонний наблюдатель»; 野次 *ядзи* – «гиканье, выкрики» (зрителей, слушателей); 馬 *ума* – «лошадь». Первоначально 野次馬 обозначало случайно собравшуюся толпу людей, наблюдающих за какими-то событиями (см. рис. 11). В современном японском языке это выражение используется в более широком смысле для обозначения сторонних наблюдателей, которые следят за происходящим из любопытства. Оно может иметь негативную коннотацию, если подразумевается, что собравшиеся люди кому-то мешают или создают хаос. Примеры:

Рис. 11. 野次馬

① 火事の現場に野次馬が集まった *Кадзи но гэмба ни ядзума га ацуматта* – «На месте пожара собралась толпа зевак» [ChatGPT];

② 野次馬が多すぎて、警察が現場を整理するのに苦労した *Ядзума га о:сугитэ, кэйсацу га гэмба о сэйри суру но ни куро: сита* – «Из-за большого количества зевак полиции было трудно организовать порядок на месте происшествия» [ChatGPT];

③ 野次馬が事故現場にカメラを向けていた *Ядзума га дзико гэмба ни камэра о мукэтэ ита* – «На месте аварии зеваки направляли камеры» [ChatGPT].

2. 閑古鳥 *канкодори* – «тихо как в могиле», «пустота, затишье». 閑古鳥 – это японское название кукушки. В японской культуре эта птица стала символом заброшенности и отсутствия людей. Это выражение используется для описания ситуаций, когда какая-то деловая структура практически пуста и в ней нет активности – клиентов или посетителей. ПЗФК 閑古鳥 символизирует полное безлюдье, когда никто не приходит, и всё находится в заброшенном состоянии. Это выражение часто встречается в речи о ресторане, магазине или других заведениях, не привлекающих посетителей. Примеры:

① この店には閑古鳥が鳴いている *Коно мисэ ва канкодори га найтэ иру* – «В этом магазине царит полная пустота» [Составлено носителем языка];

② 閑古鳥が鳴くようなレストランでは経営が難しい *Канкодори га наку ё:на рэсуторан дэ ва кэйэй га мудзукасий* – «Трудно вести ресторан, где почти нет посетителей» [ChatGPT];

③ 閑古鳥が鳴くオフィスは寂しさが漂う *Канкодори га наку офису ва сабисиса га тадаёу* – «Пустой офис навевает чувство одиночества» [Составлено носителем языка].

Устойчивые словосочетания:

1) 閑古鳥が鳴く (*かんこどりがなく*) – «царит пустота (буквально: кукушка кричит)»;

2) 閑古鳥が鳴いているように寂しい (かんこどりが鳴いているようにさびしい) – «тоскливо, как в могиле».

3. 目論見 *мокуроми* – «план, замысел»; 目 *моку* – «глаз», 論 *рон* – «теория, аргументация», 見 *ми* – «видеть, «смотреть». Вместе эти компоненты означают «смотреть на что-то с расчётом»; подразумевается наличие обдуманного замысла или плана. Обычно ПЗФК 目論見 употребляется для указания на намерения или планы, которые имеют конкретную цель и требуют определённой стратегии для её достижения. Примеры:

① 彼の目論見は成功した *Карэ но мокуроми ва сэйко: сита* – «Его план удался» [ChatGPT];

② 彼らの目論見は外れた *Карэра но мокуроми ва хадзурэта* – «Их замысел провалился» [Составлено носителем языка].

Устойчивые словосочетания:

1) 目論見を立てる (もくろみをたてる) – «строить планы»;

2) 目論見は外れた (もくろみはずれた) – «план не сработал, провалился».

4. 修羅場 *сюраба* – «место битвы», «кровавая сцена хаоса и борьбы»; 修羅 *сюра* – «Асура» (в буддийской и индуистской мифологии – духи войны, вечно сражающиеся существа), 場 (ば) – «место». Дословно 修羅場 переводится как «место Асур», что символизирует поле битвы, где происходит борьба яростных демонов. Это выражение метафорически используется для обозначения ситуаций, в которых царят хаос и напряжение, а также когда имеют место конфликт, драка или эмоциональная сцена (см. рис. 12). ПЗФК 修羅場 часто применяется для описания напряжённых моментов повествования – будь то физическая схватка или эмоциональный конфликт между людьми. Примеры:

Рис. 12. 修羅場

① 順調に進んでいた事情聴取は、突然、修羅場と化した *Дзюндзё: ни сусундэ ита дзидзё: тё:сю ва, тотудзэн, сюраба то касита*. – «Слушание, которое проходило гладко, внезапно превратилось в поле битвы» [18];

② 修羅場のような職場で、彼は冷静さを保っている *Сюраба но ё:-на сёкуба дэ, карэ ва рэ:сэйса о тамоттэ иру* – «В условиях хаоса на работе он сохраняет спокойствие» [ChatGPT];

③ 家族の間で修羅場が繰り広げられた *Кадзоку но айда дэ сюраба га курихирогэрарэта* – «В семье разверглась бурная ссора» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 修羅場を迎える (しゅらばをむかえる) – «столкнуться с напряжённой ситуацией»;

2) 修羅場に巻き込まれる (しゅらばにまきこまれる) – «быть втянутым в конфликт».

5. 二枚舌 *нимайдзита* – «двуличие, лицемерие», букв. «два языка»; 二枚 *нимай* – «два плоских предмета», 舌 *сита* – «язык». Это выражение используется для описания человека, который говорит одно, а делает другое, или говорит разные вещи по одному и тому же поводу разным людям, проявляя нечестность и лицемерие. При этом подразумевается, что такой человек не заслуживает доверия, так как использует «двойные стандарты» в своих речах и поступках. Дословно 二枚舌 можно перевести как «двойной язык», что метафорически указы-

вает на человека, говорящего разные вещи в зависимости от обстоятельств, скрывая свои истинные намерения и действуя неискренне. Примеры:

① 彼は二枚舌を使って、別の人には同じことを違ったように話す *Карэ ва нимайдзита о цукаттэ, бэцу но хито ни онадзи кото о тигатта ё: ни ханасу* – «Он ведя себя двулично, рассказывает об одном и том же по-разному разным людям» [18];

② 二枚舌の態度は、信頼を失う原因となる *Нимайдзита-но тайдо ва, синрай о усинау гэнъин то нару* – «Лицемерное поведение приводит к потере доверия» [Составлено носителем языка];

③ 彼女は二枚舌で人を騙すのが得意だ *Канодзё ва нимайдзита дэ хито о дамасу но га токуи да* – «Она двулична и здорово умеет обманывать людей» [Составлено носителем языка].

Устойчивые словосочетания:

1) 二枚舌を使う (にまいじたをつかう) – «вести себя двулично, лицемерить»;

2) 二枚舌な人 (にまいじたなひと) – «лицемерный человек».

6. 親分肌 *оябунхада* – «склонность к патернализму», «черты заботливого начальника»; 親分 *оябун* – «босс, глава»¹, 肌 *хада* – «кожа». Это выражение описывает человека, обладающего качествами лидера и заботящегося о тех, кто находится под его началом. Такой человек поддерживает окружающих, берёт на себя ответственность и проявляет заботу о своей «команде», будь то в семье, на работе или в кругу друзей. «Босс» не просто управляет, он заботится о подчинённых, создавая атмосферу доверия и взаимопомощи (см. рис. 13). Примеры:

① 彼は親分肌で、部下たちに慕われている *Карэ ва оябунхада дэ, букатати ни ситаварэтэ иру* – «Он обладает характером лидера, и подчинённые его уважают» [ChatGPT];

② 親分肌の彼女は、みんなを引っ張っていく力がある *Оябунхада но канодзё ва, минна о хиппаттэ ику тикара га ару* – «Она обладает лидерским характером и способна вести за собой людей» [ChatGPT];

① 彼の親分肌なところが、チームをまとめている *Карэ но оябунхада но токоро ва, ти:му о матомэтэ иру* – «Его лидерский характер и забота (о подчинённых) объединяют команду» [ChatGPT].

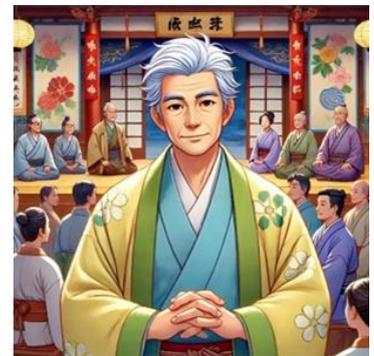

Рис. 13. 親分肌

Устойчивые словосочетания:

1) 親分肌の性格 (おやぶんはだのせいかく) – «характер лидера»;

2) 親分肌に振る舞う (おやぶんはだでふるまう) – «вести себя как лидер».

С точки зрения функционально-синтаксических категорий (частей речи) в изученном корпусе генетически негомогенных ПЗФК абсолютно преобладали имена существительные, функционирующие в составе предложения в соответствии со своими имманентными свойствами и семантикой. Вербальных ПЗФК обнаружено не было. Все адъективные фразеологизмы имели именные омонимы. Приведём примеры:

1. 生意気 (な) *намаики (-на)* – «дерзость, нахальство»; 生 (なま) – «сырой, незрелый»,

¹ В данном случае и слово 親分 имеет гетерогенный характер: исконно японское слово (親 *оя* – «родитель») сочетается в нём с протокитайским корнем (分 *бун* – «часть», «доля»).

意気 (いき) – «энергия, дух». Дословно 生意気 можно перевести как «незрелая энергия», что метафорически описывает человека, который, не обладая достаточным опытом или мудростью, ведёт себя дерзко, демонстрирует чрезмерную самоуверенность, наглость и высокомерие в ситуациях, когда это кажется неуместным. Обычно ПЗФК 生意気 имеет негативную коннотацию. Примеры:

① 彼は年齢の割に生意気だ *Карэ ва нэнрэй но вари ни намаики да* – «Он слишком дерзкий для своего возраста» [ChatGPT];

② 女のくせに酒をのむとは生意気だ *Онна но кусэ ни сакэ о ному то ва намаики да*. – «Для женщины пить сакэ – это дерзость» [18];

③ 生意気な態度は周りの人を不快にさせる *Намаики-на тайдо ва мавари но хито о фукаи ни сасэру* – «Дерзкое поведение раздражает окружающих» [ChatGPT];

④ あの子はまだ若いのに、生意気な口を利く *Ано ко ва мадэ вакай но ни, намаики-на кути о кiku* – «Этот мальчик такой молодой, а уже разговаривает дерзко» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 生意気な態度 (なまいきなたいど) – «дерзкое поведение»;

2) 生意気な口を利く (なまいきなくちをきく) – «говорить дерзко, нагло».

2. 高飛車 (な) *такабия* (-на) – «высокомерный, властный»; 高 *така* – «высокий», 飛車 *хися* – «ладья» (одна из фигур в японской настольной игре *сёги*). Дословно 高飛車 можно перевести как «высокая ладья». В японском аналоге шахмат *сёги* 飛車 *хися* – «ладья» играет решающую роль в атаке. В переносном смысле это выражение используется для описания человека, который ведёт себя агрессивно и высокомерно, как будто хочет кого-то подчинять и командовать людьми, при этом надменно демонстрируя своё превосходство над другими и требуя беспрекословного повиновения (см. рис. 14). Примеры:

① 彼女はいつも高飛車な態度を取っている *Канодзэ ва шумо такабия-на тайдо о тоттэ иру* – «Она всегда ведёт себя высокомерно» [ChatGPT];

② 高飛車な言い方をすると、誰も協力したくなくなる *Такабия-на шиката о суру то, дарэ мо кё:рёку ситакунаку нару* – «Если ты разговариваешь так властно, никто не захочет сотрудничать» [ChatGPT];

③ 彼は高飛車な上司で、部下に対して厳しい *Карэ ва такабия-на дзё:си дэ, бука ни тайситэ кибисий* – «Он высокомерный начальник, очень строгий по отношению к подчинённым» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 高飛車な態度 (たかびしやなたいど) – «высокомерное поведение»;

2) 高飛車に出る (たかびしやにでる) – «вести себя властно».

3. 生半可 (な) *намаханка* (-на) – «поверхностный, небрежный, недостаточный»; 生 *нама* – «сырой», 半可 *ханка* – букв. «наполовину правильно». Это выражение используется для описания действий или знаний, которые являются неполными. Оно указывает на поверхностное

Рис. 14. 高飛車

или небрежное выполнение задачи, когда человек делает что-то без должного внимания и квалификации. Дословно 生半可な можно перевести как «незаконченный и неполный», что метафорически указывает на что-то сделанное не до конца или без должной тщательности. ПЗФК 生半可 используется для описания действий, которые недостаточно совершенны. Это может касаться как работы, выполненной некачественно, так и знаний, которые поверхностны и не дают полного понимания вопроса. Примеры:

① 生半可な知識ではこの問題を解決できない *Намаханка-на тисики дэ ва коно мондай о кайкэцу дэкинай* – «Поверхностными знаниями эту проблему не решить» [ChatGPT];

② 彼は生半可な態度で仕事をしている *Карэ ва намаханка-на тайдо дэ сигото о ситэ иру* – «Он выполняет свою работу небрежно» [ChatGPT];

③ 生半可な準備では成功しない *Намаханка-на дзюмби дэ ва сэйко: синай* – «С недостаточной подготовкой не прийти к успеху» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 生半可な知識 (なまはんかなちしき) – «поверхностные знания»;

2) 生半可な態度 (なまはんかなたいど) – «небрежное отношение».

4. 生一本 *киппон* – «чистосердечный, прямой, искренний»; 生 *ки* – «сырой», 一本 *иппон* – «один, единый». 生一本 можно буквально перевести как «чистый, неразбавленный», что при описании человека указывает на неподдельную искренность и прямолинейность характера. ПЗФК 生一本 описывает людей, которые ведут себя прямолинейно, не отклоняясь от своих принципов, даже если это создаёт для них проблемы. Это выражение может также использоваться для описания слишком серьёзных и прямолинейных людей, живущих по своим принципам, не допуская компромиссов и сохраняя честность и искренность во всех своих действиях. Примеры:

① 彼は生一本な性格で、嘘をつくことができない *Карэ ва киппон-на сэйкаку дэ, усо о цуку кото га дэкинай* – «У него такой прямой характер, что он не может лгать» [ChatGPT];

② 生一本の彼は、どんな困難にも屈しない *Киппон но карэ ва, донна коннан ни мо куссинай* – «Он настолько прямолинеен, что не сдаётся ни перед какими трудностями» [ChatGPT];

③ 彼女の生一本な態度が信頼を得ている *Канодзё но киппон-на тайдо га синрай о этэ иру* – «Её прямолинейность и искренность завоевали доверие» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 生一本の性格 (きいっぽんのせいかく) – «прямолинейный характер»;

2) 生一本に生きる (きいっぽんにいきる) – «жить честно и искренне».

Итак, генетически негомогенные ПЗФК создаются в результате пре- или постпозиционного присоединения исконно японских основ (корней) к двухсимвольным *канго* японского языка. Образованные таким образом гетерогенные сложные слова становятся понятны на слух и активно используются в устной коммуникации. В таких сложных лексемах мы видим форму интеграции и симбиоза китайских заимствований и исконно японской лексики в единой лексической системе японского языка. Следующим шагом адаптации книжной протокитайской лексики в устно-разговорных жанрах японского языка является вовлечение её в состав устойчивых словосочетаний (二枚舌を使う *нимайдзита о цукау* – «вести себя двулично, лицемерить»; 生意気な口を利く *намаики-на кути о кiku* – «говорить дерзко, нагло»; 生半可な態度

を取る *намаханка-на тайдо о тору* – «относиться к чему-то или кому-то небрежно»). Это делает ПЗФК японского языка более понятными на слух и способствует более активному их использованию в устной речи.

3. Исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы

Исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы обычно представляют собой трёхкомпонентные сложные слова, состоящие из исконно японских основ (корней), обладающие той или иной степенью идиоматичности (обычно в результате метафорических переносов значения). Они близки с генетически негомогенными ПЗФК, в которые также входят исконно японские основы (корни), и для них важное значение имеет иероглифическая графика, обычно фиксирующая или иллюстрирующая «внутреннюю форму» выражения. Приведём примеры:

1. 日和見 *хиёрими* – «выжидательная позиция, осторожное поведение»; 日和 *хиёри* – «погода»¹, 見 *ми* – «смотреть, наблюдать». 日和見する – «смотреть, куда дует ветер». Указанное ПЗФК используется при описании поведения человека, который, избегая активных решений, ждёт, пока ситуация станет яснее, чтобы избежать рисков. Это может относиться к политической, социальной или личной ситуации, где человек не занимает чёткой позиции, а присоединяется к более выгодному тренду. Приведём примеры:

① 日和見ばかりしては問題を解決することはできない *Хиёрими бакари ситэ итэ ва мондай о кайкэцу суру кото ва дэкинай* – «Невозможно решить проблему, занимая выжидательную позицию» [Составлено носителем языка];

② 人間はもともと、日和見主義なのだ *Нингэн ва мотомо, хиёримимоно на но да* – «Человек по своей природе – приспособленец» [Составлено носителем языка];

③ 日和見な態度では信頼を失う *Хиёрими-на тайдо дэ ва синрай о усинау* – «Выжидательная позиция приведёт к потере доверия» [ChatGPT];

④ 彼らが闘ってるのは小さな小さな日蓮正宗だけです。あとは日和見な臆病者の集団です *Карэра га татакаттэру но ва тиисана тиисана Нитирэн-сё:сю: дакэ дэс. Ато ва хиёрими-на окубё:моно но сю:дан дэс* – «Они борются лишь с малюсенькой сектой Нитирэн истинной веры. Остальные – это группа трусливых приспособленцев» [18].

Термин 日和見主義 (ひよりみしゅぎ) – «оппортунизм» широко используется в политической риторике.

2. 色眼鏡 *иромэганэ* – «предвзятый взгляд», «субъективное восприятие», букв. «цветные очки» (ср. русское «розовые очки»). 色 *иро* – «цвет», 眼鏡 *мэганэ* – «очки». Метафорически выражение указывает на восприятие мира через определённую «сетку», создаваемую предвзятостью и субъективным взглядом на вещи. Это выражение используется для описания ситуаций, в которых человек смотрит на вещи не объективно, а через призму своих предубеждений, стереотипов или эмоций. Носить «цветные очки» означает воспринимать окружающий мир с искажениями, которые зависят от личных предпочтений и настроений. Примеры:

① 彼はいつも色眼鏡で物事を見ている *Карэ ва шумо иромэганэ дэ моногото о митэ иру* – «Он всегда смотрит на вещи через призму предвзятости» [ChatGPT];

¹ Здесь обнаруживается более глубинная «внутренняя форма», связанная с многозначностью иероглифов, используемых для графической фиксации слова 日和 *хиёри* – «погода»: 日 *хи* – «день»; 和 – «штиль», «безветрие» (*наги*), «гармония» (*ва*).

② 色眼鏡を外して、もっと客観的に考えるべきだ *Иромэганэ о хадзуситэ, мотто кяккантэки ни кангаэру бэки да* – «Ты должен снять свои "цветные очки" и мыслить более объективно» [ChatGPT];

③ 色眼鏡で判断すると、真実を見逃してしまう *Иромэганэ дэ хандан суру то, синдзицу о миногаситэ симау* – «Если судить через призму предвзятости, можно упустить истину» [ChatGPT].

3. 一筋縄 *хитосудзинава* – «обычный метод, стандартный подход»; 一筋 *хитосудзи* – «одна линия», 縄 *нава* – «верёвка». Это выражение используется для обозначения стандартных, привычных способов решения проблем или обращения с людьми. Чаще всего встречается в отрицательной форме, подразумевая, что с кем-то или с чем-то невозможно справиться обычными методами. В переносном смысле выражение используется для описания стандартного подхода к ведению дел. Оно указывает на то, что этот подход в той или иной ситуации не работает. Этот ПЗФК нередко встречается в форме 一筋縄ではいかない *хитосудзинава дэ ва иканай* – «невозможно справиться обычным способом». Примеры:

① 彼は一筋縄ではいかない人だ *Карэ ва хитосудзинава дэ ва иканай хито да* – «Он не такой человек, кто станет действовать обычными приёмами» [ChatGPT];

② この問題は一筋縄では解決できない *Коно мондай ва хитосудзинава дэ ва кайкэцу дэкинай* – «Эту проблему нельзя решить обычными методами» [ChatGPT];

③ しかし、彼女は一筋縄でいかない性格だ *Канодзё ва хитосудзинава дэ иканай сэйкаку да* – «Однако же у неё совсем не простой характер» [ChatGPT].

4. 瀬戸際 *этогива* – «решающий момент», «критическая граница»; 瀬 *сэ* – «порог реки», 戸 *то* – «дверь, порог», 際 *гива* – «край, граница, момент». Изначально 瀬戸際 обозначало место на границе воды и суши, например у реки, где важно принять правильное решение, чтобы переправиться. В переносном смысле оно стало означать переломный момент, когда исход может измениться в любую сторону. В современном японском языке 瀬戸際 часто употребляется для описания ситуаций, когда требуется принять важное решение или предпринять действия, которые могут радикально изменить ход дела. Это может относиться как к личным вопросам, так и к общественным, например политическим событиям. Примеры:

① 彼は人生の瀬戸際に立っている *Карэ ва дзинсэй но сэтогива ни таттэ иру* – «Он стоит на пороге решающего момента в своей жизни» [ChatGPT];

② この交渉は成功か失敗か、まさに瀬戸際だ *Коно ко:сё: ва сэйко: ка сиппай ка, масани сэтогива да* – «Эти переговоры находятся на грани успеха или провала» [ChatGPT];

③ まあ、生死の瀬戸際だから焦るのは分かるよ *Ма:, сё:си но сэтогива да кара асэру но ва вакару ё* – «Ну, это вопрос жизни и смерти, так что понятно, почему ты нервничаешь» [18].

Устойчивые словосочетания:

1) 瀬戸際の戦い (せとぎわのたたかい) – «решающая битва»,

2) 瀬戸際に立つ (せとぎわにたつ) – «стоять на пороге решающего поворота».

5. 絵空事 *эсорагото* – «фантазия, нечто нереальное»; 絵 *э* – «картина», 空事 *сорагото* – «пустые слова, вымысел». Дословно 絵空事 можно перевести как «лубочная фантазия», что метафорически означает нечто слишком красивое или невероятное, чтобы быть реальностью. Это выражение подчёркивает иллюзорный или же фантастический характер ситуации

или идеи; обычно используется для обозначения чего-то, что является выдумкой, чем-то нереальным или слишком хорошим, чтобы быть правдой. Оно указывает на пустые мечты и фантастические идеи, которые не имеют отношения к реальной жизни. Это может касаться обещаний, которые невозможно выполнить, или проектов, которые далеки от реальности.

Примеры:

① 彼の約束は**絵空事**に過ぎない *Карэ но якусоку ва эсорагото ни сугинай* – «Его обещания – не более чем фантазия» [ChatGPT];

② その計画は**絵空事**に聞こえる *Соно кэйкакү ва эсорагото ни кикозэру* – «Этот план звучит как фантазия» [ChatGPT];

③ 夢を追いかけることは大切だが、**絵空事**を信じてはいけない *Юмэ о оикакэру кото ва тайсэцу да га, эсорагото о синдзитэ ва икэнай* – «Важно следовать за мечтами, но нельзя верить в иллюзии» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 絵空事を語る (えそらごとをかたる) – «рассказывать фантазии»,

2) 絵空事に過ぎない (えそらごとにすぎない) – «не более чем фантазия».

6. 風見鶏 *казамидори* – «флюгер, человек, меняющий свои убеждения в зависимости от ситуации»; 風見 *кадзми* – «флюгер, определяющий направление ветра», 鶏 *тори* – «курица». Дословно 風見鶏 можно перевести как «петух на флюгере» (см. рис. 15). Это выражение используется для описания людей, которые часто меняют своё мнение или позицию в зависимости от ситуации. Чаще всего это выражение используется с негативной коннотацией. Приведём примеры:

① 彼はまるで**風見鶏**のように、意見をころころ変える *Карэ ва марудэ кадзамидори но ё: ни, икэн о корокоро каэру* – «Он как флюгер – постоянно меняет своё мнение» [Составлено носителем языка];

② **風見鶏**のような態度では、信頼を得ることはできない *Кадзамидори но ё:-на тайдо дэ ва, синрай о эру кото ва дэкинай* – «С таким изменчивым поведением невозможно завоевать доверие» [ChatGPT];

③ 彼女は**風見鶏**のように周りの人に合わせて意見を变える *Канодзё ва кадзамидори но ё: ни мавари но хито ни авасэтэ икэн о каэру* – «Она меняет свои убеждения в зависимости от того, что говорят другие» [ChatGPT].

Устойчивые словосочетания:

1) 風見鶏のように振る舞う (かざみどりのようにふるまう) – «вести себя как флюгер»;

2) 風見鶏的な人 (かざみどりできなひと) – «человек, меняющий свои убеждения в зависимости от ситуации».

7. 猿真似 *саруманэ* – «обезьянничанье, слепое подражание»; 猿 *сару* – «обезьяна», 真似 *манэ* – «подражание». 猿真似 символизирует действия, которые выполняются, как у обезьяны – неосознанно и механически, без глубокого понимания этих действий. Выражение используется для описания поведения людей, которые бездумно подражают другим, не пони-

Рис. 15. 風見鶏

мая сути того, что они делают. Этот ПЗФК имеет негативную коннотацию и указывает на подражание без собственного осмысления и оригинальности. Примеры:

① 彼のやっていることは、ただの猿真似だ *Карэ но яттэ иру кото ва, тада но саруманэ да* – «То, что он делает, – просто слепое подражание» [ChatGPT];

② 猿真似では、真の成功を収めることはできない。 *Саруманэ дэ ва, син но сэйко: о осамэру кото ва дэкинай* – «Слепое подражание не приведёт к настоящему успеху» [ChatGPT];

③ 彼は猿真似ばかりで、独自のアイデアがない。 *Карэ ва саруманэ бакари дэ, до-кудзи но айдэа га най* – «Он только копирует других, у него нет своих идей» [ChatGPT].

Среди описываемых трёхкомпонентных исконно японских сложных слов выделяются такие, в которых китайская графика предназначена не столько для фиксации звучания исконно японских корней (основ), сколько для визуально-графического пояснения смысла соответствующей японской сложной лексемы. Обратимся к примерам.

1. 五月雨 *самидарэ* – «затяжной дождь, ранний летний дождь»; 五月 *гогацу* – «пятый месяц» («май» по японскому календарю), 雨 *амэ* – «дождь». Это выражение используется для описания дождей, которые обычно выпадают в мае-июне и характеризуются продолжительностью и периодичностью. Буквально 五月雨 можно перевести как «майские дожди». Они могут относиться к началу сезона дождей (梅雨 *цую*). Это выражение может также использоваться метафорически для описания чего-то навязчивого, происходящего с перерывами длительное время. Так, оно нередко используется в деловом языке, например:

① 五月雨式ですみません *Самидарэ-сики дэ сумимасэн* – «Извините, что постоянно досаждаю вам (как дождь в сезон *цую*)» [11];

② 五月雨式の連絡で失礼いたします *Самидарэ-сики но рэнраку дэ сицунэй итасимас* – «Извините, что постоянно досаждаю вам сообщениями (как дождь в сезон *цую*)» [Составлено носителем языка].

2. 十八番 *о-хако* – «коронный номер, сильная сторона»; 十八 *дзю:хати* – «восемнадцать», 番 *бан* – «номер». Это выражение используется для обозначения чего-то, что человек делает особенно хорошо или в чём он мастер. Обычно это относится к коронному номеру артиста или исполнителя, а также к любому навыку, в котором человек особенно силён. Как отмечалось выше, исторически выражение связано с традиционным японским театром *кабуки*. Выражение 十八番 – дословно «восемнадцать номеров», первоначально обозначавшее лучшие для сценического воплощения произведения, впоследствии превратилось в метафору для обозначения мастерства актёров. А слово *о-хако* стало разговорной версией выражения 十八番. Оно произошло от японского слова *箱 (хако)*, которое означает «коробка». Изначально актёры *кабуки* хранили свои костюмы и реквизит в специальных коробках (*箱*), которые использовались для их «коронных номеров». С течением времени слово *о-хако* стало использоваться для обозначения мастерства или чего-то, что является «фирменным» или «любимым» номером человека, вне зависимости от его деятельности. А в письменной форме речи для графической фиксации этого слова стали использовать его более книжный синоним 十八番. Примеры:

① シーフードカレーは料理名人の彼女の十八番だ *Си:фу:до карэ: ва рё:ри мэйдзин но канодзё но о-хако да* – «Куриное карри с морепродуктами – коронное блюдо этой мастерицы кулинарии» [Составлено носителем языка];

② 彼のカラオケのレパートリーの十八番はマツケンサンバだ *Карэ но караокэ но рэпа:тори: но о-хако ва Мацукэн самба да* – «Коронный номер в его караоке-репертуаре – это

“Мацукэн самба”» [Составлено носителем языка].

Итак, благодаря своей графической форме некоторые сложные исконно японские слова попадают в категорию трёхсимвольных фразеологизмов. Иероглифическая графика, приобретённая исконно японскими фразеологизмами в письменной речи, придаёт им дополнительную выразительность, делает их визуальными знаками, сближает их функциональный потенциал с яркой экспрессией ПЗФК японского языка.

Заключение

На конкретных примерах мы показали богатство и разнообразие трёхсимвольных фразеологизмов современного японского языка. В генетически негомогенных ПЗФК протокитайские лексемы, интегрируясь с исконно японскими основами (корнями), вовлекаются в базовый словарный фонд японского языка, относящийся к лексике слоя *ваго*, являющейся основой устной коммуникации японцев. С другой стороны, трёхкомпонентные исконно японские сложные слова, прочно связанные с китайской иероглифической графикой, объединяются с протокитайскими фразеологизмами в общей категории трёхсимвольных фразеологизмов (三字熟語). Таким образом, генетически негомогенные ПЗФК и исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы благодаря иероглифической графике органически связываются в качестве компонентов единой лексической системы японского языка. И ПЗФК, и исконно японские трёхсимвольные фразеологизмы в процессе речевого функционирования естественно вовлекаются в состав устойчивых словосочетаний (修羅場に巻き込まれる *сюраба ни макикомарэру* – «быть втянутым в конфликт»; 高飛車に出る *такабия ни дэру* – «вести себя властно»; 風見鶏のように振る舞う *кадзамидори но ё: ни фурумау* – «вести себя как флюгер»), многие из которых приобретают идиоматическое значение и ещё более усложняют систему фразеологии современного японского языка.

В семантическом развитии трёхсимвольных фразеологизмов можно заметить немало универсальных явлений, сближающих фразеологию японского языка с фразеологией других языков, однако важные особенности фразеологии японского языка связаны с иероглифической графикой, а также с генетической связью многих японских фразеологизмов с книжными стилями классического китайского литературного языка, откуда яркие и экспрессивные протокитайские выражения как бы извлекались и «вбрасывались» в реальную устную и письменную коммуникацию японского этноязыкового коллектива, превращаясь в протокитайские фразеологизмы, как было показано на примере генетически гомогенных ПЗФК. Многие ПЗФК современного японского языка тесно связаны с историей и культурой Китая [13]. В их структурной организации всё ещё заметны элементы (в первую очередь правила порядка) грамматики *вэньяня*, и они неразрывно связаны с китайской иероглифической графикой [5].

В отличие от исконно японской лексики, протокитайские фразеологизмы требуют от современных японцев активного владения китайской иероглифической письменностью, выходящей по своему корпусу далеко за пределы вводившихся иероглифических лимитов [6]. Неразрывная связь протокитайских фразеологизмов с иероглифической графикой ограничивает использование основного массива протокитайских фразеологизмов преимущественно письменной формой речи. Однако появление генетически негомогенных ПЗФК объективирует процесс вовлечения китаизмов в базовый фонд японского языка, пригодный и для устной ком-

муникации. С другой стороны, в трёхсимвольных исконно японских фразеологизмах, созданных в устной разговорной речи, важную роль играет их графическая (иероглифическая) форма, возникшая в письменной речи и дающая им дополнительные смыслы и коннотации.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. Учебное пособие. Москва: Флинта, 2014. 308 с.
2. Быкова С.А. Устойчивые словосочетания в современном японском языке. М.: Изд-во МГУ, 1985. 64 с.
3. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М.: Восточная книга, 2007. 368 с.
4. Гуревич Т.М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: Моногатари, 2011. 144 с.
5. Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.
6. Дыбовский А.С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136.
7. Каранетьяну А.М., Аошун Тань. Учебник классического китайского языка вэнь-янь. М.: Муравей, 2001. 383 с.
8. Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
10. Фролова О.П. Фразеология современного японского языка. Новосибирск: НГУ, 1979. 87 с.
11. Weblio 辞書 = Словарь Weblio. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) (дата обращения: 28.08.2024).
12. 9 月校長ブログ「弄花香滿衣」 = Сентябрьский блог директора: 「弄花香滿衣」 URL: <https://nittai-ebara.jp/7915.html> (дата обращения: 11.08.2024).
13. 故事成語一問一答 = Старые фразеологизмы: вопросы и ответы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48> (дата обращения: 10.10.2024).
14. KOTONOHA /ウェブ言葉に関する雑学・便利帳 = KOTONOHA. Веб-энциклопедия о словах и полезные заметки. URL: <https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/>. (accessed: 28.08.2024).
15. SPI 言語 二字熟語 140 選 = Синтетический инвентарь личности: язык. 140 специально отобранных двухсимвольных фразеологизмов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s> (дата обращения: 10.10.2024).
16. 三字熟語クイズ 総集編 = Викторина по трёхсимвольным фразеологизмам: итоговый сборник. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjbRhc> (дата обращения: 10.10.2024).
17. 住友生命 創作四字熟語 = Sumitomo Life / Создание четырёхсимвольных идиом. URL: <https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu> (дата обращения: 29.08.2024).

18. 中納言コーパス検索アプリケーション = Корпус японского языка «Тюнагон». Поисковое приложение. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (дата обращения: 29.08.2024).
19. のびる国語・四字熟語 角川漫画学習シリーズ 監修: 京都学芸大学准教授細川太輔 東京: 角川 = Совершенствуемся в японском языке: Четырёхкомпонентные фразеологизмы / Серия учебных манга издательства Кадокава // Под редакцией доцента Дайсукэ Хо-сокава / Киотский университет педагогики. Токио: Кадокава, 2019. 226 p.
みなぎの通信 = Минанги: новости. URL: <https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179> (дата обращения: 29.08.2024).

References

1. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Foundations of Phraseology: A Short Course. Textbook. Moscow: Flinta Publ., 2014. 308 p. (In Russ.).
2. Bykova S.A. Stable Phrases in Modern Japanese. Moscow: Moscow State University Publ., 1985. 64 p. (In Russ.).
3. Vetrov P.P. Phraseology of Modern Chinese: Syntax and Stylistics. Moscow: Vostochnaya Kniga Publ., 2007. 368 p. (In Russ.).
4. Gurevich T.M. Japanese Russian Educational Dictionary of Yojijukugo. Moscow: Monogatari, 2011. 144 p. (In Russ.).
5. Dybovsky A.S. Elements of Chinese Grammar in Modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal*. 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).
6. Dybovsky A.S. The Japanese Language as an Arena of Civilizational Clash. *Far Eastern Philological Journal*. 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.).
7. Karapetyants A.M., Aoshunan Tan. Textbook of Classical Chinese Language (Wenyan). Moscow: Muravei Publ., 2001. 383 p. (In Russ.).
8. Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors We Live By*. Translated from English. Edited and with a foreword by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.).
9. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: School of "Languages of Russian Culture", 1996. 287 p. (In Russ.).
10. Frolova O.P. Phraseology of Modern Japanese. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 1979. 87 p. (In Russ.).
11. Weblio Dictionary. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
12. September Principal's Blog "Rōka-kōman'i". URL: <https://nittai-ebara.jp/7915.html> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
13. Old Idioms: Questions and Answers. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OwPQaGMnp48> (accessed: 10.10.2024).
14. KOTONOHA / Web Knowledge and Convenience Book on Words. URL: <https://kotonohaweb.net/5-kanji-jyukugo/2/> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
15. Synthetic Personality Inventory: Language. 140 Selected Two-Character Idioms. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s> (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).
16. Quiz on Three-Character Idioms: Final Compilation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0uobwwjBRhc> (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).
17. Sumitomo Life, Creative Four-Character Idioms. URL: <https://cam.sumitomolife.co.jp/jukugo/yusyu.html#Yushu> (accessed: 29.08.2024). (In Jap.).

18. Chunagon Corpus Search Application = Japanese Language Corpus "Chunagon". Search Application. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
19. Nobiru Kokugo. Yojjukugo. Kadokawa Manga Learning Series. Supervised by Associate Professor Daisuke Hosokawa, Kyoto University of Education. Tokyo: Kadokawa Publ., 2019. 226 p.
20. Minangi News. URL: <https://dmzcms.hyogo-c.ed.jp/yokawa-hs/NC3/wysiwyg/file/download/1/179> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 09.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.11.2024

Принята к публикации / Accepted 27.11.2024

Научная статья

УДК 811.531

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/103-111>

Пейоративная коннотация личности в корейской идиоматике

Валентина Александровна Тихоненко

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения,
tikhonenko.va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических особенностей корейских идиом, выражающих пейоративность как эмоционально-оценочную негативную характеристику личности в современном корейском языке. В корейской идиоматике отрицательную оценку получает человек, отличающийся глупостью и несообразительностью, грубостью и хамством, беспринципностью и корыстью, упрямством, болтливостью и т.п. Идиомы рассматриваемой семантической группы, как правило, относятся к неформальной речи корейского языка и в значительной степени имеют обличительный характер. Научная новизна исследования заключается в выявлении пейоративной составляющей корейской идиоматики, выражающей неодобрение человеческих поступков или манеры поведения, которые отклоняются от конвенциональных норм национальной корейской культуры, что позволяет глубже понять механизмы формирования отрицательной оценки в корейском языке.

Ключевые слова: корейские идиомы, пейоративная коннотация, эмоционально-оценочная характеристика, менталитет

Для цитирования: Тихоненко В.А. Пейоративная коннотация личности в корейской идиоматике // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 103–111.

Original article

The pejorative connotation of personality in Korean idiomatics

Valentina A. Tikhonenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Korean Studies Department,
bondareva.ev@dvfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantic features of Korean idioms that express the pejorativeness as an emotionally evaluative negative characteristic of personality in the

modern Korean language. In Korean idiomatics, a negative assessment is given to a person, who is distinguished by stupidity and incompetence, rudeness and insolence, unscrupulousness and greed, stubbornness, talkativeness, etc. Idioms of the semantic group in question, as a rule, relate to the informal speech of the Korean language and are largely accusatory in nature. The scientific novelty of the study lies in the identification of the pejorative component of Korean idiomatics, expressing disapproval of human actions or behaviors that deviate from the conventional norms of national Korean culture, which allows a deeper understanding of the mechanisms of formation of a negative assessment in the Korean language.

Key words: Korean idioms, pejorative connotation, emotionally evaluative characteristic, mentality

For citation: Tikhonenko V.A. The pejorative connotation of personality in Korean idiomatics. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 103–111. (In Russ.).

Любой язык, как универсальное средство хранения и передачи культурного наследия, способен отображать окружающую действительность посредством всех своих разнообразных средств выражения. Одними из ключевых компонентов многообразия языковых средств являются фразеология, идиоматика и паремиология. Основой для возникновения фразеологизмов, идиом (подвида фразеологизмов, так называемых «фразеологических сращений» [2]) и паремий (поговорок и пословиц) часто становится эмоциональная реакция человека на внешние стереотипные ситуации. О значимости эмоций в организации поведения и формировании новых языковых форм писал психолог Ян Рейковский: «Возникновение эмоционального процесса приводит к формированию новых форм реагирования» [7, с. 131]. Примечательно, что эмоциональные реакции не только способствуют созданию новых фразеологизмов, идиом и паремий, но и их интеграции в лексическую систему языка. Кроме того, реакции определяют функциональную нагрузку устойчивых образных выражений в языке, что позволяет, в частности, идиомам эффективно передавать сложные социальные и культурные контексты.

Идиоматика, как часть образной лексической составляющей, часто предполагает эмоционально-экспрессивную окрашенность предмета речи в пейоративной оценке. Под пейоративностью понимается свойство неодобрительного, уничижительного, обладающего коннотацией, которая в некоторой степени отклоняется от эталона или нормы. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой можно найти следующее определение слова «пейоративный»: 1) «Обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией»; 2) «Сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию» [1, с. 87]. Семантическое поле пейоративной оценки структурируется с учетом характера и степени отклонения оценочного слова или фразы от конвенциональной нормы в сторону абсолютного оценочного предиката «плохо». О динамичности языка в отражении социальных реалий и о том, что именно пейоративные выражения становятся инструментом для критики и осуждения в общественном дискурсе, писал В.М. Макиенко: «Народный язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные качества людей и целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни языки относятся более спокойно: ведь это норма, обыденность» [3, с. 72]. Действительно, такая динамика отражает не только особенности языковой системы, но и глубинные социальные процессы. Пейоративность в идиомах репрезентирует общественное мнение и культурные стереотипы, фиксируя социальные

нормы, предвзятые взгляды и негативные оценки различных аспектов жизни человека. Таким образом, язык не просто отражает реальность, но активно участвует в ее формировании через эмоционально окрашенные оценки.

К настоящему времени количество корейских идиом с пейоративной коннотацией личности возрастает. Источником пейоративности является сам человек со всеми его слабостями, недостатками и противоречиями, которые становятся предметом общественного осуждения в Корее. Связано это с изменениями в современном корейском обществе, где акцент на негативные качества и поведение отдельных личностей становится все более заметным и является частью общественного дискурса. Увеличение социальной конкуренции в различных сферах жизни, таких как образование, работа и социальный статус, приводит к усилению критики в адрес тех, кто не соответствует общепринятым в Корее стандартам. В результате наблюдается активное использование пейоративных образных устойчивых выражений (идиом) для обозначения глупцов, болтунов, хамов, выскочек и т.д.

Крайне неодобрительную характеристику личности в языковой картине мира корейского народа получают такие качества человека, как лень и упрямство. Эти черты воспринимаются корейцами как препятствие на пути к личному и социальному успеху, что отражает высокие культурные ценности, связанные с трудолюбием и стремлением к саморазвитию. Небрежный подход к работе для корейцев, как правило, неприемлем. В условиях высокой конкуренции и ожиданий от общества небрежность в выполнении обязанностей рассматривается ими как проявление лени и отражается в следующей идиоме:

– **처삼촌 대에 벌초하듯이** (букв.: Он работает так, как будто убирает траву на могиле дяди своей жены).

В. пер. на рус.: *Работать спустя рукава.*

Важность этой идиомы становится особенно очевидной в свете конфуцианских традиций, которые подчеркивают необходимость уважительного отношения к предкам и тщательного выполнения обязанностей, связанных с их почитанием. Уход за могилами предков, особенно во время праздников, таких как Хансик¹ (한식), считается священным долгом. В этот день семьи собираются, чтобы привести в порядок могилы, подстригая траву и убирая мусор [4]. При этом могилы дальних родственников со стороны жены часто убираются последними. Так, например, могилу какого-нибудь дальнего родственника жены, например дяди, будут убирать в последнюю очередь, после того как завершат уход за могилами кровных родных и предков. Поэтому работника, исполняющего обязанности нехотя, формально, спустя рукава, корейцы с насмешкой часто сравнивают с человеком, убирающим могилу дяди жены.

Метафоричность недостатка усердия в работе отражает глубокие культурные и моральные нормы корейского общества. Работая спустя рукава, человек демонстрирует не только пренебрежение к своим обязанностям, но и игнорирование культурных ценностей, которые требуют усердия и ответственности.

¹ Хансик (한식) – традиционный корейский праздник, день поминовения усопших предков. Хансик приходится на 105-й день после зимнего солнцестояния, на 5 апреля, а в високосный год выпадает на 4 апреля. Дата условная и во многом зависит от климатических особенностей местности. В день Хансик родственники и близкие убирают могилы, приводят в порядок территорию, приносят с собой еду и водку, чтобы отдать дань уважения усопшим // [https://namu.wiki/w/%ED%95%9C%EC%8B%9D\(%EB%AA%85%EC%A0%88\)](https://namu.wiki/w/%ED%95%9C%EC%8B%9D(%EB%AA%85%EC%A0%88)).

Примечательно, что небрежность в работе может проявляться не только формальностью выполняемых обязанностей, но и отсутствием гибкости в подходе к решению задач, не учитывая разумные аргументы, даже в абсурдных ситуациях. Непреклонность и упрямство человека часто связаны с его нежеланием принимать конструктивную критику или адаптироваться к новым условиям. Неготовность менять свои взгляды при получении новой информации и негибкость мышления – это ключевые характеристики когнитивной ригидности. Под когнитивной ригидностью понимается «стереотипность мыслей, совокупность привычек решать однотипные задачи стандартным способом» [6, с. 322]. Этот феномен проявляется в том, что человек упорно придерживается своих прежних убеждений, даже когда представляются убедительные доказательства их несостоятельности. Люди с такой чертой часто оказываются в ситуации, когда их упрямство мешает находить компромиссы и строить продуктивные отношения с окружающими. В Корее такая черта характера может привести к серьезным последствиям как в личной жизни, так и на рабочем месте, где сотрудничество и умение идти на уступки играют ключевую роль. Упрямство и склонность человека к когнитивной ригидности могут восприниматься в коллективе как признак неуважения не только к самим обязанностям на работе, но и к команде, с которой работает этот человек, приводить к конфликтам и недопониманию, что особенно остро воспринимается в корейском обществе, где ценятся гармония и сотрудничество.

Корейская идиома «**옹고집**» служит напоминанием о необходимости гибкости мышления и открытости к новым идеям, что является важным аспектом успешной интеграции в корейское общество.

– **옹고집** (букв.: Мистер Онг Ко Чип).

В. пер. на рус.: *Ослиное упрямство*.

В основе данной идиомы лежит народная история о человеке по имени Онг Ко Чип, который проявлял жестокость и неуважение к окружающим, включая свою больную мать. Его упрямство и неразумность в стремлении добиваться своего привели к конфликтам и негативным последствиям, когда он отказался принимать помощь и игнорировал мнения других. В современной Корее имя Онг Ко Чип стало нарицательным. В корейской лингвокультуре «Онг Ко Чип» используется как метафора для обозначения людей, демонстрирующих упрямство и неспособность меняться, учитывать мнения окружающих. Эта идиома иллюстрирует, как упрямство может приводить к негативным последствиям, препятствуя личностному развитию и нарушая гармонию в межличностных отношениях.

Пейоративную оценку мыслительной деятельности и интеллектуальным характеристикам человека, его поведению, которое не соответствует общепринятым нормам в корейском обществе, его излишней болтливости и хвастовству своих мнимых достижений отражают корейские идиомы, репрезентирующие концепт «глупость». Семантическая структура данного концепта включает признаки, указывающие на такие отрицательные качества личности, как несообразительность, невежество и недалекость. Так, например, крайне глупого, не соображающего и не желающего развиваться человека в Корее называют **얼간이**:

– **얼간이** (букв.: Пресное блюдо).

В. пер. на рус.: *Болван*.

Можно предположить, что метафорическое значение пресного блюда ассоциируется с чем-то безвкусным и неинтересным, подчеркивая отсутствие глубины и умственной активности. В корейском обществе, где высоко ценятся умственные способности и стремление к раз-

витию, идиома «**얼간이**» символизирует невежество и отсутствие стремления к обучению и служит социальным осуждением тех, кто не проявляет должной ответственности за свое развитие и поведение.

Любопытно, что про человека, который очень долго вникает в суть дела, в Корее говорят, что он, как «позднее зажигание» (**형광등**):

– **형광등** (букв.: Флуоресцентная лампа).

В. пер. на рус.: *Позднее зажигание / Тормоз.*

Флуоресцентные лампы часто требуют времени для достижения полной яркости. Сравнение такой лампы с человеком указывает на его медлительность. Своей неспешностью такой человек напоминает свет в лампе, который мерцает несколько раз перед тем, как зажегся. Эта метафора подчеркивает не только медлительность человека в принятии решений и понимании ситуации, но и его неспособность быстро реагировать на изменения. В корейском обществе такая характеристика воспринимается отрицательно, поскольку высоко ценится умение быстро адаптироваться и принимать решения. Идиома «**형광등**» иллюстрирует культурные ожидания о том, каким должен быть «умный» и «эффективный» работник. В Корее в условиях высокой конкурентоспособности и стремительных изменений на рынке труда способность к быстрой адаптации становится ключевым фактором успеха. Работники, которые могут оперативно реагировать на новые вызовы и находить креативные решения, воспринимаются как более ценные и перспективные. Поэтому медлительность и нерасторопность могут стать серьезным препятствием для карьерного роста и профессионального развития.

Для репрезентации несообразительности используется идиома «**속맥**», что в буквальном переводе означает «бобы и ячмень», образно в значении – легко различимые вещи. Эта идиома указывает на человека, который не способен различать очевидное, для него и бобы, и ячмень – одно и то же:

– **속맥** (菽麥) (букв.: Бобы и ячмень).

В. пер. на рус.: *Бестолочь / Недотепа.*

Идиома указывает на неспособность человека сложить представления о чем-либо, как бы он ни старался. Примечательно, что в Корее данную идиому, в ее широком контексте применения, нередко можно услышать в отношении мужчин, которые неуклюже ведут себя с женщинами: **속맥처럼 행동** (ведет себя, как недотепа).

В корейском обществе также не одобряют пустую болтовню, лишённую смысла и содержания. Бессмысленная болтовня рассматривается корейцами как признак невоспитанности и неуважения к собеседнику, а болтовня о мнимых достижениях, хвастовство и преувеличение считаются неприемлемыми качествами для человека, стремящегося к уважению и признанию в деловых кругах.

В отношении людей, склонных к пустой болтовне и хвастовству своих мнимых достижений, есть корейская идиома «**허풍선이**» или «**허풍쟁이**»:

– **허풍선이 / 허풍쟁이** (Букв.: Хвастун (Пустомеля)).

В. пер. на рус.: *Балабол / Трещач / Пустозвон и т.п.*

Данная идиома несет в себе негативную коннотацию и используется для критики людей, которые любят много говорить о своих мнимых достижениях, но на деле не способны их

подтвердить. В корейской культуре, где ценятся скромность и сдержанность, идиома «허풍선이» (허풍쟁이) используется для осуждения подобного поведения и подчеркивает, что склонный к пустословию человек не заслуживает доверия. Идиома эксплицирует важность содержательности в общении и служит напоминанием о том, что истинная ценность человека определяется не словами, а действиями и поступками.

В Корее высоко ценятся уважение и гармония в межличностных отношениях, которые регулируются традиционными нормами и культурными ценностями. Эти отношения основаны на конфуцианских принципах, где важную роль играют иерархия и почтение к старшим. В корейском обществе принято следовать правилам, определяющим взаимодействие с людьми в зависимости от их возраста и социального статуса. Проявление неуважения или фамильярности к старшим считается неприемлемым, а грубость и хамство воспринимаются крайне негативно. Ярким примером культурных норм, связанных с молодостью и незрелостью, может служить следующая идиома:

– **머리에 피도 안 마르다** (букв.: Даже кожа на твоей голове еще не высохла).

В. пер. на рус.: *Молоко на губах не обсохло* (разг. *Молокосос*¹).

Идиома указывает на то, что человек слишком молод или неопытен для определенных действий или форм поведения, особенно в отношении старших. Идиома отражает не только личные качества незрелого человека, но и социальные ожидания, связанные с его поведением. Примечательно, что в современном корейском обществе данная идиома может использоваться и в шутовском контексте среди друзей.

Для репрезентации грубости и хамства в межличностных отношениях может служить идиома «**망나니**»:

– **망나니** (букв.: Палач).

В. пер. на рус.: *Хам / Грубиян / Дикарь*.

В древние времена в Корее **망나니** называли палача. Как правило, палачом становились люди низшего сословия, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь. Перед тем как отрубить голову человеку, палач исполнял ритуальный танец: громко топал вокруг жертвы, размахивая огромным, изогнутым мечом, и прыскал воду на сверкающее лезвие.

Метафорическое сравнение хама / грубияна с палачом эксплицирует пренебрежение к основополагающим принципам межличностного взаимодействия в Корее. Игнорирование социальной иерархии, проявление грубости и хамства воспринимаются корейцами крайне остро, особенно в больших корпорациях, где вместе работают люди разного статуса и возраста.

Примечательно, что в настоящее время **망나니** корейцы называют не только грубияна или хама в отношении коллег или сослуживцев, но и в особенности тех, кто плохо обращается со своими родителями.

Отрицательные душевные качества человека, такие как злобность, жестокость, бессердечие, выражаются идиомой **물귀신**:

– **물귀신** (букв.: Водный демон).

¹ В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «молокосос» трактуется как разговорная, пренебрежительная форма, обозначающая молодого человека или подростка, который не достиг зрелости, и часто ассоциируется с незрелым поведением.

В. пер. на рус.: *Мерзкий тип / Еще тот черт.*

В корейской мифологии водный демон представляет собой злое и агрессивное водяное существо: он утягивал пловцов на дно и отпускал их, позволяя барахтающейся жертве выплыть к берегу. При этом, как только жертва выплывала, водный демон снова затягивал ее к себе ради забавы. Водяной «играл» до тех пор, пока человек не выбьется из сил и не утонет. Метафоричность водного демона ассоциируется с образами, связанными с опасностью и разрушением, что усиливает восприятие человека с такими качествами, как непредсказуемость, манипулятивность и жестокость. Таких злобных, опасных и непредсказуемых людей в Корее называют **물귀신**.

О пронырливом и хитром человеке, который не упустит ни малейшей возможности и способен извлечь выгоду даже из самых незначительных обстоятельств, в Корее образно говорят «**벼룩의 간도 빼먹을 사람**», что буквально означает – человек, который может из блохи вытащить печень и съесть. Эта идиома подчеркивает крайний уровень хитрости и изворотливости, присущих такому человеку.

– **벼룩의 간도 빼먹을 사람** (букв.: Он может из блохи вытащить печень и съесть).

В. пер. на рус.: *Лихой пройдоха.*

Любопытно, что печень в корейской культуре символизирует смелость и жизнеспособность. В корейских мифах печень часто рассматривается как жизненно важный орган, который злые духи поедают у своих жертв. Очевидно, что способность «вытащить печень из блохи» становится не только метафорой хитрости, но и отражает моральные аспекты, связанные с эгоизмом и цинизмом. Данная идиома служит ярким примером того, как язык может передавать сложные культурные идеи и представления о морали через образные выражения.

Беспринципность и корысть также находят свою негативную коннотацию в следующей идиоме:

– ‘**간에 붙었다. 쓸개에 붙었다**’ 한다 (букв.: Говорит, что он то к печени прилип, то к желчному пузырю).

В. пер. на рус.: *Переобуться на ходу (в воздухе) / Флюгер.*

Данная идиома акцентирует внимание на изменчивом характере человека, который легко меняет свои убеждения или поведение в зависимости от ситуации и готов прильнуть то к одним сторонникам, то к другим, переобуваясь на ходу. Это создает образ флюгера – человека, который не имеет устойчивых принципов и подстраивается под любые условия ради собственной выгоды.

Таким образом, спектр корейских идиом, репрезентирующих пейоративную коннотацию личности, обширен и разнообразен, что объясняется экспрессивной реакцией людей на негативные явления. Идиомы с пейоративной составляющей, как правило, становятся частью повседневной речи и помогают формировать общественное мнение о тех или иных типах поведения. Кроме того, разнообразие таких идиом свидетельствует о богатстве языка и его способности адаптироваться к изменениям в обществе. Это также указывает на важность контекста: в разных ситуациях одни и те же идиомы могут приобретать различные оттенки значений, что делает их особенно выразительными и многозначными.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. Москва: КомКнига, 2007. 571 с.
2. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С.140–161.
3. *Мокиенко В.М.* Вглубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб., 2005. 256 с.
4. Национальный корейский праздник Хансик. URL: [한식\(명절\) - 나무위키 \(namu.wiki\)](https://namu.wiki/w/한식(명절)) (дата обращения 12.10.2024).
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание]. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2015. 1375 с.
6. *Певнеев А.Н.* Регидность в структуре личности: история вопроса и проблема исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 2. С. 320–337.
7. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. 391 с.
8. *Тихоненко В.А., Менгсон И., Гайнуллина Е.Ю.* Корейские идиомы: изучаем и применяем: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2022. 122 с.
9. *Pyun Danielle O.* 500 Common Korean Idioms. New York: Routledge, 2018. 236 p.
10. *Jeyseon Lee, Youseon Lee.* Essential Korean Idioms. 300 Idioms to Upgrade Your Korean. Seoul Sellereshon. 2017. 200 p.
11. *Choe Gwonjin, Song Gyeongog.* Althoran Korean Dictionary for Intermediate and Advanced level [최권진, 송경옥. 알토란. 한국어 어휘: 중·고급], Seoul: Sotong, 2015. 408 p. (in Kor.).
12. *김선정.* 살아있는 한국어: 관용어. – 랭기지플러스, 2007. 256 쪽. *Kim Sunjung.* Live Korean: Idiom. Rangizi Plus Publ., 2007. 256 p.
13. *원은영.* 관용어와 속담으로 배우는 한국어. – 도서출판 참, 2017. 272 쪽. *Won Eunyoung.* Learn Korean with the help of idioms and proverbs. Pravda Publ., 2017. 272 p.

References

1. *Akhmanova O.S.* Dictionary of linguistic terms. 4th ed., erased. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 571 p. (In Russ.).
2. *Vinogradov V.V.* On the main types of phraseological units in the Russian language. *Selected works. Lexicology and lexicography.* Moscow, 1977. P. 140–161. (In Russ.).
3. *Mokienko V.M.* Deep into the proverb. Stories about the origin of winged words and figurative expressions. St. Petersburg, 2005. 256 p. (In Russ.).
4. The national Korean holiday Hansik. URL: [한식\(명절\) - 나무위키 \(namu.wiki\)](https://namu.wiki/w/한식(명절)) (accessed 12.10.2024). (In Kor.).
5. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of the Russian language: 100,000 words, terms and expressions. 28th ed., reprint. Moscow: Mir i Obrazovanie Publ., 2015. 1375 p. (In Russ.).
6. *Pevneev A.N.* Regidity in the structure of personality: the history of the issue and the problem of research. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics.* 2023. Vol. 20. No. 2. P. 320–337. (In Russ.).
7. *Reikovskiy Ya.* Experimental psychology of emotions. Moscow, 1979. 391 p. (In Russ.).

8. *Tikhonenko, V.A., Mengson I., Gainullina E.Yu.* Korean idioms: we study and apply: a textbook. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2022. 122 p. (In Russ.).
9. *Pyun Danielle O.* 500 Common Korean Idioms. New York: Routledge, 2018. 236 p. (In Kor-Engl).
10. *Jeyseon Lee, Youseon Lee.* Essential Korean Idioms. 300 Idioms to Upgrade Your Korean. Seoul Sellerchshon. 2017. 200 p. (In Kor-Engl).
11. *Choe Gwonjin, Song Gyeongog.* Althoran Korean dictionary for intermediate and advanced level, Seoul: Sotong, 2015. 408 p. (in Kor.).
12. *Kim Sunjung.* Live Korean: Idiom. Rangizi Plus, 2007. 256 p. (in Kor.).
13. *Won Eunyounng.* Learn Korean with the help of idioms and proverbs. Pravda Publ., 2017. 272 p. (in Kor.).

Статья поступила в редакцию / Received 06.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.11.2024

Принята к публикации / Accepted 12.11.2024

Научная статья

УДК 811.581

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/112-124>

О расширении сферы употребления обращения 老师 в современном китайском языке

Александр Николаевич Сбоев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения,

sboev.an@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>

Аннотация. В данной статье исследуется расширение сферы употребления обращения 老师 в современном китайском языке, описывается статус учителя в китайской культуре и история развития значения слова 老师. Обращение 老师 начало использоваться как уважительное по отношению к монахам в эпоху Тан, а затем сфера использования постепенно расширялась. Сейчас 老师 используется при обращении не только к преподавателям и сотрудникам в образовательных учреждениях, но и к работникам в других сферах передачи знаний и опыта. Причинами широкого использования данного обращения являются: принцип вежливости, широта значения слова, вариативность сочетания, соответствие принципам иерархии и эмоциональной связи, отсутствие других подходящих обращений, положительная окраска слова и исторические процессы.

Ключевые слова: обращение, 老师, статус, современный китайский язык

Для цитирования: Сбоев А.Н. О расширении сферы употребления обращения 老师 в современном китайском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 112–124.

Original article

On the expansion of the usage sphere of the address 老师 in modern Chinese

Aleksandr N. Sboev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chinese studies Department,

sboev.an@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>

Abstract. This article studies the expansion of the usage sphere of the address term 老师 (teacher) in modern Chinese, describes the status of teachers in Chinese culture and the historical development of the meaning of the word 老师. Address term 老师 began to be used as a respectful address to monks in the Tang Dynasty and gradually expanded its usage sphere. Nowadays, 老师 is applied not only to teachers and staff in educational institutions but also in other fields of knowledge and experience transfer. The reasons for its wide usage include the principle of politeness, the breadth of the word's meaning, the variability of combination, the correspondence to the principles of hierarchy and emotional connection, the lack of other suitable address terms, positive connotations, and historical processes.

Key words: address term, 老师, status, modern Chinese

For citation: Sboev A.N. On the expansion of the usage sphere of the address 老师 in modern Chinese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 112–124. (In Russ.).

Обращение является культурным символом в межличностном общении, это способ называть других в процессе коммуникации. Н.И. Формановская определяет обращение в коммуникативных процессах как «одну из частотных единиц общения, а именно адресации, несущую важнейшую контактоустанавливающую функцию» [9, с. 83].

Китайские лингвисты называют обращение одним из видов социальных указателей и делят обращение на родственные и социальные [13, с. 219]. У Шуай отмечает, что обращение отражает социальное положение, статус и роль участников коммуникаций [8, с. 853].

Способность правильно использовать обращения часто влияет на атмосферу общения и его эффективность, а также может определять успех или неудачу коммуникации. При выборе подходящего варианта обращения следует обращать внимание «не только на межличностные отношения, но и на особенности конкретной ситуации» [7, с. 489]. Обращения помогают создать особое коммуникативное пространство [1, с. 361], а вежливые и правильные обращения также могут расположить собеседника к себе [1, с. 363].

Целью исследования является изучение использования обращения 老师 в современном китайском языке. В настоящее время мы наблюдаем некоторое расширение сферы употребления указанного обращения, что закономерно вызывает большой интерес. Цель предопределила следующие **задачи**: описать сферы функционирования данного обращения и ограничения в его использовании, выявить причины широкого употребления данного обращения и проблемы, вызванные расширением сферы его употребления в современном китайском языке.

О статусе учителя в Китае

В Китае традиционное уважение к учителям передается из поколения в поколение, непрерывно поддерживается и продвигается при содействии ученых и политических деятелей на протяжении веков. Появление учителей соответствует потребностям социального развития. Уважительное отношение к учителю, как к носителю культурного наследия, вносит вклад в развитие многовековой цивилизации Китая [11, с. 83].

В китайской культуре и языке сохранено немало высказываний, отражающих высокий статус учителя. Например, во фразе 一日为师，终身为父 «тот, кто был мне учителем один день, становится отцом на всю жизнь» и в других подобных выражениях отражено восхищение личностными качествами, знаниями и способностями человека, называемого 老师 «учитель». Кроме того, в китайской традиции существует такое понятие, как 天地君亲师 «небо, земля, император, родители, учитель», которое как нельзя лучше подчеркивает степень возвышения статуса учителя.

По письменным памятникам можно с самых ранних времен, начиная с эпохи Чуньцю (Вёсен и осеней), проследить отношения между правителем и учителем. В книге «Го юй» (Речи царств) говорится: «Отцы рожают, учителя учат, правитель кормит [давая жалованье]. Без отца – не родиться, без пищи не вырасти, без учения не приобрести знаний» [2, с. 18].

В начале эпохи Восточной Хань в «Тайпин цзин» (Канон великого равновесия) впервые появляется фраза 天地君亲师 «небо, земля, император, родители, учитель», что приводит к формированию согласованного порядка между властью правителя и авторитетом учителя как в письменной, так и в устной традиции. Сравнение правителя и учителя подчеркивает авторитет учителя, а также придает ученикам чувство собственного превосходства как «учеников сына неба». Таким образом, связь между концепцией уважения к учителям и властью правителя становится очевидной, уважение к учителю основано на уважении к власти правителя [11, с. 84].

Еще одной важной причиной поддержки авторитета учителя властью является связь между учительским и родительским авторитетом, а также необходимость создания контекста единства семьи и государства. Таким образом, исторически власть правителя, родительская власть и авторитет учителя образовывали тесно взаимосвязанную и взаимозависимую структуру, что сделало концепцию уважения к учителям непоколебимой [11, с. 84].

О развитии значений слова 老师

Использование слова 老师 «учитель» началось в эпоху Тан (618–907 гг.) и применялось для уважительного обращения к монахам [11, с. 85].

В эпоху династии Цзинь (1115–1234 гг.) слово 老师 стало обозначать людей, передающих культуру и обучающих студентов. К временам династии Мин (1368–1644 гг.) 老师 стало уважительным обращением для учеников к главному экзаменатору (ученому, ответственному за экзамены в системе императорского экзамена, который, хотя и был государственным чиновником, не преподавал) [22, с. 38]. В этот период уже начали проявляться признаки расширения значения слова 老师.

Хэ Яньпин также отмечает, что слово 老师 упоминается в произведениях «Цзо чжуань» и «История династии Цзинь» для обозначения усталых солдат, долго находящихся в походе [14, с. 186].

В период Китайской республики (1912–1949 гг.) слово 先生 стало использоваться исключительно для обозначения людей, занимающихся обучением. После основания Китайской

Народной Республики слово 老师 постепенно заменило обращение 先生 и стало широко использоваться в начальных и средних школах [20, с. 81]. Однако в высших учебных заведениях студенты по-прежнему обычно называли преподавателей 先生. В середине 50-х годов, когда выпускники, получившие образование в новом Китае, стали ассистентами в университетах, студенты начали использовать обращение 老师 по отношению к этим молодым преподавателям, чтобы отличать их от старших преподавателей и профессоров. Обращение 先生 подразумевает уважение к опытным преподавателям, тогда как обращение 老师 подчеркивает близость [22, с. 37]. Таким образом, обращение 老师 стало постепенно популярным в университетах.

Что касается административных сотрудников учебных заведений, то к ним можно обращаться по должности, например, 王书记 «секретарь Ван» или 赵处长 «начальник отдела Чжао», а также называть их 老师 «учитель». Это свидетельствует о том, что слово 老师 стало общепринятым обращением для преподавателей и сотрудников в учебных заведениях. Однако следует отметить, что в отношении вспомогательного персонала, такого как повар в столовой, охранник и т.д., обычно не употребляют обращение 老师 [22, с. 37].

В издании 1996 года «Словаря современного китайского языка» слово 老师 определяется как «уважительное обращение к человеку, передающему культуру и умение. Обобщенно обозначает человека, у которого можно научиться чему-то в какой-либо области» [11, с. 85]. В четвертом издании (2002 г.) «Словаря современного китайского языка» слово 老师 определяется как «уважительное обращение к человеку, передающему культуру и умение». В шестом издании (2012 г.) слово 老师 рассматривается как «уважительное обращение к преподавателю, обобщенно обозначающее человека, передающего культуру или умение, или человека, у которого можно научиться чему-то в какой-либо области» [16, с. 84].

Таким образом, в разные исторические периоды слово 老师 имело следующие значения:

- 1) образованный и мудрый человек;
- 2) монах;
- 3) человек, передающий знания и навыки;
- 4) непосредственно относится к профессии учителя.

Сферы употребления обращения 老师

Итак, мы отмечаем, что обращение 老师 прямо указывает на профессию человека, по отношению к которому оно применяется, и называет тех, кто занимается преподаванием или тесно связан с этим. То есть слово 老师 начало обозначать всех, кто имеет отношение к образовательной сфере. Это проявляется в том, что слово 老师 используют как в обращении к преподавательскому составу учебного заведения, так и к административным сотрудникам; как к сотрудникам высших учебных заведений, так и начальных и средних школ, а также детских садов. Например, в детском саду все, кто имеет контакт с детьми, называются 老师, что повышает чувство безопасности у детей [11, с. 85].

Обращение 老师 в настоящее время стало использоваться не только в рамках образовательной сферы, но и в любой другой ситуации передачи навыков и опыта, где фактически

формируется отношение между обучающим и обучаемым. Во всех таких ситуациях обучаемый может уважительно называть своего наставника 老师. Обращение 老师 больше не является эксклюзивным для образовательной среды и используется в бизнесе, здравоохранении, сфере искусства и развлечений, а также в сфере услуг. Этот факт подтверждает ряд лингвистов в своих работах. Ли Яньцзюнь указывает, что в последние годы обращение 老师 стало часто использоваться в развлекательных программах, конкурсах, интервью и других контекстах [19, с. 205]. Ма Л., просматривая корпусы китайского языка, также обнаруживает, что «в современном китайском языке номинация 老师 (лаоши) в большинстве случаев относится к учителям в школах, но ее значение имеет тенденцию к обобщению, а значит, ее можно использовать для обозначения всех, у кого стоит учиться» [4, с. 177].

Однако Мао Хунфан замечает, что в ситуации общения сотрудников образовательного учреждения между собой коммуниканты придерживаются более конкретных обращений по должности и званию, реже используют универсальное обращение 老师, что больше соответствует правилам обращений в официальной среде. Например, 校长 «директор школы», 教授 «профессор» рассматриваются как уважительные обращения и символы статуса в учебных заведениях [20, с. 80].

Исследования феномена расширения сферы употребления слова 老师 в лингвистическом сообществе начались еще в 80-х годах прошлого века. В частности, в 1988 году Хуан Наньсун провел социологическое исследование в Пекине, которое показало, что на тот момент, помимо образовательной сферы, слово 老师 использовалось в сферах искусства, журналистики и телевидения. При этом наибольшая доля людей из художественной сферы называлась 老师, и, чем ближе человек находился к сфере искусства, тем чаще его называли 老师 [15, с. 111].

В настоящее время область употребления слова 老师 стала еще шире и выходит за рамки, обозначенные Хуан Наньсуном. Можно сказать, что любой, обладающий определенными культурными знаниями, может быть назван 老师.

Мы можем отметить несколько ситуаций, при которых сегодня члены коммуникации употребляют обращение 老师:

1. При общении представителей сферы образования. Выше мы уже отмечали, что обращение 老师 может быть употреблено в отношении как преподавателей, так и административных сотрудников учебных заведений. Кроме того, данное обращение может быть использовано и ко всем членам семьи учителя.

2. При общении представителей одной сферы деятельности молодые люди или люди с меньшим опытом используют обращение 老师 по отношению к более старшим или опытным коллегам. Кроме того, люди примерно одного возраста и уровня квалификации могут взаимно называть друг друга 老师. Например, некоторые начинающие работники в киноиндустрии могут называть режиссера 老师, а молодые врачи и медсестры, только что начавшие стажировку в больнице, обращаются к опытным врачам как 老师. Развитие новых отраслей требует от опытных и квалифицированных людей подготовки нового поколения специалистов. В этих

областях некоторые опытные и высококвалифицированные специалисты, передавая свой опыт и навыки новичкам, выполняют роль наставников и учителей, что приводит к широкому использованию обращения 老师 в этих сферах.

3. При общении представители разных областей, хотя между ними может не быть различий в возрасте или опыте, иногда также выбирают обращение 老师, чтобы выразить уважение к профессиональной деятельности и статусу собеседника, а иногда и для того, чтобы сблизиться друг с другом. Например, в некоторых ток-шоу и развлекательных телевизионных программах ведущие обычно называют приглашенных гостей 老师, зрители обращаются к ведущим и гостям как к 老师.

Как отмечает Цзи Инчао, хотя границы употребления обращения 老师 постепенно расширяются, тем не менее адресация этого обращения по-прежнему ограничивается кругом интеллигенции с высоким уровнем образованности и культуры, редко используется среди работников физического труда и других социальных слоев [16, с. 185].

Чэнь Хуэйминь в результате проведенного социологического опроса жителей г. Чунцина приходит к выводу, что к 老师 респонденты относят четыре категории профессий: государственные служащие/чиновники, специалисты (такие как врачи, юристы, журналисты, учителя и т.д.), менеджеры предприятий и обычные сотрудники (работники офисов и бизнес-центров) [10, с. 53]. Опрос также выявил, что в пяти ситуациях – при обращении в государственные учреждения, вызове такси, покупках в торговых центрах, покупке овощей на рынке и в ресторанах – использование обращения 老师 составляет 43,3%, 72%, 52%, 62% и 32% соответственно [10, с. 54]. Однако стоит отметить, что указанное исследование было проведено исключительно в г. Чунцине, и мы не можем утверждать, что такая ситуация характерна для всего Китая, возможно, это является региональной особенностью.

Из вышесказанного видно, что адресация обращения 老师 расширилась от ученых с глубокими знаниями до работников различных профессий, не относящихся к преподаванию, кроме того, описание характеристик того, кто может называться 老师, становится все более размытым: слово 老师 теряет четкие границы между уважительным обращением, названием сотрудников учебных заведений и обобщенным обращением ко всем, кто передает какие-то знания, что приводит к тому, что слово 老师 все шире применяется ко всем категориям занятых.

Причины широкого использования обращения 老师

Лингвисты, исследовавшие вопрос расширения значения и употребления слова 老师, выделяют разные причины такого явления. Ниже рассмотрим основные из них.

1. Удовлетворение принципа вежливости и уважения собеседника в общении.

В связи с традиционным представлением ценности знаний и необходимости уважения учителей, люди, передающие знания и навыки, занимают более высокое положение в обществе по сравнению с представителями других профессий, поэтому любой, кто обладает знаниями, навыками или опытом в какой-либо области, будет пользоваться уважением. Китайцы используют слово 老师, чтобы обратиться к тем, кого они считают заслуживающими уважения.

Называя кого-то 老师, говорящий проявляет уважение к собеседнику, а сам автоматически принимает на себя роль «ученика». В роли «ученика» можно удостоиться благосклонности «учителя», что является преимуществом обращения 老师, которого не имеют такие слова, как 先生 «господин» или 女生 «госпожа» [19, с. 205].

Цюй Вэйго и Чэнь Люфан отмечают, что, чем выше положение собеседника, тем больше уважения ему оказывается и, следовательно, тем более вежливым с ним нужно быть [21, с. 40]. Обращение 老师 соответствует принципам вежливости, так как оно показывает, что собеседник находится на высокой позиции и заслуживает уважения.

2. Широта значения слова 老师.

Широта значения слова 老师, о которой мы упоминали, ссылаясь на толкования в «Словаре современного китайского языка» разных годов издания, позволяет использовать это слово в качестве обращения в различных областях, оно сглаживает гендерные, возрастные и профессиональные ограничения. Любой человек, обладающий особыми или профессиональными навыками в определенной области, может быть уважительно назван 老师 младшими коллегами, таким образом говорящий может выразить свое уважение и восхищение, а также намерение сблизиться. С расширением значения это слово часто используется в таких областях, как кино, бизнес, развлечения и медицина, что демонстрирует гибкость его употребления.

В настоящее время сфера профессии учителя стала шире и разнообразнее, чем раньше. Например, профессор медицинского вуза может работать в больнице, проводить операции; ученый в научно-исследовательском институте может руководить аспирантами; известный актер может обучать молодых актеров; редактор журнала может помогать авторам редактировать их статьи и так далее. Все эти люди в той или иной степени занимаются обучением. Работа учителя больше не ограничивается только преподаванием в учебном заведении.

3. Вариативность сочетания.

Обращение 老师 обладает большой вариативностью при сочетании. Можно использовать комбинацию «фамилия + 老师» (王老师 «учитель Ван»), «имя + 老师» (诗阳老师 «учитель Шиян»), «фамилия + имя + 老师» (景鑫老师 «учитель Цзин Синь»), «название дисциплины + 老师» (数学老师 «учитель по математике»), при этом не теряется оттенок вежливости и уважения.

4. Одновременное соответствие принципам иерархии и эмоциональной связи.

Как отмечает У Шуай, принцип 贬己尊他 «понижение себя, уважение к другим» характерен для традиционной китайской культуры, и в повседневном общении люди всегда находят способы повысить статус другой стороны. Эта модель обращения призвана подчеркнуть иерархическую систему взаимоотношений [цит. по 6, с. 27]. Это также соответствует конфуцианской идее о том, что необходимо проявлять скромность и не выставлять свои таланты напоказ [19, с. 205].

В традиционных межличностных отношениях китайцев сформировались два основных принципа в обращениях: принцип иерархии и принцип эмоциональной связи [18, с. 77].

Принцип иерархии подразумевает выбор обращения в зависимости от статуса, возраста и положения, принцип эмоциональной связи подразумевает, что участники коммуникации должны находиться в кооперации и связи.

Зачастую в процессе коммуникации акцент на принципе иерархии затрудняет учет принципа эмоциональной связи, и наоборот, акцент на принципе эмоциональной связи часто игнорирует принцип иерархии. Противоречие между двумя принципами часто невозможно разрешить, тогда как идеальная цель общения заключается в их единстве. Называя собеседника 老师, говорящий поднимает его статус и несколько понижает свой собственный, создавая расстояние в социальном статусе между сторонами. С другой стороны, такое обращение помещает отношения сторон в более непринужденную и близкую обстановку, неявно сближая их друг с другом и облегчая эмоциональное взаимодействие. Обращение 老师 не так четко отдаляет собеседников в социальной иерархии, как обращения по должности, например, 局长 «глава управления», 处长 «начальник отдела», но и не так сближает, как родственные обращения, например, 叔叔 «дядя», 阿姨 «тетя» [22, с. 39]. Такое одновременное «отдаление» и «сближение» позволяет сочетать принцип иерархии и эмоциональной связи, делая общение приятным и уместным для обеих сторон.

5. Отсутствие других подходящих обращений.

С развитием общества возникло множество новых слоев и профессий, социальные роли постоянно изменяются, а сфера общения людей постепенно расширяется. Появляются новые профессии, такие как бьюти-блогеры, тестировщики отелей, еды и другие. При коммуникации возникают ситуации, когда трудно определить, как назвать собеседника.

Изменение и обновление способов и путей взаимоотношения между людьми приводит к нехватке подходящих обращений среди уже имеющихся и отсутствию новых, способных восполнить недостаток необходимых слов, люди «изменяют первоначальное значение уже имеющихся обращений или используют их в ином ключе» [6, с. 31]. К примеру, в китайском обществе люди обычно обращаются к женам учителей или наставников с уважением, называя их 师母. Однако если учитель или наставник – женщина, то подходящего обращения к ее супругу не существует. Почти никогда не услышишь, чтобы кто-то называл мужа женщины-учителя или женщины-наставника 师父, хотя 父 является антонимом к 母. В такой ситуации как раз будет уместно назвать супруга учителя 老师. Это, безусловно, связано с различиями в статусе мужчин и женщин в традиционных представлениях, с социальной и культурной традицией Китая, так как в прошлом учителями и наставниками были только мужчины, тогда как женщины могли заниматься только домашними делами [12, с. 126]. Здесь явно наблюдается явление недостатка обращений.

Одной из новых сфер, где стало использоваться обращение 老师, является интернет-торговля. В последние годы важной причиной быстрого расширения и привлечения людей к механизмам сетевого маркетинга является то, что внутренняя структура продаж организована в виде сетевой модели, которая связывает потребителей и одновременно превращает их в продавцов. Каждый продавец пытается привлечь покупателей, называя себя 老师, что позволяет повысить его авторитет и доверие, тем самым способствуя увеличению объема продаж и успешному завершению сделок [11, с. 85].

Ведущие прямых эфиров по продажам разных товаров в различных социальных сетях называют себя 老师, повышая свой статус. Зрители таких эфиров также обращаются к ведущему 老师. Популярность такой номинации возросла с начала эпидемии COVID-19. Как утверждает Ма Л., эта номинация используется для шуточного обращения к учителю с момента начала эпидемии COVID-19, когда преподавание в школе стало дистанционным, такой образ обучения был очень похож на онлайн-трансляции, поэтому учителей стали называть 主播 «ведущий прямого эфира» [3, с. 51].

Когда старые социальные обозначения не могут справиться с требованиями и потребностями развития общества, расширяется их сфера употребления, таким образом заполняя пробелы в социальных обращениях. Хэ Яньпин отмечает, что для упрощения общения и проявления уважения к собеседнику обычно временно выбирается одно из уже существующих обращений для использования в переходный период. И обращение 老师 как раз стало результатом такого выбора в этот переходный период [14, с. 186].

6. Положительная окраска.

Ма Л. указывает, что лингвокультурный типаж 老师 в качестве идеализированного образа присутствует в общественном сознании и оценивается преимущественно положительно [5, с. 226]. Обращение 老师 не только подразумевает уважение к собеседнику, но и предполагает наличие у того глубоких знаний в определенной сфере, данное слово имеет явную положительную эмоциональную окраску, которой нет у многих других обращений, например 校长 «ректор», 阿姨 «тетя» и другие.

7. Исторические процессы.

Ли Минцзе объясняет изменения в использовании универсальных обращений с точки зрения социального фона трансформации общества, указывая на то, что изменения в универсальных обращениях отражают ценности общества в переходный период [17, с. 83].

Цзи Инчао отмечает, что в Китае с начала 80-х годов прошлого века общественная жизнь сместилась с политического центра на экономическое строительство, что привело к значительным изменениям в ценностных ориентирах людей. В обществе возникла общая тенденция к дистанцированию от политики, в коннотации слова 老师 отсутствует чрезмерная формальность или строгость, а также политическая окраска, присущая таким словам, как 同志 «товарищ». Это сделало замену обращения 同志 на 老师 неизбежной [16, с. 185].

Ян Цин и Ван Э добавляют, что после культурной революции с возрождением научной и культурной деятельности, идея «знание – это сила» стала признанной в обществе. Интеллигенция стала пользоваться все большим уважением, и обращение 老师 благодаря своему уникальному «интеллигентному» семантическому ядру стало любимым у большинства людей, и область его употребления продолжает расширяться [22, с. 39].

Таким образом социальные и политические процессы, происходившие в Китае, также способствовали расширению сферы употребления слова 老师.

Ограничения в использовании обращения 老师

Как мы отмечали ранее, обращение 老师 используют молодые или менее опытные люди при общении со старшими или более опытными, то есть использование обращения 老师 ограничивается возрастом или статусом сторон общения. Однако стоит отметить, что в некоторых ситуациях, когда собеседники относятся к разным профессиональным сферам, но между ними отсутствует разница в возрасте или в уровне квалификации, они также могут использовать это обращение, так они выразят уважение или сократят психологическую дистанцию.

Использование обращения 老师 также ограничено сферами: в основном оно употребляется представителями сферы культуры и образования.

Расширение сферы использования слова 老师 влечет за собой некоторые проблемы: поскольку частота использования обращения 老师 становится все выше, а сферы его применения постоянно расширяются, есть риск, что изначально заложенные в этом слове значения (наличие знаний в определенной сфере, профессионализм и высокие моральные качества) потеряют свою значимость, что «приведет к снижению его ценности» [23, с. 156].

Хэ Яньпин отмечает, что учителем должен быть человек с глубокими знаниями в определенной области, не каждый может считаться учителем. Хотя значение данного слова менялось в разные исторические периоды, в целом это обращение всегда было уважительным и вызывало чувство почтения. Однако расширение сферы употребления данного обращения и применение его в настоящее время по отношению к «артистам», не заслуживающим и не ассоциирующимся с 老师, по мнению лингвиста, «явно демонстрирует, что многие молодые люди стремятся к бесполезным вещам, проявляют слепое поклонение» и стирают заложенные в слово 老师 смыслы [14, с. 186].

Расширение сферы употребления слова 老师 может затруднить определение границ профессии учителя, привести к игнорированию специфики и требований к профессии, а также моральной миссии учителя. Если слишком много людей называют себя 老师, то трудно определить, кто из них является истинным.

Заключение

С течением времени значение слова 老师 прошло путь от обозначения образованного и мудрого человека, монаха, учителя в учебных заведениях до человека, передающего знания и умения. В настоящее время слово 老师 как социальное обращение в некоторых ситуациях адресуется даже тем лицам, которые не являются учителями по профессии. Так, данное обращение может быть адресовано тем, кто обладает знаниями и навыками, тем, кто передает их, экспертам или авторитетным фигурам в какой-либо области, в том числе и за пределами образовательной сферы, поскольку обладание знаниями и навыками в любой сфере может быть интерпретировано как принадлежность к высоко квалифицированным кадрам, а значит, к людям, достойным уважения и подражания.

Причинами широкого использования обращения 老师 являются: необходимость придерживаться в общении принципа вежливости и проявления уважения к собеседнику, широта лексического значения слова, высокая вариативность сочетания, одновременное соответствие обращения принципам иерархии и эмоциональной связи, отсутствие других подходящих обращений и необходимость компенсации недостаточности в социальных обозначениях, положительная окраска слова, определенные исторические процессы.

В то же время такое расширение сфер употребления слова 老师 может привести к игнорированию уникальности профессии учителя и миссии, которую несут педагоги.

Список литературы

1. Глушкова С. Ю. «Обращение» как средство выражения вежливости в английском и китайском языках // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 361–363.
2. Го юй: (Речи царств) / АН СССР, Ин-т востоковедения; Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. Отв. ред. М.В. Крюков. М.: Наука, 1987. 471 с.
3. Ма Л. Номинативное поле лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 8(876). С. 47–52. DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_8_876_47
4. Ма Л. Репрезентация лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6-2. С. 176–180. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.6-2.24>
5. Ма Л. Стереотипное представление о «老师» («учителе») в современном китайском коммуникативно-массовом сознании // Казанская наука. 2024. № 1. С. 225–229.
6. Сбоев А. Н. Обращения в китаеязычной интернет-коммуникации // Современные востоковедческие исследования. 2023. Том 5. № 3. С. 23–39. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39>
7. Терских Т.Ф., Мяс С. Специфика обращений в китайском языке // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 2. С. 488–490.
8. У Ш. Лингвокультурологическая характеристика обращений в русском и китайском языках // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 3. С. 853–858.
9. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Речевое общение. 2000. № 3(11). С. 83–88.
10. 陈慧敏. 重庆话中“老师”称谓泛化的现象及其原因 // 重庆第二师范学院学报. 2020. 第 33 卷第 05 期. 第 52–56 页.
11. 陈诗, 李旭, 蒋慧敏. “老师”称谓泛化源流考及其发展走向探究 // 阜阳职业技术学院学报. 2021. 第 32 卷第 01 期. 第 83–86+101 页.
12. 崔蕾, 刘央. 由“美女”的泛化引发的称谓“缺位现象”思考 // 青年文学家. 2012. 11. 第 126 页
13. 郭沫. 称谓语“老师”泛化现象的语用学研究 // 科技信息. 2013. 第 06 期. 第 219–220 页.
14. 何艳萍. 浅论“老师”称谓的源流及泛化 // 才智. 2011. 28. 第 186 页.
15. 黄南松. 非教师称“老师”的社会调查 // 语言教学与研究. 1988. 第 4 期. 第 103–112 页.

16. 季颖超. 从社会语言学角度浅析“老师”称谓的泛化现象及原因 // 赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版). 2016. 第37卷第08期. 第184–185页. DOI: <https://doi.org/10.13398/j.cnki.issn1673-2596.2016.08.074>
17. 李明洁. 泛尊称选用在社会转型背景下的解释——上海泛尊称使用状况的社会调查报告 // 语言文字应用. 1996. 第4期. 第83页.
18. 李树新. 论汉语称谓的两大原则 // 内蒙古大学学报(人文社会科学版). 2004. 第36卷第05期. 第77–82页. DOI: <https://doi.org/10.13484/j.cnki.ndxbzsb.2004.05.015>
19. 李艳军. “老师”称谓泛化的儒学观照 // 才智. 2018. 31. 第205页.
20. 毛红芳. “老师”称谓泛化与教师专业化的道德性反思 // 教育科学研究. 2018. 07. 第80–86页.
21. 曲卫国, 陈流芳. 论传统的中国礼貌原则 // 学术月刊. 1999. 第07期. 第33–41页. DOI: <https://doi.org/10.19862/j.cnki.xsyk.1999.07.006>
22. 扬清, 王娥. “老师”称谓的泛化及其原因 // 汉字文化. 2005. 第02期. 第37–39页.
23. 张军. 当代称谓语泛化的社会语言学研究 // 博士学位论文. 陕西师范大学. 2022. 182页. DOI: <https://doi.org/10.27292/d.cnki.gsxfu.2022.000771>

References

1. Glushkova S.Yu. “Direct address” as the means of expressing politeness in the English and the Chinese languages. *Theory and Practice of Social Development*. 2011. No. 2. P. 361–363. (In Russ.).
2. Guo yu (The Speeches of the Kingdoms). *USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies*. Trans. from Chinese, introduction and notes by V.S. Taskin. Ed. Kryukov M.V. Moscow: Nauka. 1987. 471 p. (In Russ.).
3. Ma L. The Nominative Field of the Linguocultural Type “Teacher” in the Chinese Language. *Vestnik of MSLU. Humanities*. 2023. No. 8(876). P. 47–52. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_8_876_47
4. Ma L. Representation of the linguocultural type “teacher” in the Chinese language. *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series “Humanities”*. 2023. No. 6-2. P. 176–180. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.6-2.24>
5. Ma L. Stereotypical view of “老师” (“teacher”) in modern Chinese communication and mass consciousness. *Kazan Science*. 2024. No. 1. P. 225–229. (In Russ.).
6. Sboev A.N. Address terms in Chinese Internet Communication. *Modern Oriental Studies*. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 23–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39>
7. Terskikh T.F., Miao S. The specifics of addressing a person in Chinese. *Global and Regional Research*. 2020. Vol. 2. No. 2. P. 488–490. (In Russ.).
8. Wu Sh. Linguocultural characteristics of addressing in Russian and Chinese languages. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 853–858. (In Russ.).

9. *Formanovskaya N.I.* Appeals from the point of view of communicative-pragmatic approach. *Rechevoe obshchenie*. 2000. No. 3(11). P. 83–88. (In Russ.).
10. *Chen H.* Phenomenon of "Teacher" Title Generalization in Chongqing Dialect and Its Causes. *Journal of Chongqing University of Education*. 2000. Vol. 33. No. 5. P. 52–56. (In Chin.).
11. *Chen Sh., Li X., Jiang H.* A Study on the Origin and Development of "Teacher" Title Generalization. *Journal of Fuyang Institute of Technology*. 2021. Vol. 32. No. 1. P. 83–86+101. (In Chin.).
12. *Cui L., Liu Y.* Thoughts on the "Absence Phenomenon" of Appellations Triggered by the Generalization of "Meinu". *Youth Literator*. 2012. No. 11. P. 126. (In Chin.).
13. *Guo M.* A Pragmatic Study on the Generalization Phenomenon of the Appellation "Teacher". *Science & Technology Information*. 2013. No. 06. P. 219–220. (In Chin.).
14. *He Y.* A Brief Discussion on the Origin and Generalization of the "Teacher" Title. *Ability and Wisdom*. 2011. No. 28. P. 186. (In Chin.).
15. *Huang N.* A Social Survey on Non-teachers Being Called "Teacher". *Language Teaching and Linguistic Studies*. 1988. No. 4. P. 103–112. (In Chin.).
16. *Ji Y.* A Brief Analysis of the Generalization Phenomenon and Reasons of the "Teacher" Title from a Sociolinguistic Perspective. *Journal of Chifeng University (Soc.Sci)*. 2016. Vol. 37. No. 08. P. 184–185. (In Chin.). DOI: <https://doi.org/10.13398/j.cnki.issn1673-2596.2016.08.074>
17. *Li M.* An Explanation of the Use of General Honorifics in the Context of Social Transformation: A Social Survey Report on the Use of General Honorifics in Shanghai. *Applied Linguistics*. 1996. No. 4. P. 83. (In Chin.).
18. *Li Sh.* On Two Major Principles of Address Terms. *Journal of Inner Mongolia University (Humanities and Social Sciences)*. 2004. Vol. 36. No. 05. P. 77–82. (In Chin.). DOI: <https://doi.org/10.13484/j.cnki.ndxbzsb.2004.05.015>
19. *Li Y.* A Confucian Perspective on the Generalization of the "Teacher" Title. *Ability and Wisdom*. 2018. No. 31. P. 205. (In Chin.).
20. *Mao H.* Reflections on the Common Usage of the Appellation "Laoshi" and Morality of Teacher Professionalization. *Educational Science Research*. 2018. No. 07. P. 80–86. (In Chin.).
21. *Qu W., Chen L.* On the Traditional Chinese Politeness Principles. *Academic Monthly*. 1999. No. 07. P. 33–41. (In Chin.). DOI: <https://doi.org/10.19862/j.cnki.xsyk.1999.07.006>
22. *Yang Q., Wang E.* The Generalization of the "Teacher" Title and Its Reasons. *Sinogram Culture*. 2005. No. 02. P. 37–39. (In Chin.).
23. *Zhang J.* Sociolinguistic Research on the Generalization of Contemporary Address Terms. PhD Dissertation. Shaanxi Normal University. 2022. 182 p. (In Chin.). DOI: <https://doi.org/10.27292/d.cnki.gsxfu.2022.000771>

Статья поступила в редакцию / Received 13.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 18.11.2024

Принята к публикации / Accepted 19.11.2024

Научная статья

УДК 811.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/125-135>

Устная медицинская коммуникация на немецком языке между врачом и неспециалистом: особенности употребления терминов (на примере подкастов медицинских передач Norddeutscher Rundfunk)

Екатерина Владимировна Пивоварова¹, Наталья Ивановна Стружкина²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии,
pivovarova.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

²Старший преподаватель департамента хирургических дисциплин,
врач травматолог-ортопед, struzhkina.ni@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-9537>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению терминологического аспекта устной медицинской коммуникации на немецком языке между специалистами и неподготовленной аудиторией. В работе выдвигается гипотеза о вербальной адаптации научной картины медика к наивному восприятию неспециалиста за счет упрощения или отказа от узкой терминологии. Опираясь методами сравнительного и контекстуального анализа, а также методиками количественного подсчета, авторы устанавливают наиболее частотные приемы лингвистического оформления терминов для построения эффективной коммуникации с неспециалистами (замена на обиходную лексику, объяснение, использование исконно немецких слов вместо заимствований, введение фразеологизмов), а также объясняют причины найденных перифразов.

Ключевые слова: устная медицинская коммуникация, немецкий язык, тип коммуникации специалист – неспециалист, термин, медицинский термин, заимствование

Для цитирования: Пивоварова Е.В., Стружкина Н.И. Устная медицинская коммуникация на немецком языке между врачом и неспециалистом: особенности употребления терминов (на примере подкастов медицинских передач Norddeutscher Rundfunk) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 125–135.

Original article

Oral medical communication in German between a doctor and a non-specialist: term use specifics (on the example of Norddeutscher Rundfunk medical podcasts)

Ekaterina V. Pivovarova¹, Natalia I. Struzhkina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Roman and German Philology, pivovarova.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

²Senior Lecturer of the Department of Surgical Disciplines, Traumatologist-Orthopedist, struzhkina.ni@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1820-9537>

Abstract. The article is devoted to the terminological aspect of oral medical communication in German between specialists and an unprepared audience. The work hypothesizes the linguistic adaptation of a medical scientific picture to the naive perception of a non-specialist by simplifying or elimination of specific terminology. Using methods of comparative and contextual analysis, as well as quantitative calculation methods, the authors establish the most common methods of using the terminology for effective communication with non-specialists (replacement through everyday vocabulary, explanation, use of native German words instead of borrowings, introduction of phraseological units), and explain the reasons for stated paraphrases.

Key words: oral medical communication, the German language, communication between a specialist and a non-specialist, term, medical term, loan word

For citation: Pivovarova E.V., Struzhkina N.I. Oral medical communication in German between a doctor and a non-specialist: term use specifics (on the example of Norddeutscher Rundfunk medical podcasts). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 125–135. (In Russ.).

Медицинский дискурс все более интенсивно вливается в повседневную жизнь современного общества, что напрямую связано с распространением новых заболеваний и их освещением в СМИ. Изучение лингвистических аспектов медицинского дискурса вызывает несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить специфику и механизмы эффективной коммуникации на всех уровнях и во всех ее проявлениях: устной, письменной, между различными коммуникантами. Если ранее исследование сосредотачивалось на изучении письменной медицинской коммуникации, то благодаря возможности машинной обработки устной речи с последующим ее сохранением в письменном виде все большее внимание стало уделяться особенностям устной медицинской коммуникации.

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей употребления терминов в устной медицинской коммуникации между врачом и неспециалистами. В качестве гипотезы мы выдвигаем предположение, что специалист постарается подстроить свою научную картину мира под непрофессиональное представление за счет упрощения способа выражения через максимальную элиминацию терминов. Для достижения указанной цели и проверки выдвинутой гипотезы в работе поставлены **следующие задачи**: рассмотреть типы медицинской коммуникации, установить основные особенности устной медицинской коммуникации между врачом и неспециалистом, рассмотреть понятие «термин» и источники пополнения медицинской терминологии в немецком языке, классифицировать найденные в рассматриваемом материале термины, установить особенности их использования и определить основные приемы лингвистической адаптации профессиональной картины мира к обыденной.

Коммуникация в медицине рассматривается как фундаментальный клинический навык, позволяющий установить отношения с пациентом, открывающие путь к успешной диагностике, лечению и уходу [1, с. 287]. Н. Мертова предлагает дифференцировать уровни медицинской коммуникации по целевым группам с учетом коммуникативных партнеров, участвующих в общении. Автор выделяет четыре коммуникативных уровня: профессиональный – профессиональный (врач-специалист – врач-специалист); профессиональный – полупрофессиональный (врач – студент медицинского образовательного учреждения – медицинский персонал); профессиональный – непрофессиональный (врач-специалист – пациент); непрофессиональный – непрофессиональный (журналист – реципиент (в рамках общения в социальных

сетях, форумах, телевизионных и радиопередачах и т.п.), пациент – пациент) [9, с. 49–50]. Особый интерес для настоящего исследования, в центре внимания которого находятся устные беседы между вирусологами и интервьюерами, предназначенные для широкого круга слушателей, представляет последний коммуникативный тип «профессиональный – непрофессиональный».

По утверждению В.В. Журы, в ходе медицинской коммуникации между врачом и пациентом происходит взаимодействие двух картин мира – научной медицинской картины мира врача и «наивной» медицинской картины мира пациента. Первая включает систематизированное медицинское знание, общее для различных представителей медицинской профессии. Ко второй относятся истинные, ложные и приблизительные представления о сфере медицинского знания различной степени полноты, актуальные для большинства пациентов [7, с. 54].

Внимание лингвистов к проблеме медицинского термина, под которым мы, вслед за В.П. Даниленко, понимаем «слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия и имеющее дефиницию» [5; 12, с. 137], поддерживается некоторыми до сих пор не решенными вопросами терминоведения, которые пересекаются с современными концепциями лексикологии, семиотики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Функционирование медицинского термина рассматривается учеными с двух позиций: с формальной (врач – врач/сестра/медработник) и неформальной (врач – пациент). Главной целью изучения функционирования термина в обозначенных режимах является выявление принципов использования терминов в общении и их систематизация [3, с. 279]. Особый интерес представляет использование терминов в режиме «врач-специалист – неспециалист».

И.А. Гороховская разделяет все лексические единицы медицинской коммуникации на стандартные и субстандартные. Непосредственно медицинская терминология (номенклатура) употребляется на профессиональном уровне коммуникации в рамках официального диалога. Наивному медицинскому дискурсу свойственна подмена терминов обыденной лексикой [4, с. 135]. Мы предполагаем, что адаптация научной картины мира специалиста к наивному восприятию неспециалиста происходит не только путем подмены терминов, но и при помощи иных языковых приемов.

Несмотря на схожесть медицинской терминологии с терминами других естественных наук, ей присущи такие специфические черты, как интернациональность, высокая степень интеграции (терминов), опора на латинский и греческий языки [12, с. 137], причем, по замечанию Г.И. Шевелёвой, основной пласт лексических единиц составляют именно латинизмы и эллинизмы [12, с. 137]. Кроме заимствований, немецкая терминология пополняется за счет новообразованных слов, созданных аффиксальным или безаффиксальным способом. Б. Дресслер подразделяет последние на две группы: 1) случаи, когда основы какой-либо другой части речи включаются в систему форм, характерную для существительного (например, *der Gang* («ход»)), и 2) случаи, когда формы другой части речи превращаются в самостоятельное словосуществительное (например, *das Zahlen* («счет»)) [6, с. 99].

Еще одним продуктивным способом в терминообразовании, в том числе и в сфере медицины, является аббревиация. Сокращения встречаются, прежде всего, в письменных текстах: в медицинских отчетах, протоколах, историях болезни. Их применение позволяет экономить время, уменьшать объем текста, а их понимание не вызывает трудностей у профессионалов [12, с. 137]. Самый распространенный способ создания аббревиатур в анализируемой области – акронимия (использование начальных букв каждого слова) [10, с. 72].

Наконец, в немецкой медицинской терминологии присутствуют собственно немецкие термины, такие как *Erkältung* («простуда»), *Entzündung* («воспаление») и др.

Таким образом, функционирование термина в рамках интра- и интерпрофессиональной коммуникации актуализирует ряд вопросов, связанных с семантической неоднозначностью термина, пониманием термина коммуникантами с разным уровнем специальных знаний, а также адекватным дефинированием и лексикографированием термина для различных категорий адресатов [11, с. 146].

Настоящее исследование фокусируется на рассмотрении специфики терминов в рамках устной медицинской коммуникации. Материалом для практического анализа послужили подкасты о коронавирусе (сохраненные в письменном виде записи бесед), выпущенные телерадиокомпанией Norddeutscher Rundfunk в 2023 г.: *Coronavirus-Update: Der Weg in die Endemie* («Свежие новости о коронавирусе: путь к эндемии» [13]) и *Empowerment: Mit dem Virus leben lernen* («Активизация возможностей: учимся жить с вирусом» [16]). Общее количество рассмотренного материала составило 21810 лексем, из которых термины (без учета повторов) представлены всего 439 единицами, что составило 2% от общего объема текста. Такой невысокий процент связан с тем, что он представляет только вновь употребленные медицинские термины (корневой термин и все его дериваты) и не отражает повторение ранее упомянутых лексем. Вычленение всех случаев употребления каждого термина осталось за рамками данной работы, поскольку приводимые далее примеры ярко демонстрируют насыщенность речи профессиональными лексемами и снимают необходимость механического подсчета.

Начиная работу с найденными терминами, мы предположили, что количество иностранных медицинских терминов (латинские и греческие заимствования) будет минимальным, поскольку врач постарается излагать мысли понятно для широкого круга слушателей-специалистов. Для проверки этой гипотезы все термины были классифицированы. В первую очередь найденные единицы были разделены на две большие группы: собственно немецкие наименования и заимствования (с последующим разделением последних на подтипы: полностью, частично и неассимилированные заимствования [2]). Для проверки исконности немецких лексем мы использовали этимологические словари: электронный словарь братьев Гримм [14] и этимологический словарь DWDS [15]. Собственно немецкие термины (например, *die Blutgerinnung* «кровотечение», *der Erreger* «возбудитель», *das Gewebe* «ткань»), немецкие аббревиатуры (например, *RKI* (Robert Koch Institut), *COFONI* (Coronaforschungsnetzwerk Niedersachsen)) составили 68 единиц (15%), а подавляющее большинство (85%) – заимствования, из которых 65% терминов из греческого и латинского языков и 20% – из других языков (английский, французский, итальянский).

Группа заимствований подверглась анализу по степени ассимиляции в немецком языке. Неассимилированные заимствования, существующие как иноязычные вкрапления, составили 72 единицы, или 16%. В эту группу вошли латинские наименования органов и отделов организма (*der Bronchus*, *der Gastrointestinaltrakt*, *kardiovaskulär*, *mukosal*), латинские названия химических элементов и соединений (*Phenylalanin*, *Prolin*, *Protein*, *Serum*), латинские термины, относящиеся к деторождению (*der Fötus*, *der Embryo*), общемедицинские латинские термины (*die Vakzine*, *der/das Virus*), аббревиатуры латинского происхождения (*ME* (*Myalgic Encephalomyelitis*)), буквы греческого алфавита, используемые как наименования штаммов вирусов (*Alpha*, *Delta*, *Omikron*), французские названия болезней (*die Grippe*, *die Fatigue*), итальянские наименования (*die Influenza*), англицизмы (*der Booster*, *der Pool*, *Long Covid*), аббревиатуры и

усечения, заимствованные из английского языка (*WHO* (World Health Organisation), *CFS* (Chronic Fatigue Syndrome), *SARS-CoViD* (severe acute respiratory syndrome – Corona Virus Disease), *PCR* (polymerase chain reaction), *Post Vac*), наименования вирусов в соответствии с медицинской таксономией (*B.1-Virus*, *BF.7-Variante*, *XBB.1.5-Infektion*). Такие термины хоть и получили род в немецком языке, что соответствует начальной степени ассимиляции, но они сохранили иноязычное написание и/или произношение и/или не подлежат словосложению с немецким соединительным элементом «s» (при образовании композитов используется дефис: *Long Covid-Konferenz*, *Fitness-Kosten*, *Booster-Impfung*, *Escape-Mutation*).

Полностью ассимилированные и более не воспринимаемые как инородные лексемы (например, *der/die Patient/in* «пациент/ка», пришедшее из французского в XVI в.; *die Zelle* «клетка» от лат. *cella*; компонент *-kasse* (итал. *cassa*, заимств. в XVI в.) в композите *die Krankenkasse* «фонд медицинского страхования, страховая медицинская организация») составили всего 18 единиц (4%). Медицинские термины, имеющие иностранное происхождение (латынь, греческий, французский, итальянский, английский), но прошедшие полную ассимиляцию в языке-реципиенте (претерпели орфографические и фонетические изменения, получили род и подверглись иным морфологическим преобразованиям, прошли семантические изменения (расширение/сужение первоначального значения)), составили большинство найденных единиц – 261 (59%). Сюда относятся, например, *die Impfung*, *infizieren*, *die Immunität*, *die Hygiene* и проч. Группа частично ассимилированных единиц (21%) охватывает более поздние заимствования. Например, немецкий глагол *boostern*, образованный от английского *to boost*, получил глагольный суффикс, вошел в парадигму слабого спряжения, употребляется в форме причастия *geboostert*, но сохранил английское написание и произношение корневого звука [u]; английское прилагательное *vulnerable* (нем. *vulnerabel*) сохранило в немецком языке написание корня через «v», хотя для передачи звука [v] в немецком используется графема «w», остальные английские графемы произносятся согласно правилам немецкой фонетики [volne'ra:bʲ], прилагательное получило немецкий суффикс «abel» и используется в том числе в субстантивированной форме *der/die Vulnerable*.

Данные количественного анализа свидетельствуют о том, что неассимилированные заимствования в терминологии составили небольшую группу по сравнению с полностью и частично ассимилированными, что, в свою очередь, подтверждает выдвинутую гипотезу о стремлении врача-специалиста минимизировать иноязычные вкрапления для адаптации речи к восприятию неподготовленными реципиентами. Однако если врач все же прибегает к использованию терминов, то старается сразу объяснить их значение или косвенно намекает на последующее введение термина, используя фразы „*wie wir es nennen*“ («как мы это называем»), „*wie man sagt*“ («как говорят») и подобные. Обратимся к примерам употребления терминов в речи врача.

1. *Das sieht man im wöchentlichen RKI-Report: Welche respiratorischen, also Atemwegsinfektionsviren, -erreger zirkulieren in Deutschland? Da gibt es auch noch ein paar andere, da reiht sich das Coronavirus ein.* («Это можно увидеть в еженедельном отчете Института Роберта Коха: какие респираторные, то есть инфекционные вирусы, возбудители, поражающие дыхательные пути, циркулируют в Германии. Есть парочка и других [вирусов], тогда коронавирусы становятся лишь одним из многих»).

После термина *respiratorisch* сразу следует пояснение *also Atemweg*, а за частью композита *-infektionsviren* используется исконно немецкая лексема *Erreger*. Непоясненной остается только аббревиатура *RKI*, что можно объяснить ее прозрачностью для носителей немецкого в

связи с бумом публикаций о коронавирусе и частотностью упоминаний организаций, занимающихся исследованиями новых штаммов. Кроме узко медицинских терминов в данном примере употреблен глагол *zirkulieren*, заимствованный из среднелатинского в XVI веке. Его широкое применение в самых разных научных областях и выход за пределы терминологии в обиходную речь никак не затрудняет восприятие, а, наоборот, уточняет мысль, подчеркивая цикличность вируса, его круговое движение в пределах страны.

2. *Dann ist es nämlich nicht wichtig, welches **Infektionsgeschehen** und welches **Virus** es ist. Es gibt ja auch **RSV** und auch die **Influenza**, also die echte **Grippe**, das würde ja gegen alles helfen, was man sich über den **Nasen-Rachenraum** einfangen kann.* («Тогда становится неважным, каково течение инфекции или какой это вирус. Есть же тоже РСВ, инфлюэнца, то есть настоящий грипп, она [вакцина] помогла бы против всего, что можно подхватить через носоглотку»).

Термины *Infektion* в композите *Infektionsgeschehen* и *Virus*, отнесенные к полностью ассимилированным и частично ассимилированным соответственно, являются узкоспециальными, но их крайне высокая частотность, семантическая прозрачность и интернациональный характер оправдывают употребление в речи с неспециалистами. Большая трудность в понимании может возникнуть в следующем предложении, когда врач употребляет аббревиатуру *RSV* (*respiratorisches Synzytial-Virus* – «респираторно-синцитиальный вирус») и никак не поясняет ее. Однако появление в одном ряду с аббревиатурой более привычных наименований заболеваний (*Influenza* и *Grippe*) дает возможность слушателю понять равноположенность следующих друг за другом лексем, что позволяет «распознать» в непонятной аббревиатуре наименование заболевания. Перечислительный ряд *RSV – Influenza – Grippe* движется от «более специфического к общеупотребительному», что может указывать на корректировку высказывания в процессе речи и попытку врача пояснить специальный термин, не выходя за рамки медицинской терминологии. Композит *Nasen-Rachenraum* относится к исконно немецкой лексике, поэтому сложности с его пониманием исключены.

3. *Und jetzt versuchen sozusagen **Familienmitglieder** von Omikron sich noch mehr zu verbessern und durchzusetzen.* («И теперь, так сказать, члены семьи Омикрон пытаются усовершенствоваться и укорениться»).

4. *Und dann gibt es noch mal obendrauf mehrere, die dann eben diese Untervarianten geben, diesen **Strauß**, von dem Sandra Ciesek gesprochen hat.* («А потом, вдобавок, есть еще много [вирусов], которые и дают эти подварианты, этот букет, о котором говорила Сандра Чизек»).

Примеры 3 и 4 демонстрируют следующий способ адаптации профессиональной коммуникации к непрофессиональной: замену термина на обиходную лексику. Так, в примере 3 вместо возможных терминов (ср. *Stammvarianten* «варианты штамма», *Modifikationen* «модификации», *Mutante* «мутанты» и проч.) используется образное и понятное *Familienmitglieder* «члены семьи», а в примере 4 образная лексема *der Strauß* «букет» кратко и доступно передает семантику количества и разнообразия штаммов.

5. *Die erkennen auch dieses Spike-Protein und die helfen dem Immunsystem auf anderem Wege, indirekt über die **Fresszellen**.* («Они распознают и этот спайк-протеин и помогают иммунной системе другим способом, косвенно, через фагоциты»).

6. *Das Immunsystem wird ja auf Vorrat aus dem **Knochenmark** aufgebaut.* («Клетки иммунной системы формируются в костном мозге»).

Интересным приемом упрощения специализированной речи является подмена латинских и греческих терминов немецкими кальками. Так, вместо термина *die Makrophage* или *der*

Phagozyt (пример 5) врач употребил *Fresszellen* (букв. «пожирающие клетки») – немецкую кальку с древнегреческого языка (*phagos* – поедающий и *kytos* – клетка, сосуд [8]). В примере 6 немецкий термин *Knochenmark* «костный мозг» – это калька с латинского *medulla ossium* (досл. «мозг кости»).

7. *Das ist also ein Kompromiss, den das Virus da schließen muss. Es zahlt Fitness-Kosten, wie wir in der Evolutionsterminologie sagen. Also das Virus gewinnt zwar Immune Escape, und damit gewinnt es eine Fitness, eine Übertragbarkeitskomponente in dieser immunen Bevölkerung, allerdings der Rezeptor passt jetzt nicht mehr so gut. Und das ist ein Preis, den das Virus zahlt, also die intrinsische Fitness, die ist dadurch reduziert.* («То есть это компромисс, на которой должен пойти вирус. Он платит за собственную адаптивность, как мы говорим в эволюционной терминологии. То есть вирус получает способность ускользнуть от иммунного ответа, иными словами, приобретает адаптивность или переносимый компонент в этом иммунизированном населении, тем не менее рецептор подходит уже не так хорошо. И это та цена, которую платит вирус, то есть его внутренняя адаптивность снижается»).

Общепотребительный устойчивый оборот *Kosten zahlen* («оплатить расходы») проникает в медицинскую терминологию за счет присоединения компонента *Fitness* (узкоспециального термина из области генетики со значением «приспособляемость, адаптивность»). Специалист понимает, что коллокация *Kosten zahlen* знакома и понятна аудитории, ее общий смысл «платить за что-то» остается, но в новом контекстуальном использовании неясно, за что конкретно должен «заплатить» вирус. Используя фразу *wie wir in der Evolutionsterminologie sagen* («как мы говорим в эволюционной терминологии»), врач дает понять, что только что прозвучал термин, и сразу расшифровывает его. Для объяснения применяется в том числе англицизм *Immune Escape* (досл. «иммунный побег», в переводе «ускользание от иммунного ответа»). Мы полагаем, что английский оборот в данном случае не осложняет понимание, поскольку был объяснен ранее при помощи немецкой кальки *Immunflucht*. Далее вводится коллокация *den Preis zahlen* (досл. «платить цену»), синонимичная употребленной ранее, благодаря которой врач убеждает слушателя в том, что он понял все правильно.

Приведенный пример свидетельствует о том, что фразеологические обороты играют важную роль для приспособления профессионального языка к общению с неспециалистами. Кроме описанных выше можно заметить устойчивое выражение *einen Kompromiss schließen* («пойти на компромисс»), которое придает речи врача не только яркость и образность, но и делает его «ближе» к целевой аудитории. Врач не злоупотребляет специальной лексикой, а, напротив, говорит на одном, образном, языке со слушателями.

Стоит отметить, что некоторые медицинские термины остаются без пояснения. В первую очередь это касается обозначений штаммов вирусов и органических веществ. Обратимся к примерам 8 и 9.

8. *Da kann man schon sich praktisch darauf verlassen, dass XBB.1.5 auch bei uns dominant werden wird.* («Тогда можно практически точно прогнозировать, что XBB.1.5 станет доминантным и у нас»).

По нашему мнению, употребленный буквенно-числовой код для наименования штамма не нуждается в особом пояснении по нескольким причинам. Во-первых, вкрапление выглядит настолько специфическим, что неподготовленный слушатель сразу воспринимает его как некое имя. Во-вторых, на протяжении всей беседы врач составляет сложные существительные с

этим обозначением, присоединяя поясняющие элементы *-variante* или *-infektion*, поэтому самостоятельное использование таксона не представляет трудностей для восприятия.

9. *Aber es kreist eigentlich schon hauptsächlich um das Spike und um die Frage der Entzündung, weil was anderes ist ja nicht passiert.* («Собственно говоря, в основном все вращается вокруг **спайка** и вопроса воспаления, потому что другое не произошло»).

Врач не поясняет англицизм *das Spike* («шип», тип белка назван по шипообразной форме), поскольку в начале беседы многократно использовались сложные существительные *das Spike-Protein*, *Spike-1-Domäne*, помогающие понять, что речь идет об органических веществах.

Если же специалист по какой-то причине не поясняет употребленный термин, то ему на помощь приходит ведущий. Обратимся к примеру 10.

10. **Virologe Christian Drosten:** *Das heißt, jemand, der vorher einen Neutralisationstiter von eins zu 150 hatte, der hat jetzt einen von eins zu 30. Der wird aber immer noch schützen. Wohlgemerkt nicht gegen irgendeine Erkrankung, aber sehr sicher gegen eine schwere Erkrankung.*

Wissenschaftsredakteurin Korinna Hennig: *Neutralisationstiter müssen wir vielleicht einmal noch erklären.*

Virologe Christian Drosten: *Genau, das ist die Verdünnungsstufe eines Serums im Labortest bis hin zu der, bei der dieses Serum noch in der Lage ist, das Virus davon abzuhalten, Zellen zu infizieren, im Labortest.*

«**Вирусолог Кристиан Дростен:** Это значит, что у кто-то, у кого прежде **нейтрализационный титр** был от одного до 150, сейчас имеет его в пределах от одного до 30. Но он все еще защищает. Замечу, защищает не просто от какого-нибудь заболевания, а именно от тяжелого.

Научный редактор Коринна Хеннинг: **Нейтрализационный титр.** Вероятно, мы должны объяснить это еще раз.

Вирусолог Кристиан Дростен: Конечно. Это **степень разведения** сыворотки в лабораторном исследовании до такого уровня, когда она еще способна удерживать вирус от заражения клеток»).

Объясняя механизмы воздействия разных штаммов на клетку и то, какова вероятность заразиться новым видом, врач упоминает реакцию нейтрализации, проводимую в вирусологических исследованиях и тестах, полагая, что конкретные результаты титров помогут ему донести информацию более четко и быстро. Безусловно, в коммуникации между специалистами оперирование терминами с привлечением числовых результатов – самый быстрый, надежный и объективный способ передачи информации, чего нельзя сказать об общении с неподготовленной аудиторией. Итак, услышав непонятный термин, ведущий просит вирусолога объяснить его значение, на что врач соглашается с большой охотой. Заметим, что информация о титрах была не ключевой, она была сказана в потоке речи, «пришлась к слову» в разговоре о сезонных волнах заболевания. Но по просьбе ведущего специалисту пришлось отвлечься от главной темы и переключиться на объяснение.

Интерес представляют случаи, когда врач переносит узкоспециальные медицинские термины на другие сферы, расширяя первоначальное значение. Такие случаи представлены в примере 11.

11. *Das ist eben die Rücksichtsüberlegung, die man dabei hat. Das ist doch etwas sehr Schönes, gesellschaftlich Adhärentes, Kooperatives, was man sich vielleicht auch klarmachen sollte, statt sich darüber aufzuregen, dass man nur noch im Zug eine Maske tragen muss.* («Это же аспекты

внимательного отношения к другим, которые возникают в этой связи. Это же что-то действительно прекрасное, **общественно адгерентное**, что-то совместное, то, что, возможно, надо уяснить себе, вместо того чтобы переживать, что еще только в поезде нужно носить маску»).

Субстантивированное причастие *Ädhärent* латинского происхождения считается устаревшим в современном немецком языке, однако активно употребляется в профессиональных областях (биология, медицина) [15] в значении «спаянный, срачивающийся». Врач переносит значение термина на описание общества, в котором осознание заботы о других становится его неотъемлемой частью. Далее следует уточнение *Kooperatives* («нечто совместное, кооперативное»), помогающее слушателям понять, что имеет в виду специалист.

Проведенный анализ терминологического аспекта устной медицинской коммуникации между врачом и неспециалистами позволил сделать следующие выводы.

При общении с неподготовленной аудиторией специалист любой области, в том числе медицинской, безусловно, будет выстраивать речь так, чтобы быть понятным, однако, как показал материал исследования, в медицинской сфере полный отказ от терминов невозможен. В первую очередь, это связано с тем, что подавляющее большинство медицинских терминов имеют древнее происхождение (в основном это заимствования из латыни и греческого) и присутствуют в немецком языке со времен древневерхненемецкого. В этой связи заимствования прошли полную адаптацию, ассимилировались на всех уровнях, вышли за рамки узкоспециального употребления и функционируют как общеупотребительные лексемы (*dominant, individuell, agieren, die Evolution* и проч.). Во-вторых, часть медицинских терминов представляет собой единственные в своем роде наименования (заболевания, микроорганизмы, вещества), которые невозможно заменить на другие лексемы без потери смысла. В-третьих, интернациональный характер медицинской терминологии, понятной не только специалистам в любой точке мира, но и людям, далеким от медицины (*Medikament, Symptom, Viruskontakt*), оправдывает употребление терминов в беседах с неспециалистами.

Сохраняя в речи минимальный набор узкоспециальных терминов, без которых невозможно передать мысль, врач-специалист прибегает к некоторым приемам, позволяющим пояснить их значение. К таковым относятся употребление фраз, сигнализирующих о появлении термина (*wie wir es nennen* «как мы это называем», *wie es heißt* «как это называется»), объяснение значения термина до или непосредственно после его использования, употребление исконно немецкой лексики в кальках иноязычных терминов, устойчивых оборотов, иноязычных вкраплений в композитах со вторым компонентом на немецком языке, поясняющим это вкрапление. Благодаря названным приемам речь врача не теряет должной академичности, но становится максимально прозрачной. Кроме того, изъясняясь четко и понятно, врач решает еще одну немаловажную задачу кроме просветительской – он получает доверие аудитории и возможность ее убеждения в целесообразности тех или иных действий в отношении личного и общественного здоровья.

Список литературы

1. Акопян Ж.А. Грибков Д.М., Зимина Э.В., Шубина Л.Б. Человеческий фактор в медицинской коммуникации // Виртуальные технологии в медицине. 2023. № 3. С. 287–288.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с.

3. Гордеева Л.К. Медицинский термин как объект лингвистического исследования // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: сборник трудов конференции. Тверь, 2019. С. 279–281.
4. Гороховская И.А. Уровни коммуникации в границах медицинского дискурса // Термины в коммуникативном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Астрахань, 2024. С. 134–139.
5. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
6. Дресслер Б. Особенности немецкого и русского словообразования: основные модели и термины // Культурная жизнь юга России. 2009. № 2. С. 99–100.
7. Жура В.В. Взаимодействие картин мира врача и пациента в ходе медицинской коммуникации и способы их экспликации // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине: сборник статей. Самара, 2012. С. 54–65.
8. Карта слов. Электронный словарь. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 01.11.2024).
9. Мертова Н. Проблематика перевода в медицинском дискурсе (в русско-словацком компаративном плане) // Язык и культура. 2015. № 21–22. С. 48–57.
10. Перепечкина С.Е., Акулова Е.В. Сокращения в немецкой медицинской литературе, особенности их написания и произношения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24(63). № 1. Ч. 1. С. 71–79.
11. Разводовская Я.В. Медицинский термин в контексте интра- и интерпрофессиональной коммуникации // Актуальные проблемы медицины: материалы ежегодной итоговой научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 2. Гродно, 2015. С. 145–147.
12. Шевелева Г.И., Болдина А.С. Способы образования новых медицинских терминов в немецком языке (на примере терминологии коронавирусной инфекции SARS-COV-2) // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 8–1(71). P. 137–140.
13. *Coronavirus-Update: Der Weg in die Endemie* («Свежие новости о коронавирусе: путь к эндемии»). Подкаст Norddeutscher Rundfunk. URL: <https://www.ndr.de/nachrichten/info/116-Coronavirus-Update-Der-Weg-in-die-Endemie,podcastcoronavirus394.html> (дата обращения: 01.11.2024)
14. *Das Deutsche Wörterbuch*. Словарь братьев Гримм. URL: <https://dwb.uni-trier.de> (дата обращения: 01.11.2024).
15. DWDS Электронный словарь немецкого языка. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения: 01.11.2024).
16. *Empowerment: Mit dem Virus leben lernen* («Активизация возможностей: учимся жить с вирусом»). Подкаст Norddeutscher Rundfunk. URL: <https://www.ndr.de/nachrichten/info/118-Empowerment-Mit-dem-Virus-leben-lernen,podcastcoronavirus398.html> (дата обращения: 01.11.2024).

References

1. Akopyan Zh.A., Gribkov D.M., Zimina E.V., Shubina L.B. The human factor in medical communication. *Virtual technologies in medicine*. 2023. No. 3. P. 287–288. (In Russ.).
2. Arnold I.V. *Lexicology of the modern English language*. M.: Flinta: Nauka, 2012. 376 p. (In Russ.).

3. Gordeeva L.K. A medical term as an object of linguistic research. *Understanding and reflection in communication, culture and education*. Proceedings of the conference. Tver, 2019. P. 279–281. (In Russ.).
4. Gorokhovskaya I.A. Levels of communication within the boundaries of medical discourse. *Terms in the communicative space*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Astrakhan, 2024. P. 134–139. (In Russ.).
5. Danilenko V.P. Russian terminology. The experience of linguistic description. M.: Nauka, 1977. 246 p. (In Russ.).
6. Dressler B. Specifics of German and Russian word formation: basic models and terms. *Cultural life in the South of Russia*. 2009. No. 2. P. 99–100. (In Russ.).
7. Zhura V.V. The interaction of the pictures of the world of the doctor and the patient in the course of medical communication and ways of their explication. *Remission Society: on the way to narrative medicine*. Samara, 2012. P. 54–65. (In Russ.).
8. *Karta slov*. Online dictionary. URL: <https://kartaslov.ru> (accessed: 01.11.2024). (In Russ.).
9. Mertova N. The problems of translation in medical discourse (in Russian-Slovak comparative terms). *Language and Culture*. 2015. No. 21–22. P. 48–57. (In Russ.).
10. Perepechkina S.E., Akulova E.V. Abbreviations in German medical literature, peculiarities of their spelling and pronunciation. *Scientific notes of V.I. Vernadsky Tauride National University*. The series "Philology. Social communications". 2011. Vol. 24(63). No. 1. Part 1. P. 71–79. (In Russ.).
11. Razvodovskaya Ya. V. A medical term in the context of intra- and inter-professional communication. *Current problems of medicine*. Proceedings of the annual final scientific and practical conference. In 2 parts. Part 2. Grodno, 2015. P. 145–147. (In Russ.).
12. Sheveleva G.I., Boldina A.S. Methods of formation of new medical terms in German (using the terminology of SARS-COV-2 coronavirus infection as an example). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. Vol. 8–1(71). P. 137–140. (In Russ.).
13. *Coronavirus-Update: Der Weg in die Endemie*. Norddeutscher Rundfunk Podcast. URL: <https://www.ndr.de/nachrichten/info/116-Coronavirus-Update-Der-Weg-in-die-Endemie,podcast-coronavirus394.html> (accessed: 01.11.2024). (In Germ.).
14. *Das Deutsche Wörterbuch*. Dictionary of Brothers Grimm. URL: <https://dwb.uni-trier.de> (accessed: 01.11.2024). (In Germ.).
15. *DWDS*. Online Dictionary of the German Language. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (accessed: 01.11.2024). (In Germ.).
16. *Empowerment: Mit dem Virus leben lernen*. Norddeutscher Rundfunk Podacst. URL: <https://www.ndr.de/nachrichten/info/118-Empowerment-Mit-dem-Virus-leben-lernen,podcastcoronavirus398.html> (accessed: 01.11.2024). (In Germ.).

Статья поступила в редакцию / Received 08.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 12.11.2024

Принята к публикации / Accepted 19.11.2024

Научная статья

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/136-150>

Сравнительный анализ реализации коммуникативной стратегии дискредитации в женском англоязычном и франкоязычном политическом дискурсе

Ирина Владимировна Михеева¹, Татьяна Сергеевна Баран²

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

² Международный центр «АВС-МИР», Владивосток, Российская Федерация

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, miheeva.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4414-5592>

² Преподаватель английского языка, магистр по специальности 45.04.01 «Филология. Европейские языки: коммуникация и лингвоаналитика», tanya.baran.2017@mail.ru

Аннотация. В современном мире всё большую значимость и влияние приобретает предвыборный дискурс как разновидность политического. В демократических обществах предвыборные теледебаты являются одним из важнейших инструментов избирательной кампании, способным существенно повлиять на успех того или иного политика и даже изменить результаты выборов. В связи с этим настоящее исследование ставит своей целью выявление особенностей реализации коммуникативной стратегии дискредитации в предвыборных речах англоязычной и франкоязычной дискурсивных личностей путём сопоставления используемых коммуникативных тактик, а также анализа их вербального и невербального коммуникативного поведения (на материале предвыборных дебатов между Лиз Трасс и Риши Сунак, Марин Ле Пен и Эммануэлем Макроном).

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный дискурс, коммуникативная стратегия, тактика, дискурсивная личность

Для цитирования: Михеева И.В., Баран Т.С. Сравнительный анализ реализации коммуникативной стратегии дискредитации в женском англоязычном и франкоязычном политическом дискурсе // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 136–150.

Original article

Comparative analysis of the implementation of the communicative strategy of discrediting in women's English and French political discourse

Irina V. Mikheeva¹, Tatiana S. Baran²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² International Center ABC-MIR, Vladivostok, Russian Federation

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Roman and German Philology, miheeva.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4414-5592>

² Teacher of English, Master's degree in 45.04.01 "Philology. European languages: communication and linguoanalytics", tanya.baran.2017@mail.ru

Abstract. The article deals with electoral discourse as a kind of political discourse, which is gaining more and more importance and influence in the modern world. In democratic societies, pre-election TV debates are one of the most important tools of the election campaign, which can significantly influence the success of a politician and even change the election results. In this regard, the present study aims to identify the peculiarities of the implementation of the communicative strategy of discrediting in the pre-election speeches of English- and French-speaking discursive personalities by comparing the communicative tactics used, as well as by analyzing their verbal and non-verbal communicative behavior (on the material of pre-election debates between Liz Truss and Rishi Sunak, Marine Le Pen and Emmanuel Macron).

Key words: political discourse, pre-election discourse, communicative strategy, tactics, discursive personality

For citation: Mikheeva I.V., Baran T.S. Comparative analysis of the implementation of the communicative strategy of discrediting in women's English and French political discourse. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 136–150. (In Russ.).

В настоящее время исследование дискурса является одним из наиболее перспективных направлений лингвистики. Существуют различные сферы исследования дискурса: экономика, образование, спорт, массмедиа, политика. В современных геополитических условиях именно исследование политического дискурса вызывает повышенный интерес как со стороны обычных граждан и СМИ, так и со стороны учёных из разных областей знания.

Вместе с глобальным распространением демократии всё большую значимость приобретает изучение предвыборного дискурса как разновидности политического. Именно предвыборные дебаты являются одним из важнейших инструментов избирательной кампании, способным существенно повлиять не только на политическую карьеру одного политика, но и в целом изменить будущее всего государства. Во всём мире появляется особое стремление к осмыслению роли языка в предвыборном дискурсе и, в частности, коммуникативных способностей кандидатов. Именно грамотное использование коммуникативного арсенала помогает политику донести нужную информацию до сознания электората, сформировать необходимую картину мира и побудить аудиторию проголосовать за определённого кандидата. **Цель настоящего исследования** – выявить и проанализировать сходства и различия в реализации стратегии дискредитации в предвыборном дискурсе англоязычной и франкоязычной дискурсивных личностей путём анализа их вербального и невербального коммуникативного поведения. Достижению поставленной цели способствует решение ряда **задач**: определить термины «дискурс» и «дискурсивная личность»; охарактеризовать термины «политический дискурс» и «предвыборный дискурс»; дать определение коммуникативной стратегии и тактики, провести анализ коммуникативной стратегии дискредитации, выявить арсенал тактик и языковых средств, реализующих данную стратегию, определить характерные черты коммуникативного поведения франкоязычной и англоязычной дискурсивных личностей на вербальном и невербальном уровне.

Ключевым в данном исследовании является понятие дискурсивной личности. Она тесно связана с междисциплинарным термином «дискурс», а значит, для определения дискурсивной личности необходимо подробно изучить понятие дискурса. После рассмотрения дискурса в соотношении со смежными ему терминами нами был сделан вывод, что дискурс вби-

рает в себя понятия текста и речи. Так, в сравнении с текстом он более гибок, динамичен, позволяет рассматривать ситуацию в режиме реального времени и представлять её в устной или письменной форме. Анализ дискурса и речи показал, что за счёт включения в себя экстралингвистических факторов он представляет всеобъемлющее понятие, позволяющее рассматривать процесс общения во всех его аспектах.

С опорой на данные заключения и на исследования Т. Ван Дейка, М.Л. Макарова, В.Г. Борботько, Н.Д. Арутюновой нами было сформулировано рабочее определение дискурса, релевантное теме данной работы [6, 10, 3, 1]. Так, дискурс является коммуникативным событием, происходящим между говорящим и слушающим, в режиме реального времени в определённом пространственном контексте, организованным по смыслу и структурно с учётом коммуникативно-ситуативных и невербальных факторов коммуникации.

Термин «дискурсивная личность» является актуальным понятием в рамках современной антропоцентрической парадигмы благодаря тому, что он вбирает в себя не только понятия языковой и коммуникативной личностей, но и различные социальные факторы. Опираясь на работы Л.М. Синельниковой и С.Н. Плотниковой [14, 13], мы трактуем дискурсивную личность как интерактивную личность, сочетающую в себе языковую и коммуникативную личности, обладающую коммуникативным паспортом как совокупностью индивидуальных коммуникативных стратегий и когнитивных, мотивационных предпочтений, а также позволяющую учитывать в её анализе такие экстралингвистические факторы, как пол, возраст, социальное положение, род деятельности, географическое положение [14, с. 458].

Значимым для нашей работы является термин «предвыборный дискурс». Основываясь на работах Е.И. Шейгал, О.В. Гайковой, Т.М. Голубевой, А.Б. Халатян [16, 4, 5, 15], под предвыборным дискурсом мы понимаем особую разновидность политического дискурса, относящуюся к коммуникативной ситуации выборов и ограниченную агитационным периодом и тематической детерминированностью. Целью предвыборного дискурса является воздействие на сознание потенциального избирателя с целью получения электорального преимущества.

Поскольку настоящее исследование выполнено в русле коммуникативно-стратегического подхода, также значимыми терминами для нашего исследования являются «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». Вслед за О.С. Иссерс мы понимаем под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана». Коммуникативную тактику мы трактуем как одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии, т.е. более глобального намерения [7, с. 33].

Материалом исследования послужили дебаты между Марин Ле Пэн и Эммануэлем Макроном, Лиз Трасс и Риши Сунак, размещённые на платформе Youtube. Франкоязычную дискурсивную личность представляет Марин Ле Пен, французский политик, выдвигавшая свою кандидатуру на пост президента Франции на выборах 2022, 2017 и 2012 годов. Англоязычную дискурсивную личность представляет Лиз Трасс, британский политический государственный деятель, занимавшая пост премьер-министра Великобритании с 6 сентября по 25 октября 2022 года.

Обе героини в своих выступлениях прибегают к стратегии дискредитации, но они реализуют её путём использования разных коммуникативных тактик и языковых средств.

Согласно Большому словарю иностранных слов русского языка, дискредитация (от фр. *discréditer* «подрывать доверие») – «лишение доверия, подрыв доверия, умаление авторитета» [2]. Целью стратегии дискредитации является понижение статуса противника, подрыв авторитета и доверия к нему путём обнародования каких-либо негативных фактов.

Данная стратегия обычно реализуется через специализированные тактики обвинения и безличного обвинения [12, с. 12; 11, с. 45]. Но в нашем исследовании при реализации данной стратегии используются и неспециализированные тактики: тактика дистанцирования; тактика обоснованных оценок; тактика указания на перспективу; тактика контрастивного анализа; тактика акцентирования; тактика комментирования и тактика отождествления.

Отметим, что данная стратегия обычно является наиболее распространённой в предвыборных дебатах, так как, отвечая на непосредственные вопросы модераторов, участники дебатов стремятся упрекнуть, обвинить своего оппонента в неправильности его политических действий, а также принизить или нивелировать его достижения и тем самым побудить избирателей голосовать за него самого.

Так, Марин Ле Пен в своей речи критикует президента Эммануэля Макрона и его правительство за неспособность решить экономические проблемы французов и одновременно противопоставляет себя своему оппоненту, подчёркивая, что только она видит и понимает реальные проблемы людей:

- (1) *D'abord, je suis obligée là encore d'être le porte-parole des Français parce que M. Macron je vous ai entendu avec votre gouvernement vous réjouir d'avoir augmenté le pouvoir d'achat des Français.*

В начале своей речи Марин Ле Пен обращается к тактике дистанцирования «я не такой, как вы», противопоставляя себя своему оппоненту. С целью сделать свой дискурс более структурированным она употребляет дискурсивный маркер структуры *d'abord* «прежде всего» [8, с. 158]. Далее она использует сочетание *je suis obligée* «я должна», наречие времени *encore* «снова» [19], вспомогательный глагол *d'être* «быть» и выражение *le porte-parole des Français* «представитель французов» с целью акцентировать внимание на том, что её по-настоящему волнуют социальные проблемы граждан Франции и именно она вынуждена представлять интересы французов, так как действующее правительство не заинтересовано в этом. Далее Марин Ле Пен обращается к тактике обвинения, открыто заявляя, что её оппонент *M. Macron* «господин Макрон» и *vosre gouvernement* «ваше правительство» радовались *réjouir* (в данном случае это лексема с отрицательной коннотацией) [18] увеличению покупательной способности французов *d'avoir augmenté le pouvoir d'achat des Français*.

Далее Марин Ле Пен продолжает отрицательно высказываться об экономической политике, проводимой Э. Макроном, используя тактики обвинения и акцентирования:

- (2) *Alors vous avez fait des choix, le choix de mettre en place la taxe carbone qui a aggravé le prix de l'essence. Vous avez fait le choix de baisser des aides qui étaient essentielles pour un certain nombre de nos compatriotes, notamment l'aide au logement de cinq euros.*

Обращаясь напрямую к своему политическому оппоненту, Марин Ле Пен открыто говорит о его действиях, которые отрицательно повлияли на благосостояние французов. Для этого она использует словосочетания, имеющие отрицательную коннотацию: *mettre en place la taxe carbone* «ввести налог на выбросы углекислого газа»; *a aggravé le prix de l'essence* «повысил цену на бензин», *baisser des aides qui étaient essentielles pour un certain nombre de nos compatriotes* «отказаться от помощи, которая была необходима ряду наших соотечественников» [19]. При помощи относительного местоимения *qui* «который» она подчёркивает связь

между всеми решениями президента Э. Макрона, плохо сказавшимися на жизни французов, акцентируя внимание на его некомпетентности. Затем Марин Ле Пен дважды использует анафору *vous avez fait le choix* «вы сделали выбор». Эти слова она адресует своему политическому оппоненту, но её целью является обратить внимание аудитории на то, как часто действующий президент принимает решения, не соответствующие интересам своих граждан. Для этого она использует *Passé Composé* (прошедшее завершённое время): вспомогательный глагол *avoir* во втором лице множественном числе *avez* и *Participe Passé* смыслового глагола *faire – fait* «делал».

Также в своем выступлении Марин Ле Пен упрекает Эммануэля Макрона в отсутствии какой-либо помощи социально уязвимым слоям населения:

- (3) ... le dernier secteur sur lequel *je veux absolument intervenir*, c'est les personnes vulnérables parce que *j'ai le sentiment* que pendant *votre quinquennat* elles ont été particulièrement maltraitées...

В примере (3) кандидат на пост президента Франции при помощи тактики дистанцирования («я не такой, как он») противопоставляет свои действия политике своего оппонента. При помощи личного местоимения первого лица единственного числа *je* «я», модального глагола, выражающего желание, *veux* «хочу», наречия усиления *absolument* «определённо» и смыслового глагола *intervenir* «вмешаться» выражает своё намерение изменить политику, проводимую в отношении социально уязвимых слоёв населения. Далее, обращаясь к тактике обвинения, Марин Ле Пен выражает неодобрение политики своего оппонента: она использует притяжательное местоимение и существительное *votre quinquennat* «ваш пятилетний период», форму *La voix passive* (пассивный залог) в *Passé Composé* (прошедшее сложное время) и форму смыслового глагола *maltraiter*, имеющего отрицательную коннотацию «плохо обращаться». Тем самым Марин Ле Пен обращает внимание аудитории на несостоятельность социальной политики Эммануэля Макрона.

В следующем примере Марин Ле Пен выражает неодобрение экономических решений Эммануэля Макрона:

- (4) *Monsieur Macron, Il y a quelque chose d'étonnant. Il y a quand même quelque chose d'étonnant. Vous bloquez les prix mais vous auriez pu baisser les taxes que vous avez augmentées....*

Французский политик обращается к тактике обвинения своего оппонента через использование обращения *Monsieur Macron* «господин Макрон» и личного местоимения второго лица единственного числа *vous* «вы». Также Марин Ле Пен реализует тактику обвинения через использование противительного союза *mais* «но» и *Conditionnel Présent* (условное наклонение настоящего времени) *vous auriez pu baisser les taxes* «вы могли бы снизить налоги». При помощи данной конструкции она выражает своё мнение относительно действий, которые мог бы предпринять действующий президент Франции для улучшения финансового положения граждан, но так и не предпринял. Затем Марин Ле Пен обвиняет Эммануэля Макрона в давнем повышении налогов, для чего использует конструкцию в *Conditionnel Présent* (условное наклонение), состоящую из вспомогательного глагола настоящего времени во втором лице единственном числе *auriez* и *Participe Passé* (причастие прошедшего времени) смыслового глагола 1 спряжения с отрицательной коннотацией *augmentées* «повысили». Отметим, что в начале своих реплик Марин Ле Пен использует стилистический приём анафоры: *Il y a quelque chose d'étonnant* «В этом есть что-то удивительное», состоящий из безличного оборота *il y a* «есть»,

местоимения *quelque chose* «нечто», прилагательного *étonnant* «удивительный», усиленного во втором предложении наречием *quand même* «всё-таки».

При обсуждении экономических проблем Марин Ле Пен критикует решение своего оппонента повысить цену на топливо, которое создало серьёзные проблемы в жизни французов:

- (5) *Mais vous vous souvenez que c'est parce que vous avez augmenté les taxes sur le carburant que ça a déclenché, d'abord des problèmes de pouvoir d'achat pour les Français mais également la crise des Gilets jaunes.*

Марин Ле Пен реализует тактику обвинения за счёт прямого обвинения Эммануэля Макрона: личное местоимение второго лица *vous* «вы», возвратный глагол *vous souvenez* «вы помните», подчинительный союз *que* «что» и подчинительный оборот *c'est parce que* «это потому, что», при помощи которых Марин Ле Пен называет причину экономических трудностей французов – *vous avez augmenté les taxes sur le carburant* «вы повысили налоги на топливо». Далее французский политик использует дискурсивный маркер структуры *d'abord* «прежде всего» [8, с. 158] (наречие), *mais également* «а также» и лексемы с отрицательной коннотацией *problèmes de pouvoir d'achat* «проблемы с покупательной способностью», *la crise des Gilets jaunes* «кризис жёлтых жилетов», чтобы продемонстрировать аудитории последствия ошибочного экономического решения действующего президента Франции.

Затем Марин Ле Пен продолжает демонстрировать аудитории несостоятельность Эммануэля Макрона в вопросах экономики:

- (6) *Moi ce qui je veux c'est rendre leur argent aux Français. Vous faites encore une fois des chèques. Moi je vous dis que les chèques sont inflationnistes comme ça a toujours été le cas dans toutes les économies quand vous faites des chèques, ça entretient l'inflation.*

В данном фрагменте Марин Ле Пен использует тактику акцентирования положительной информации, которую реализует при помощи личного местоимения первого лица единственного числа *je* «я», модального глагола, выражающего желание – *veux* «хочу» и лексемы с ярко выраженной положительной коннотацией *rendre leur argent aux Français* «вернуть французам их деньги». Кроме того, кандидат на пост президента Франции демонстрирует своё искреннее стремление улучшить финансовое состояние граждан при помощи ударного местоимения *moi* «а я», подчёркивающего исключительность и уникальность политика [17, р. 96], и выделительной конструкции *ce qui* «та, кто». Далее Марин Ле Пен использует тактику обвинения, которую она усиливает при помощи наречия *encore une fois* «в который раз», *vous faites encore une fois des chèques* «вы в который раз выписываете чеки». Эта фраза призвана обратить внимание аудитории на неоднократные ошибки Эммануэля Макрона в сфере управления финансами государства. Затем Марин Ле Пен вновь использует тактику обвинения, подчёркивая, что, когда президент выписывает чеки, это поддерживает инфляцию, т.е. негативно сказывается на благосостоянии граждан *vous faites des chèques, ça entretient l'inflation*. Также отметим, что в своей речи Марин Ле Пен использует тактику дистанцирования с целью представить своё видение финансовой политики страны, отличное от её оппонента («я не такой, как вы»). Она противопоставляет себя Эммануэлю Макрону при помощи сочетания ударного местоимения *moi* «а я», личного местоимения первого лица единственного числа *je* «я» и личного местоимения второго лица единственного числа *vous* «вы».

В споре о необходимости увеличения доходов французов Эммануэль Макрон напоминает Марин Ле Пен о существовании премий, что делает их доход вполне существенным. В

ответ Марин Ле Пен напоминает о незначительности этих премий и о том, что государство не может их регулировать:

(7) *Mais oui, mais vous n'administrez pas les primes non plus Monsieur Macron.*

Своё возражение Марин Ле Пен выражает при помощи тактики обвинения. Для её реализации французский политик использует сочетание противительного союза *mais* и наречия утверждения *oui, mais oui*, имеющего значения «да, конечно». Но затем, после выражения ложного согласия, она использует противительный союз *mais* «но». Тем самым Марин Ле Пен реализует тактику обвинения, направленную против её политического оппонента. Этой репликой французский политик демонстрирует аудитории, что Эммануэль Макрон не заинтересован в финансовом благосостоянии граждан Франции.

При обсуждении проблем в сфере образования Марин Ле Пен упрекает Э. Макрона в невыполнении обещаний, которые он давал в статусе президента ранее:

(8) *Vous l'avez déjà promis en 2017 et ça n'a pas été le cas.*

Пример (8) иллюстрирует реализацию тактики обвинения, в которой адресант, напрямую обращаясь к своему оппоненту *vous* «вы», также использует прямое дополнение *le*, сокращённое до *l'*, и форму Passé Composé (прошедшее завершённое время) *avez promis* «обещали», а также наречие времени *déjà* «уже». Затем Марин Ле Пен прибегает к приёму противопоставления, используя pronoms démonstratifs (указательное местоимение) *ça* и отрицание с глаголом в Passé Composé *n'a pas été le cas* «этого не произошло». Используя этот приём, Марин Ле Пен демонстрирует неспособность Эммануэля Макрона сдерживать данные им обещания.

В продолжении обсуждения проблем образования Марин Ле Пен использует тактику обвинения в отношении своего оппонента:

(9) *M. Macron, vous avez d'ailleurs fait, mais c'est toujours provisoire, c'est toujours transitoire, ce n'est jamais pérenne. Moi ce sera pérenne.*

Марин Ле Пен прямо обвиняет своего политического оппонента, называя его по имени *M. Macron*, или на «вы» *vous*. Затем Марин Ле Пен подчёркивает, что действия Э. Макрона всегда являются временными, для чего использует наречие времени «всегда», контекстуальные синонимы *provisoire* «временный» и *transitoire* «переходящий», отражающие позицию действующего президента Франции и имеющие в данном случае отрицательную коннотацию. В конце своего высказывания французский политик апеллирует к тактике дистанцирования с целью противопоставить «неправильной» позиции Э. Макрона свою собственную. Для этого Марин Ле Пен использует ударное местоимение *moi* «а я» и прилагательное с положительной коннотацией *pérenne* «постоянный». Помимо вербального коммуникативного поведения французский политик использует жест-иллюстратор – вскидывание рук вверх как выражение возмущения. Мимика Марин Ле Пен также свидетельствует об испытываемом ею недовольстве. Так, мимический жест «нахмуренные брови» отражает внутреннее напряжение и раздражение французского политика, которое она испытывает в момент речи своего оппонента [9, с. 181]. Согласно Г.Е. Крейдлину, жест «сжатые губы» является «невербальным показателем сильного самоконтроля со стороны жестикулирующего» и выдаёт сильное стремление Марин Ле Пен возразить своему противнику [9, с. 183].

В споре о необходимости изменения рынка электроэнергии Марин Ле Пен выступает за уход с европейского рынка электроэнергии, так как он требует от Франции резкого повышения цен на энергоносители:

(10) *Moi je veux quelque chose de pérenne et pas quelque chose de provisoire comme vous le faites.*

С целью подчеркнуть правильность своей позиции и противопоставить её «ложной» позиции своего политического оппонента Марин Ле Пен обращается к тактике дистанцирования [12, с. 25]. Так, она употребляет личное ударное местоимение единственного числа первого лица *moi* «а я» [17, р. 96]. Затем она использует противоположные по смыслу слова: прилагательное *pérenne* «постоянный» с положительной коннотацией, отражающее её позицию, и прилагательное *provisoire* «временный», имеющее в данном случае негативную коннотацию и отражающее позицию Э. Макрона [18]. Кроме того, Марин Ле Пен обращается к тактике обвинения: при помощи подчинительного союза *comme* «как» она ещё раз подчёркивает, что именно Эммануэль Макрон хочет незначительных, временных изменений на рынке энергии, которые не улучшат жизнь французов.

Далее рассмотрим особенности реализации стратегии дискредитации англоязычной дискурсивной личностью. Так, Лиз Трасс, выступая против повышения налогов, отрицательно высказывается относительно противоположного решения Риши Сунака об их повышении:

(11) *Under Rishi's plan we will end up raising corporation tax...Rishi's policies are making us less competitive.*

Тактика обвинения в данном высказывании реализуется через прямую оценку действий оппонента *under Rishi's plan* «согласно плану Риши», *Rishi's policies* «политика Риши» и лексем, выражающих негативную коннотацию: герундий+прилагательное+существительное *raising corporation tax* «повысим корпоративный налог», форму Present Continuous Tense (настоящее продолженное время) *are making us* «делает нас», которая подчёркивает, что этот негативный для экономики процесс уже происходит в данный момент, а также сложное прилагательное в сравнительной степени *less competitive* «менее конкурентоспособными» [20]. Кроме того, Лиз Трасс обращается к тактике отождествления, используя личное местоимение первого лица множественного числа *we* «мы» и притяжательное местоимение множественного числа *us* «нас». Также британский политик апеллирует к тактике указания на перспективу, используя Future Simple Tense (простое будущее время) *will*, фразовый глагол *end up* «в конечном итоге» и выражение, имеющее негативную коннотацию *raising corporation tax* «повысим корпоративный налог» [20].

(12) *Under Rishi's plan we will end up raising corporation tax to the same level it is in France.*

More than 10 percentage points higher than it is in Ireland. And companies have a choice about whether they invest in the UK or whether they invest elsewhere.

В вышеприведённом примере кандидат на пост премьер-министра Великобритании обращается к тактике указания на перспективу, используя Future Simple Tense (простое будущее время) *will*, фразовый глагол *end up* «в конечном итоге» [20] и выражение, имеющее негативную коннотацию *raising corporation tax* «повысим корпоративный налог». Также Лиз Трасс использует тактику контрастивного анализа, сравнивая корпоративный налог Франции с Ирландией при помощи вспомогательного слова *more* «более», простого прилагательного в сравнительной степени *higher* «выше», союза *than* «чем». При помощи этого сравнения Лиз Трасс хочет продемонстрировать несостоятельность экономической политики своего оппонента, который намеревается поднять налог в Англии до уровня Франции, что на 10 пунктов выше Ирландии. Далее британский политик подчёркивает, что при повышении корпоративного налога

у компаний будет выбор инвестировать им в Соединённое Королевство или же в какое-то другое государство. Этот выбор Лиз Трасс подчёркивает при помощи условных союзов *or, whether* «или».

Во время обсуждения ситуации здравоохранения в Великобритании Лиз Трасс заверяет аудиторию в том, что модернизировать национальную службу здравоохранения можно было вполне за счёт имеющихся в бюджете средств и не было необходимости в повышении взносов национального страхования:

(13) ... *The fact is, whatever Rishi says now, we did not need to raise national insurance in order to pay. We did have that money available in the budget... it was a choice to break our manifesto commitment and raise national insurance. I think it was the wrong choice to make. I spoke out against it at the time in cabinet.*

Британский политик использует набор различных тактик в данном фрагменте, но ведущей является тактика обвинения. Так, Лиз Трасс открыто обвиняет своего оппонента, называя его имя *Rishi* и используя относительное местоимение и глагол *whatever Rishi says* «что бы Риши ни сказал сейчас», оспаривает любые возражения оппонента в ответ на её реплику. Также кандидат на пост премьер-министра Великобритании обращается к тактике отождествления, используя личное местоимение первого лица множественного числа *we* «мы». Тем самым Лиз Трасс олицетворяет себя со всем правительством и говорит от его имени, отмечая ошибочность утверждения Риши Сунака о необходимости повышения налога на национальное страхование. Отметим, что для выражения критики Лиз Трасс использует отрицательную форму *The Past Simple Tense* (простое прошедшее время) и модальный глагол *need* «нужно»: *we did not need to raise national insurance* «нам не нужно было повышать уровень государственного страхования» [20]. Далее британский политик продолжает подчёркивать ошибочность решения, принятого Риши Сунаком и его коллегами в прошлом: она использует в утвердительном предложении вспомогательный глагол прошедшего времени в качестве усилителя в значении *did* «на самом деле» в сочетании со смысловым глаголом *have* «имели». При помощи данной усилительной конструкции, а также прилагательного с положительной коннотацией *available* «доступные» [20] Лиз Трасс обращает внимание, что в бюджете государства были доступные средства, необходимые для проведения реформы в сфере здравоохранения. Затем политик обращается к тактике комментирования. При помощи формы глагола в прошедшем времени *was*, лексемы *choice* «выбор», выражений с отрицательной коннотацией *break our manifesto commitment* «нарушить наши обязательства», *raise national insurance* «повысить уровень государственного страхования» Лиз Трасс усиливает отрицательный образ своего политического оппонента. В заключении своей речи англоязычная дискурсивная личность применяет тактику акцентирования, которую реализует при помощи стандартного клише для выражения своего мнения *I think* «Я считаю» [12, с. 36], формы глагола *to be* в прошедшем времени – *was*, а также лексемы с отрицательной коннотацией и смыслового глагола *it was the wrong choice to make* «это был неправильный выбор». Далее Лиз Трасс противопоставляет свои действия политике Риши Сунака и его сторонникам в кабинете министров, используя фразовый глагол в прошедшем времени *spoke out* «высказывалась», предлог *against* «против». Отметим, что несмотря на используемую ранее тактику отождествления, где британский политик говорила от имени всего правительства, в конце своей речи она употребляет исключительно «Я-конструкции», тем самым акцентируя внимание на своей более правильной позиции.

В следующем фрагменте Лиз Трасс критикует предложение Риши Сунака о повышении налогов:

(14) *If we put up taxes, which is what Rishi is proposing, corporation tax that will mean companies are less likely to invest in the United Kingdom. And we're more likely to be heading to a recession. And we know what a recession means.*

В начале своей речи Лиз Трасс обращается к тактике обвинения: при помощи First Conditional (придаточного предложения первого типа, вводимого союзом условия *if* «если») политик описывает условие, предлагаемое Риши Сунаком, *put up taxes* «повысим налоги», которое приведёт к крайне негативным последствиям для государства [20]. В основной части условного предложения политик использует Future Simple Tense (простое будущее время) *that will mean* «это будет означать». Далее Лиз Трасс обращается к ведущей в данном фрагменте тактике указания на перспективу и излагает негативные последствия предложения Риши Сунака. Отметим, что британский политик обращается к тактике акцентирования, для того чтобы обратить внимание потенциальных избирателей на несостоятельность экономических мер, предлагаемых Риши Сунаком. Для этого Лиз Трасс использует Interrogative determiners (вопросительные слова-определители *which, what*) и форму Present Continuous Tense (настоящее длительное время). Также Лиз Трасс использует тактику отождествления, трижды употребляя местоимение первого лица множественного числа *we* «мы», тем самым она отождествляет себя со всей нацией.

В ответ на реплику Риши Сунака о том, что неповышение налогов сейчас негативно отразится на экономическом состоянии «наших детей и внуков», Лиз Трасс довольно эмоционально заявляет:

(15) *That's not true. This is not true. This is not true.*

Британский политик обращается к тактике оспаривания, выражая своё ярое несогласие с мнением своего политического оппонента – она использует *demonstrative pronouns* (указательные местоимения) *that, this* [20], формы глагола *to be – is*, лексемы с отрицанием *not true* «не правда». Эти слова англоязычная дискурсивная личность сопровождает мотанием головой, общепринятым жестом отрицания, выражающим несогласие и возражение.

В данном фрагменте Лиз Трасс вновь критикует своего политического оппонента Риши Сунака:

(16) *So, all this talk about we're going to be paying these debts off. We're not going to be paying these debts off. If we go into recession, the tax take goes down from companies. And the tax take goes down from people because they're out of work so that is the reality...*

Тактику критики англоязычная дискурсивная личность реализует при помощи повтора точки зрения Риши Сунака. Лиз Трасс использует выражение *all this talk about* «все эти разговоры о», что отражает её пренебрежительное отношение к предложению своего оппонента. Далее она при помощи конструкции *to be going to* передаёт намерение Риши Сунака *we're going to be paying these debts off* «мы собираемся выплатить эти долги» [20]. В следующей реплике Лиз Трасс, используя приём противопоставления, отрицательную частицу *not* «не», опровергает слова Риши Сунака. Затем британский политик обращается к тактике указания на перспективу, для реализации которой использует Zero Conditional (условное наклонение нулевого типа): *conditional clause* (придаточное условия): *If we go into recession* «Если мы вступим в рецессию», *main clause* (главное предложение) *tax take goes down from companies* «налоговый сбор компаний сни-

зится» [20]. Лиз Трасс использует данную грамматическую конструкцию, чтобы сообщить очевидный факт *they're (people) out of work* «они остались без работы». В конце своего высказывания она использует тактику акцентирования, чтобы сфокусировать внимание аудитории на этом неблагоприятном исходе: *so that is the reality* «так что это и есть реальность».

Во время монолога Риши Сунака относительно экономических нововведений для больших компаний с целью улучшения благосостояния граждан он подчёркивает, что заботится о конкурентоспособности государства на международной арене. В ответ на эту реплику Лиз Трасс говорит своему оппоненту:

(17) *You made it worse. You made it worse.*

Она обращается к тактике обвинения, используя местоимение второго лица единственного числа *you* «вы», выражение с явной негативной коннотацией в Past Simple Tense (простое прошедшее время) *made it worse* «вы ухудшили её». Важно отметить, что эти слова англоязычная дискурсивная личность произносит во время речи своего противника, т.е. фактически перебивает его. Кроме того, Лиз Трасс сопровождает свои слова эмблематическим жестом «мотание головой», выражающим несогласие и осуждение, также она использует указующий жест – вытянутая рука ладонью вверх направлена в сторону оппонента.

Проведённый анализ позволил нам сделать следующие выводы. Стратегия дискредитации является наиболее частотной в предвыборном дискурсе Марин Ле Пен (49%). Это связано не только с выраженным агональным, состязательным характером предвыборного дискурса, но и с тем, что важными доминантными особенностями коммуникативного поведения французов являются большая эмоциональность, экспрессивность, а также большая любовь к спорам как к ясному и чёткому способу выражения своих мыслей. Рассматриваемая стратегия реализуется в пяти разных тактиках. Самой распространённой тактикой является тактика обвинения (16 примеров), далее следует тактика акцентирования (7 примеров), тактика дистанцирования (4 примера) и тактика обоснованных оценок (4 примера). Наименее частотной тактикой является тактика безличного обвинения (1 пример).

Среди всех стратегий, используемых Лиз Трасс, стратегия дискредитации занимает третье место (15%). Наиболее частотной тактикой в рамках стратегии дискредитации Лиз Трасс также является тактика обвинения (5 примеров). Довольно распространены тактики отождествления (4 примера). Наименее распространены в рамках стратегии дискредитации тактики контрастивного анализа (1 пример) и комментирования (1 пример).

Таким образом, наиболее частотной тактикой в рамках коммуникативной стратегии дискредитации Марин Ле Пен и Лиз Трасс является тактика обвинения (рис. 1 и рис. 2). Но в предвыборном дискурсе Марин Ле Пен данная тактика более многочисленна. Отметим, что в предвыборном дискурсе Лиз Трасс стратегия дискредитации воплощается в более широком наборе тактик (8), чем в дискурсе Марин Ле Пен (5). Подобное разнообразие тактик помогает британскому политику сделать её высказывания более убедительными для аудитории.

В целом, предвыборный дискурс Марин Ле Пен отличают эмоциональность и экспрессивность, выражающиеся в ведущей стратегии дискредитации, систематическом перебивании оппонента, использовании наречий интенсивности, а также высокой громкости общения, активной жестикуляции и живой мимики. Но, с другой стороны, дискурс французского политика отличается высокой степенью формальности и строгости, что выражается в официальном обращении к оппоненту, ограниченном использовании коммуникативных тактик, систематическом

использовании статистических данных. У Марин Ле Пен наблюдается довольно активная жестикация: жесты-эмблемы (указательный жест – вытянутая рука, направленная по направлению к оппоненту), жесты-иллюстраторы (широкие взмахи запястьями; ритмическое отбивание слов кистью руки при скандировании; отведении рук в сторону; сжатие рук; складывание рук в замок; ладони, сложенные вместе) и живая мимика (нахмуренные брови и сжатые губы как выражение недовольства, поднятые вверх брови как выражение удивления, непонимания).

Рис. 1. Реализация стратегии дискредитации Марин Ле Пен в предвыборной кампании 2022 г.

Рис. 2. Реализация стратегии дискредитации Лиз Трасс в предвыборной кампании 2022 г.

Напротив, коммуникативное поведение Лиз Трасс характеризуется прагматичностью, формальностью (сдержанное использование жестов, употребление профессионализмов), с одной стороны, а с другой стороны, для него характерна экспрессивность, вариативность речи, коммуникативный демократизм (использование тактики солидаризации, употребление фразовых глаголов, наречий усиления, неформальных дискурсивных маркеров, неофициальное обращение к оппоненту). При реализации стратегии дискредитации британский политик исполь-

зует указательный жест: вытянутая рука, направленная в сторону оппонента. Кроме того, коммуникативное поведение Лиз Трасс отличается определённой коммуникативной смелостью, выражающаяся в активном использовании «Я-конструкций», демонстрации профессиональных успехов, а также в неформальном обращении к собеседнику.

Таким образом, помимо описанных ранее отличий было выявлено, что в предвыборном дискурсе Марин Ле Пен и Лиз Трасс присутствуют определённые сходства: и тот и другой политик прибегает к стратегии дискредитации, кроме того, коммуникативное поведение обеих дискурсивных личностей характеризуется противоречивостью и неоднозначностью, так как они обе комбинируют в своём дискурсе экспрессивность и сдержанность для достижения своих политических целей.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Большой словарь иностранных слов. URL:https://gufo.me/dict/foreign_words/дискредитация?ysclid=1waasico53756335375 (дата обращения: 12.06.2024).
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
4. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 211 с.
5. Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-manipulyatsiya-v-pred-vybornom-diskurse-na-materiale-amerikanskogo-varianta-anglii> (дата обращения: 13.04.2023).
6. Дейк Т.А. Ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 18.05.2023).
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Козут С.В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163.
9. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 580 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 176 с.
11. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
12. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты: 10.02.01 автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 48 с.
13. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 5–16.
14. Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия «Дискурсивная личность» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2011. С. 454–463.

15. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в России и США): дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 267 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/predvybornyi-dis-kurs-zhanrovoe-svoeobrazie-i-spetsifika-yazykovogo-voploshcheniya> (дата обращения: 18.09.2023).
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
17. Charaudeau P. Grammaire de sens et de l'expression. P.: Hachette Education, 1992. 927 p.
18. Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/faux/33057> (дата обращения: 23.02.2024).
19. Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/mort> (дата обращения: 23.02.2024).
20. Cambridge. URL: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=lsxe0cnxvi399388662> (дата обращения: 10.04.2024).

References

1. Arutyunova N.D. Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 136–137. (In Russ.).
2. Big Dictionary of Foreign Words. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/diskreditatsiya?ysclid=lwaasico53756335375 (accessed: 12.06.2024). (In Russ.).
3. Borbot'ko V.G. Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguosynergetics. 2nd edition, stereotyped. Moscow: KomKniga, 2007. 288 p. (In Russ.).
4. Gaikova O.V. Pre-election discourse as a genre of political communication: on the material of the English language: Ph.D. thesis. Volgograd, 2003. 211 p. (In Russ.).
5. Golubeva T.M. Language manipulation in pre-election discourse: on the material of the American variant of the English language: dissertation abstract of Ph.D. thesis. Nizhnii Novgorod, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-manipulyatsiya-v-predvybornom-diskurse-na-materiale-amerikanskogo-varianta-anglii> (accessed: 13.04.2023). (In Russ.).
6. Deik T.A. Van, Kinch V. Strategies of understanding a coherent text. *New in foreign linguistics*. Vol. 23. Cognitive Aspects of Language. Moscow: Progress, 1988. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (accessed: 18.05.2023). (In Russ.).
7. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech, 5th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p. (In Russ.).
8. Kogut S.V. Discursive markers in written scientific discourse. *Siberian philological journal*, 2016, no. 2, pp. 157–163. (In Russ.).
9. Kreidlin G.E. Nonverbal semiotics: body language and natural language. Moscow: New Literary Review, 2002. 580 p. (In Russ.).
10. Makarov M.L. Fundamentals of the theory of discourse. Moscow: ITDGC Gnosis, 2003. 176 p. (In Russ.).
11. Mikhaleva O.L. Political discourse: specifics of manipulative influence. Moscow: LI-BROCOM Book House, 2009. 256 p. (In Russ.).
12. Parshina O.N. Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite: 10.02.01 dissertation abstract of Ph.D. thesis. Saratov, 2005. 48 p. (In Russ.).
13. Plotnikova S.N. Linguistic, communicative and discursive personality: to the problem of differentiation of concepts. *Linguistics of discourse*. Irkutsk: IGLU, 2005. P. 5–16. (In Russ.).

14. *Sinel'nikova L.N.* On the scientific legitimacy of the concept “Discursive Personality”. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*. Philological sciences. 2011. P. 454–463. (In Russ.).
15. *Khalatyan A.B.* Pre-election discourse: genre originality and specificity of linguistic embodiment (on the material of texts of election campaigns of 2008 in Russia and the USA): Ph.D. thesis. Stavropol, 2011. 267 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/predvybornyi-diskurs-zhanrovoe-svoeobrazie-i-spetsifika-yazykovogo-voploshcheniya> (accessed: 18.09.2023). (In Russ.).
16. *Sheigal E.I.* Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 324 p. (In Russ.).
17. *Charaudeau P.* Grammar of meaning and expression. Paris: Hachette Education, 1992. 927 p. (In French).
18. *Larousse*. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/faux/33057> (accessed: 23.02.2024). (In French).
19. *Le Robert*. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/mort> (accessed: 23.02.2024). (In French).
20. *Cambridge*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=lsxe0cnxvi399388662> (accessed: 10.04.2024).

Статья поступила в редакцию / Received 29.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.12.2024

Принята к публикации / Accepted 12.12.2024

Научная статья

УДК 811.1/.8

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/151-158>

Роль переводческих трансформаций в акцентуации значения языковых единиц (на примере немецкого перевода романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets»)

Анна Ильясовна Мухаметова

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук,

старший преподаватель Академического департамента английского языка

mukhametova.ai@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли переводческих трансформаций в осмыслении текста на иностранном языке. Объектом исследования выступают оригинальный англоязычный текст романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets» и его немецкоязычный вариант. В качестве предмета исследования определены переводческие трансформации, которым подвергся оригинальный текст в процессе переосмысления на немецком языке. Методы исследования, использованные в данной работе, включают сравнительно-сопоставительный анализ и контекстуальный анализ. Результаты исследования показали, что в немецком переводе романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets» в большинстве случаев встречаются конкретизация (вид трансформаций на лексическом уровне) и грамматические замены (грамматические трансформации), что подтверждает различия восприятия представителями разных культур окружающей действительности, описанной в художественном литературном произведении.

Ключевые слова: Гарри Поттер, текст, переводческие трансформации, конкретизация, грамматическая замена

Для цитирования: Мухаметова А.И. Роль переводческих трансформаций в акцентуации значения языковых единиц (на примере немецкого перевода романа «Harry Potter and the Chamber of Secrets») // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 151–158.

Original article

The role of translation transformations in emphasizing the meaning of linguistic units (as exemplified in the German translation of the novel “Harry Potter and the chamber of secrets”)

Anna I. Mukhametova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer,

Academic Department of the English Language
mukhametova.ai@dvfu.ru

Abstract. The article examines the role of translation transformations in comprehension of a text in a foreign language. The object of the research includes the original text of the novel “Harry Potter and the chamber of secrets” and its German version. The subject of the research is translation transformations used in the process of translating the English text into the German language. Methods of the research include comparative-contrastive analysis and contextual analysis. The results of the research revealed that in the German translation of the novel “Harry Potter and the chamber of secrets” mostly concretization (type of lexical transformation) and grammar replacements (grammatical transformations) are used. This proves different perception of the reality described in the literary work of art by the representatives of different cultures.

Key words: Harry Potter, text, translation transformations, concretization, grammar replacement

For citation: Mukhametova A.I. The role of translation transformations in emphasizing the meaning of linguistic units (as exemplified in the German translation of the novel “Harry Potter and the chamber of secrets”). *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 151–158. (In Russ.).

Перевод представляет собой отображение какой-либо реальности, описанной на одном языке, посредством иностранного языка. Так, мы можем говорить о привнесении в данную описываемую реальность инокультурного веяния, ведь язык, культура и мышление составляют нерушимое триединство, компоненты которого не могут отождествляться, но не могут и существовать в отрыве друг от друга [10]. Ряд лингвистов указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность языка, культуры и мышления [2; 3; 9]. Язык, по выражению немецкого языковеда Вильгельма фон Гумбольдта, является духом народа, а «дух народа есть его язык» [3, с. 68]. Таким образом, создавая свой текст, каждый автор наполняет его своим взглядом на объективную реальность и свойственными ему культурными особенностями, поскольку любой язык представляет собой инструмент «закрепления этнического мировидения» [11, с. 230]. Подобным образом переводчик, перекладывая этот текст на другой, свой родной язык, не только передает авторскую позицию, но и добавляет в него черты собственной культурно-когнитивной картины мира, сформировавшейся в его этническом сообществе. Каким бы профессиональным и опытным ни был переводчик, как бы приближенно к оригиналу он ни пытался передать содержание текста, исключить инокультурное влияние полностью не представляется возможным, поскольку любой перевод предполагает употребление тех или иных переводческих трансформаций, что обусловлено некоторыми важными факторами, такими как неодинаковые грамматические системы, лексические лакуны, соответственно, отсутствие полных прямых эквивалентов некоторых языковых единиц, что может быть связано с наличием непереводаемых культурных реалий [4].

Цель настоящего исследования состоит в определении роли переводческих трансформаций в восприятии описываемой реальности носителями того или иного языка. Переводческие трансформации представляют собой механизмы создания соответствия изначального и переводного текста, которые использует переводчик, исходя из смысла языковых единиц [7, с. 152]. Неоднократно проводились классификации переводческих трансформаций [1; 5; 8], согласно которым лингвисты выделяют три вида таких приемов: лексические, грамматические

и смешанные (лексико-грамматические) преобразования. Лексические переводческие трансформации включают транскрибирование (передачу звучания слов средствами иноязычного алфавита), транслитерирование (побуквенную передачу слов посредством иноязычной графической системы), кальку (поморфемную передачу слова или пословную передачу словосочетания посредством прямых эквивалентов из переводного языка), конкретизацию (замену оригинального слова с обобщенным значением на слово переводного языка с более узким значением), генерализацию (замену слова с конкретным значением на слово с широким значением), модуляцию (замену языковой единицы с использованием смыслового развития) [5; 7; 8]. Грамматические переводческие трансформации предполагают замену в переводном тексте оригинальных частей речи, членов предложения, типов предложений, а также включают приемы добавления или опущения языковых единиц, членения или объединения предложений. К лексико-грамматическим переводческим трансформациям относят антонимический перевод (замену в процессе перевода понятий на противоположные по значению), компенсацию (замену утраченного элемента посредством элемента другого порядка), описательный перевод (недословную передачу понятия посредством похожих по значению языковых единиц ввиду отсутствия прямого эквивалента в переводном языке) [1; 4; 8].

В данной статье рассматриваются переводческие трансформации, которым подвергся текст англоязычного романа британской писательницы Джоан К. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets» при переложении на немецкий язык, и роль этих преобразований в восприятии описываемой реальности представителями инокультурного сообщества.

Представляется необходимым начать лингвистический анализ с самого названия книги. В оригинале роман имеет заглавие «Harry Potter and the Chamber of Secrets», что на русский язык дословно переводится как «Гарри Поттер и комната секретов». В немецком варианте книга озаглавлена «Harry Potter und die Kammer des Schreckens», что на русском языке звучит как «Гарри Поттер и комната ужаса». В то время как в оригинале писатель говорит о неких неизведанных тайнах, спрятанных в вышеуказанном помещении, автор перевода, употребляя конкретизацию, указывает на то, что в комнате, о которой идет речь, находится нечто ужасающее. Так, не открывая книги, мы уже имеем возможность увидеть разноплановое восприятие описываемой действительности английским автором и немецким переводчиком, ведь название произведения зачастую отражает главную тему его содержания. По прочтении книги становится очевидным, что оба варианта заглавия верно передают суть описываемой реальности, однако интересен разновекторный взгляд автора романа и его переводчика: англоязычная писательница выносит в название книги загадку, тогда как немецкоязычный переводчик более прямолинейно высказывает свою позицию – он приоткрывает завесу тайны, прямо указывая на жуткость описываемой действительности [6, с. 2; 15, р. 114].

Рассмотрим некоторые переводческие трансформации из основного текста исследуемого произведения. Все примеры будут приводиться в одинаковой последовательности: отрывок из оригинального текста на английском языке, его перевод на немецкий и наш вариант перевода на русский язык (при переводе на русский мы будем ориентироваться на изначальный англоязычный текст). Оговоримся, что лингвистическому анализу подвергались только переводческие трансформации из немецкого текста, был выполнен сопоставительный анализ оригинального и переводного (на немецкий язык) текста романа, русский перевод дается исключительно с целью ознакомления русскоязычного читателя с общим контекстом высказываний.

Приведем предложение из повествования о первом учебном годе Гарри Поттера, в

конце которого мальчику, пережившему темные чары злейшего могущественного волшебника, пришлось столкнуться с ним еще раз:

«*Harry had slipped through Voldemort's clutches for a second time, but it had been a narrow escape*» [13, p. 10].

«*Harry war Voltmorts Klauen ein zweites Mal entkommen, doch diesmal nur um Haaresbreite*» [14, S. 12].

«Гарри ускользнул из лап Волдеморта во второй раз, но это было на грани» (здесь и далее перевод на русский язык Мухаметовой А.И.).

В приведенном предложении представлен пример лексической и грамматической переводческих трансформаций: конкретизации и антонимического перевода. Английское выражение *narrow escape* (в дословном переводе «узкий побег»), означающее чудесное спасение, переведено немецким выражением *um Haaresbreite* (дословно «на ширину волоса», *на волосок*). В оригинале коннотация выражения имеет неопределенную узкость, в то же время его немецкоязычный эквивалент обладает конкретным значением – ширина описываемого явления равна ширине волоса. Так, немецкое предложение представляется более эмоциональным, ведь читатель может наглядно представить, насколько опасной являлась описываемая ситуация.

Следующий пример взят из контекста описания сцены, в которой главный герой романа, Гарри Поттер, и его лучший друг, Рон Уизли, не могут попасть на школьный поезд, поскольку вход на перрон оказывается закрытым. В панике из-за невозможности доехать до школы со своими сверстниками, друзья решаются на отчаянный шаг – использовать магию (что запрещено законом, ограничивающим волшебные действия со стороны не достигших совершеннолетия магов) и добраться до школы на летающей машине отца Рона:

«*We're stuck, right?*» [13, p. 58].

«*Wir stecken in der Klemme, oder?*» [14, S. 73].

«*Мы застряли, верно?*».

В данном предложении использована грамматическая трансформация добавления. Английская идиома *be stuck* (дословно «быть застрявшим», *зайти в тупик, быть в затруднении*) в немецком языке имеет идиоматический эквивалент, в котором, однако, содержится дополнительная лексема – *in der Klemme stecken* (дословно «застревать в тисках», *попасть в затруднительное положение*). По прочтении оригинала и немецкого варианта этого предложения создается нетождественное впечатление – с точки зрения грамматики в английском тексте друзья застряли на одном месте и сами не могут продвинуться вперед; в немецкой версии мальчики попали в тиски, то есть их держит какая-то сторонняя сила, из-за которой они не могут попасть в желаемое место.

Далее рассмотрим предложение из контекста, в котором рассказывается о штрафной работе Гарри Поттера – за то, что он нарушил правила, запрещающие несовершеннолетним волшебникам колдовать вне стен учебного заведения, и прибыл в школу на летающем автомобиле, мальчику дали задание помогать учителю защиты от темных искусств в написании ответов на письма поклонников. Главный герой занимался этим на протяжении нескольких долгих часов:

«*The candles burned lower and lower <...>*» [13, p. 98].

«*Die Kerzen brannten zur Neige <...>*» [14, S. 125].

«*Свечи сгорали ниже и ниже <...>*».

Англоязычное словосочетание из двух повторяющихся прилагательных в сравнительной степени, соединенных сочинительным союзом, *lower and lower* (*ниже и ниже*) переведено немецким устойчивым сочетанием *zur Neige*, имеющим разные варианты перевода в зависимости от контекста. Например, в выражении *bis zur Neige auskosten* оно будет иметь значение «в полной мере, до дна» (*испытать в полной мере, испить до дна*); в предложении *der Tag geht zur Neige* это же сочетание может переводиться как «к исходу» (*день идет к исходу, клонится к вечеру*). Таким образом, сочетание *zur Neige* имеет общее значение окончания, конкретизирующееся в переводе от контекста к контексту. В нашем предложении речь идет о свечах, поэтому в переводе на русский язык мы можем применить опущение, оставив только глагол «догорать». Рассматривая трансформации, произошедшие при переводе с английского на немецкий язык, здесь имеет место быть грамматическая замена – два прилагательных замещаются предлогом с существительным. Также можно говорить о конкретизации – лексема *lower* (*ниже*) не дает четкого представления о размере, мы лишь понимаем, что речь идет о чем-то меньшем, чем оно было изначально, в то же время выражение *zur Neige*, характеризующее исход чего-то, дает более точное понимание происходящего – чего-то становится не просто меньше на неопределенную меру, а это что-то подходит к концу; не столь важно, насколько большим оно было, главное то, что на данный момент его практически не осталось. Так, мы видим более точный образ описываемых свечей в немецкоязычной версии романа.

Перейдем к анализу других примеров переводческих трансформаций из текста исследуемого романа. Следующий пример взят из контекста сцены, в которой один из главных героев романа, ученик школы магии Рон Уизли, сидя за обеденным столом в учебном заведении, получает от своих родителей Громовещатель – волшебное письмо, которое само громко выкрикивает свое содержание адресату:

«<...> *a roar of sound filled the huge Hall*» [13, p. 73].

«<...> *ein ohrenbetäubendes Dröhnen erschütterte die riesige Halle*» [14, S. 91].

«<...> *грохочущий звук наполнил большой зал*».

В данном предложении мы видим яркий пример переводческих трансформаций, употребленных с целью усиления значения исходных языковых единиц. Во-первых, здесь наблюдается грамматическая замена – замена частей речи. В оригинальном тексте автор использует два имени существительных (*roar* и *sound*), одно из которых при переводе на немецкий язык замещается именем прилагательным, тогда как при переводе второго переводчик использует лексический прием конкретизации, заменяя существительное с общим значением на существительное с более узким значением. Английское словосочетание *roar of sound* (где *roar* – *рев*, *sound* – *звук*) переводится на немецкий как *ohrenbetäubendes Dröhnen* (где *ohrenbetäubendes* – *оглушительный* (дословно «ушесглушающий»), *Dröhnen* – *рев*). Таким образом, переводчик усиливает значение оригинального словосочетания, в котором только одна лексема имеет оттенок определенной направленности (*рев звука*), используя в качестве эквивалента две лексемы с точной коннотацией (*оглушительный рев*).

В отношении передачи глагола мы можем говорить о конкретизации. Английский глагол *fill* (*наполнять*) имеет более общее значение, тогда как его немецкий эквивалент в данном контексте *erschüttern* (*сотрясать*) может расцениваться как более узконаправленный. Имеет место также разнонаправленность вектора действия. Наполнение воспринимается как спокойный процесс, обыкновено происходящий постепенно и из одной точки (часто сверху вниз),

сотрясение же воспринимается как сильное, экспрессивное действие, внезапно обрушивающееся со всех сторон.

Так, переводчик неоднократно усиливает эмоциональность изначального высказывания, конкретизируя детали.

Следующий пример взят из того же контекста. В нем повествуется о событиях, последовавших за тем, как Громковещатель закончил свой монолог:

«*A ringing silence fell*» [13, p. 74].

«*Grabesstille machte sich breit*» [14, S. 92].

«Наступила звенящая тишина».

В данном случае использована такая переводческая трансформация, как грамматическое замещение. Английское словосочетание, состоящее из прилагательного и существительного (*ringing silence* – звенящая тишина), передается в немецком переводе при помощи одного сложного существительного (*Grabesstille*, где *Grab* – могила, *s* – соединительная согласная, *Stille* – тишина). В то же время это пример антонимического перевода. Англоязычное прилагательное *ringing* в отношении звука имеет значение «громкий и ясный», таким образом, *ringing silence* – это тишина «громкая», тишина, которую отчетливо слышно. Немецкое же существительное *Grabesstille* имеет противоположную коннотацию – это тишина мертвая, абсолютная, беззвучная.

Так, сопоставив оригинальный и переводной варианты представленного выше предложения, мы можем сделать вывод о разновекторности восприятия реальности автором английского текста и создателем его немецкой адаптации. С одной стороны, английское прилагательное *ringing* (*звенящий*) ассоциируется с обитаемым местом, шумным, оживленным, создавая, таким образом, впечатление яркое и положительное. С другой стороны, лексема *Grab* (*могила*) из немецкоязычной версии пробуждает мрачные ассоциации, создавая давящую атмосферу обреченности [15, p. 115–116].

Другая языковая единица, подвергшаяся переводческой трансформации в немецком варианте, – глагол *fell* (*fall* – *надать*). Он замещается немецкоязычным возвратным глаголом с отделяемой приставкой *machte sich breit* (*sich breitmachen* – *распространяться*). Такая трансформация представляет собой пример лексико-семантического замещения, при переводе меняется вектор воздействия, передаваемый глаголом. Лексема *fall* (*надать*) определяет движение сверху вниз, тогда как глагол *sich breitmachen* (*распространяться*) передает перемещение из одной точки по всему пространству.

Следующий пример также взят из вышеупомянутого контекста. Автор продолжает повествование о реакции, вызванной среди учеников присланным родителями Рона письмом Громковещателем:

«*A few people laughed and gradually, a babble of talk broke out again*» [13, p. 74].

«*Ein paar Schüler lachten und allmählich stellte sich wieder munteres Geplapper ein*» [14, S. 92].

«Несколько людей посмеялись, и постепенно лепет возобновился».

В этой сцене немецкий переводчик употребил двойную конкретизацию. Во-первых, он заменил англоязычное словосочетание *a few people* (*несколько людей*) на немецкоязычное *ein paar Schüler* (*пара школьников*). Англоязычная лексема *few* имеет значение некоторого неопределенного количества (*немного, несколько*). Немецкоязычное словосочетание *ein paar* также означает небольшое количество, однако все же в некоторой степени конкретизирует возможное число, поскольку может переводиться и как «парочка, два-три». Во-вторых, переводчик заменя-

ет англоязычное существительное с обобщенным значением *people* (люди) конкретным немецкоязычным существительным *Schüler* (школьники). Далее, мы видим грамматическую замену – одно из существительных замещается прилагательным (*babble of talk* (дословно «бормотание болтовни») – *munteres Geplapper* (веселая болтовня)). Здесь же применяется конкретизация – если в оригинале речь идет о каком-то неопределенном разговоре, то в немецком переводе беседе дается определенно положительный вектор, она оживленная, радостная. Таким образом, немецкоязычный вариант представляется более экспрессивным и эмоциональным.

Далее, очевидна разновекторная направленность процесса, означаемого глаголами. Английский фразовый глагол *break out* имеет значение «неожиданно начинаться, распространяться». Немецкий возвратный глагол с отделяемой приставкой *sich einstellen* передает смысл «устанавливаться, занимать позицию». Мы можем говорить о лексико-семантической замене. Англоязычный вариант звучит более эмоционально, неожиданно, тогда как немецкий перевод более серьезен. В оригинале какие-то люди вдруг, неожиданно начинают разговор неопределенной направленности, в немецком же тексте школьники намеренно и уверенно вступают в определенно радостную беседу.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ переводческих трансформаций фрагментов романа Дж. К. Роулинг «Harry Potter and the Chamber of Secrets» и их перевода на немецкий язык позволил сделать вывод о том, что механизмы переложения текста с одного языка на другой имеют важнейшее значение для восприятия произведения читателем. В большинстве случаев в немецком переводе используются грамматические замены и лексический прием конкретизации. Такие трансформации необходимы ввиду сохранения когезии и когерентности текста [15, р. 116], однако некоторые из них приносят в содержание произведения несвойственные оригиналу коннотационные оттенки. Исследование приведенных выше текстовых отрывков показало, что стиль оригинального произведения имеет в основном нейтральный и обобщенный характер, тогда как немецкоязычный перевод представляется более детализированным и эмоциональным.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. ЛКИ. 2008. 235 с.
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. Едиториал УРСС. 2004. 232 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. с. 450.
4. Илюшкина М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с.
5. Комиссаров В.Н., Черняховская Л.А., Латышев Л.К. Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 165 с.
6. Мухаметова А.И. Переводческие трансформации в тексте романа «Гарри Поттер и тайная комната» (на примере перевода на немецкий и русский языки) // *Russian Linguistic Bulletin*, 2024. № 8 (56). С. 1–4.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
8. Прошина З.Г. Теория перевода. Вл-к: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 276 с.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации: М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2007. 286 с.

11. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: «Индрик», 1995. 512 с.
12. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.
13. Rowling J.K. *Harry Potter and the Chamber of Secrets*. Bloomsbury, 1998. 374 p.
14. Rowling J.K. *Harry Potter und die Kammer des Schreckens*. Carlsen, 2018. 351 S.
15. Mukhametova A.I. Translation Transformations as a Means of Strengthening of the Connotation of a Linguistic Unit (as Exemplified in the German Translation of the «Harry Potter and the Chamber of Secrets») // *Scientific Research of the SCO 3 Countries: Sinergy and Integration: сборник научных статей международной конференции*. Пекин, 2024. С. 113 – 117.

References

1. Barkhudarov L.S. *Language and Translation: Issues of the General and Particular Theory of Translation*. LKI Publ., 2008. 235 p. (In Russ.).
2. Weisgerber L. *Native Language and Formation of Spirit*. Editorial URSS. 2004. 232 p. (In Russ.).
3. Humboldt W. *Language and Philosophy of Culture*. Moscow: Progress Publ., 1985. 450 p. (In Russ.).
4. Ilyushkina M.U. *Theory of Translation: Main Concepts and Problems*. Ekaterinburg. Ural University Publ., 2015. 84 p. (In Russ.).
5. Komissarov V.N., Chernyakhovskaya L.A., Latyishev L.K. *Text and Translation*. Moscow: Science Publ., 1988. 165 p. (In Russ.).
6. Mukhametova A.I. Translation Transformations in the Text «Harry Potter and the Chamber of Secrets» (as Exemplified in its German and Russian Translations). *Russian Linguistic Bulletin*, 2024. No. 8(56). P. 1–4. (In Russ.).
7. Nelyubin L.L. *Explanatory Translation Dictionary*. Moscow: Flinta: Science Publ., 2003. 320 p. (In Russ.).
8. Proshina Z.G. *Theory of Translation*. Vl-k: Far Eastern Federal University Publ., 2008. 276 p. (In Russ.).
9. Sefyr E. *Chosen Works in Linguistics and Culturology*. Moscow. 1993. 656 p. (In Russ.).
10. Ter-Minasova S.G. *War and Peace of Languages and Cultures: Issues of Theory and Practice of Interlinguistic and Intercultural Communication*. Moscow: AST-Astrel-Khranitel Publ., 2007. 286 p. (In Russ.).
11. Tolstoy N.I. *Language and Volk Culture: Outlines of Slavik Mythology and Ethnolinguistics*. Moscow: Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russ.).
12. Whorf B.L. *Relations of Norms of Behaviour and Cognition to the Language*. Moscow: Foreign Literature Publ., 1960. P. 135–168. (In Russ.).
13. Rowling J.K. *Harry Potter and the Chamber of Secrets*. Bloomsbury, 1998. 374 p. (In Eng.).
14. Rowling J.K. *Harry Potter und die Kammer des Schreckens*. Carlsen, 2018. 351 S. (In Ger.).
15. Mukhametova A.I. Translation Transformations as a Means of Strengthening of the Connotation of a Linguistic Unit (as Exemplified in the German Translation of the «Harry Potter and the Chamber of Secrets»). *Scientific Research of the SCO 3 Countries: Sinergy and Integration: Collection of Scientific Articles of International Conference*. Beijing, 2024. P. 113–117. (In Eng.).

Статья поступила в редакцию / Received 01.10.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 10.10.2024

Принята к публикации / Accepted 03.11.2024

Научная статья

УДК 81`373.613

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/159-168>

**Особенности заимствования неологизмов
из английского в русский и испанский языки:
сопоставительный анализ**

Екатерина Викторовна Бондарева

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики

и межкультурной коммуникации,

bondareva.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8106-2427>

Аннотация. В настоящей работе рассматривается специфика заимствования новой англоязычной лексики в русский и испанский языки. Данный способ пополнения словарного состава на современном этапе продолжает оставаться одним из наиболее продуктивных, однако параметры освоения такой лексики в принимающем языке зависят как от экстралингвистических, так и от внутриязыковых факторов. Русский и испанский языки активно перенимают английскую лексику, которая требует адаптации в системе реципиентов, в частности на уровне графики, фонетики и морфологии. Поскольку вышеуказанные языки-реципиенты обладают схожими грамматическими параметрами, одной из задач исследования стало выявление похожих механизмов заимствования. Кроме того, в статье определяются специфические черты этого процесса и описываются причины найденных сходств и различий.

Ключевые слова: заимствование, неологизм, англицизм, русский язык, испанский язык, калькирование

Для цитирования: Бондарева Е.В. Особенности заимствования неологизмов из английского в русский и испанский языки: сопоставительный анализ // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 159–168.

Original article

**Specific features of borrowing neologisms from English
into Russian and Spanish: a comparative analysis**

Ekaterina V. Bondareva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Department of Linguistics and Intercultural Communication,

bondareva.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8106-2427>

© Бондарева Е.В., 2024

Abstract. This paper deals with the specific features of borrowing new English-language words into Russian and Spanish. This method of vocabulary acquisition continues to be one of the most productive, but the parameters of the acquiring such vocabulary in the receiving language depend on both extralinguistic and intralinguistic factors. Russian and Spanish still actively adopt the lexicon of English, which requires adaptation to the system of the receiving languages, in particular, in their orthography, phonetics, and morphology. Since the above-mentioned recipient languages have similar grammatical parameters, the study seeks to identify the similarity in their mechanisms of borrowing. In addition, the article indicates specific features of this process and describes the reasons for the revealed similarities and differences.

Key words: borrowing, neologism, anglicism, Russian language, Spanish language, calques

For citation: Bondareva E.V. Specific features of borrowing neologisms from English into Russian and Spanish: a comparative analysis. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 159–168. (In Russ.).

Феномен заимствования лексики, не теряющий своей актуальности в лингвистических исследованиях в силу активизации межкультурных контактов в современном мире, характеризуется как рядом универсальных параметров, так и специфическими чертами, зависящими от того, какая пара языков «донор – реципиент» рассматривается. *Целью* настоящей статьи является определение особенностей заимствования неологизмов английского языка в русский и испанский языки. В ходе работы поставлены следующие *задачи*: дать общую характеристику неологизмов английского языка, внесённых в словарь в 2023 году, провести количественный и качественный анализ заимствования данной лексики в русский и испанский языки, определить схожие и специфические тенденции процесса заимствования в двух указанных парах языков, обусловленные как внутриязыковыми факторами, так и экстралингвистическими причинами.

Заимствование лексики является одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава, однако при рассмотрении новой лексики английского языка, сформировавшейся и внесённой в лексикографические источники за последние десять лет, можно констатировать, что на современном этапе английский язык чаще использует собственные внутренние ресурсы для расширения своей словарной базы и описания изменений окружающего мира [5]. Это можно объяснить тем, что на ранних этапах существования английский язык обладал высокой принимающей способностью, то есть активно заимствовал лексику из других языков [7]. В настоящее время доминирование английского языка как международного обусловило усиление его роли как донора лексики, нежели как реципиента.

Заимствования из английского языка широко освещаются в научной литературе, в том числе на материале русского и испанского языков. Отмечается, что их типологическое сходство определяет ряд общих тенденций в адаптации заимствований. Магистральными процессами в отношении способа переноса лексической единицы в обоих языках являются заимствование формы (орфографические и фонетические – транслитерация и транскрипция), заимствование семантики, заимствование формы и семантики (перенос единицы в неизменном виде), калька [1; 6].

Любое заимствование проходит процесс адаптации в новой среде и интеграции в систему принимающего языка. Отмечается, что испанский язык часто заимствует англицизмы в неизменной форме, сохраняя исходный фонетический облик и графику [8, с. 37]. Основной

акцент в исследовании и категоризации таких единиц делается не на форме, а на источнике и частоте использования такой лексики [9]. В русском языке заимствование также может происходить без особых изменений на начальном этапе, однако бóльшая разница алфавитов обуславливает ряд модификаций, без которых функционирование данных единиц будет затруднительно. В первую очередь к ним относятся фонетические и морфологические изменения, а именно подчинение законам чередования и сочетания звуковых единиц в плане звучания, и приобретение парадигмы словоизменения в соответствии с частеречной принадлежностью [4, с. 56]. Стоит отметить, что и для русского, и для испанского актуален вопрос освоения существительных в рамках категории рода, невыраженной в английском языке в той же степени. Однако этот процесс имеет свои особенности – в русском языке род существительного обусловлен морфологическими параметрами слова, в то время как в испанском род заимствования часто определяется по аналогии с уже существующим в языке семантическим аналогом (например, лексема *la web* получила категорию женского рода, как и у её синонима *la red*) [2, с. 50; 11]. Соответственно, при исследовании неологизмов, заимствованных из английского языка в русский и испанский, можно ожидать большое количество сходных процессов, а разница будет проявляться в количественных параметрах и механизме адаптации отдельных единиц к системе принимающего языка.

Для проведения настоящего исследования была отобрана лексика, зарегистрированная как новая в 2023 году лексикографическим ресурсом Dictionary.com, являющимся частью компании Random House и публикующим материалы по данным словаря Random House unabridged version [10]. При формировании выборки не учитывались слова, заимствованные из других языков (например, *jolabokafloð* – исландский язык), поскольку нас интересуют именно тенденции обмена в парах английский – русский и английский – испанский, и опосредованное заимствование не входит в задачи исследования. В итоговую выборку вошло 60 единиц, среди которых почти половину (29 примеров, например, *nepo baby*, *grandfamily*, *presentism*) составила лексика, описывающая общественную жизнь и связанные с ней явления и процессы. Менее объёмные тематические группы касаются вопросов технического прогресса (12 единиц, среди них *chatbot*, *GPT*, *generative AI*), медицины (6 единиц, в частности, *to doctor shop*, *sleep debt*), климата и экологии (4 единицы, например, *atmospheric river*) и спорта (1 единица – *NIL (name, image, likeness)*). Восемь единиц были отнесены в группу общеупотребительной лексики (например, *jawn*, *unsee*, *Blursday*).

С точки зрения морфологического статуса значительная часть выборки представлена существительными (39 единиц) и в меньшей степени прилагательными (10 единиц), глаголами (6 единиц), аббревиатурами (5 единиц). Значительное преобладание неологизмов-существительных вполне ожидаемо, так как одна из функций новой лексики – наименовывать предметы и явления. С точки зрения структуры установлено, что чаще всего в английском языке появляются не однословные единицы, а словосочетания – 40% (24 единицы). Это тоже вполне логично, ведь часто новая лексика не столько наименоует нечто концептуально новое, сколько уточняет существующие номинации в свете популяризации определённых явлений или создания новых вариаций уже существовавших понятий. Например, инновационный подход к строительству, направленный на создание антивандальных объектов, получил название *hostile architecture* за счёт комбинации уже имевшихся в языке слов для создания нового термина.

Если говорить о формировании однословных неологизмов, они чаще образованы аффиксацией (28% – 17 единиц), причём в основном при помощи префикса или префиксоида (15 единиц). Суффиксация выявлена только в двух случаях (*to pessimize, presentism*). Более продуктивными аффиксами оказались префиксоиды греческого происхождения, среди которых auto- (autosexual, autoromatic), bio- (biohacking), crypto- (cryptofascism), neo- (neobank), poly- (polysexual, polyromantic). Поскольку использование этих префиксоидов не ограничено английским языком и они считаются интернациональными, то их наличие может облегчить переход лексики в другие языки.

Сложные слова представляют 23% из общей выборки (14 единиц) – словосложение (например, *sportswashing*), аббревиация (NIL), словослияние (*jugging – jug + mugging*). Поскольку лексика, образованная таким образом, часто заимствуется путём буквального перевода на язык-реципиент, то есть калькированием, логично предположить, что существенная часть данной лексики, заимствованной русским и испанским языками, будет именно кальками.

Менее частотные способы представлены усечением (*algo* от *algorithm* в сленге программистов) и семантическими способами (метафорический перенос – *stealth* и *hallucinate*; метонимический перенос – *campaign*). Однако здесь важно отметить, что семантические способы нельзя назвать непродуктивными. Они часто используются в сочетании с другими моделями словообразования и встречаются в случае не однокомпонентных единиц, а в словосочетаниях. В выборке было выявлено по десять метафорических и метонимических переносов. Примером метонимического переноса по принципу «причина – следствие» в устойчивом словосочетании может служить термин *climate refugee*, который обозначает человека, вынужденного покинуть свою страну из-за тяжёлых погодных условий. Метафорический перенос присутствует в другом термине *rage farming*, где культивация нетерпимости в социальных сетях сравнивается с разведением живности. Семантические способы образования новых слов часто способствуют заимствованию через калькирование при наличии аналогичных единиц, входящих в словосочетание, и совпадении переносимых образов. Кроме того, в настоящее время большие массивы текстов часто подвергаются машинному переводу, который передаёт подобные метафорические или метонимические наименования буквально, то есть способствует распространению именно калькированных форм.

Следующим этапом анализа было выявление факта заимствования лексических единиц из исходной выборки в русский и испанский языки. Поскольку исследование проводится на основе неологизмов, внесённых в словарь английского языка в 2023 г., такие заимствования не всегда успевают отразиться в лексикографических источниках языков-реципиентов, поэтому их поиск производился преимущественно не в словарях, а в различных онлайн-ресурсах, а именно: новостных сайтах, веб-энциклопедиях, социальных сетях. В результате было установлено, что из исходных 60 единиц английского языка в русском существует хотя бы один заимствованный эквивалент для 34 единиц. Семь единиц имеют более одного варианта передачи, а для 19 не был установлен факт заимствования, то есть они либо не были найдены вовсе, либо в языке уже имеются собственные наименования для референтов англоязычных единиц. В испанском языке количественные показатели очень похожи: 36 единиц имеют один заимствованный аналог, 13 единиц были найдены в нескольких вариантах, отличающихся по способу заимствования, а ещё 11 единиц не подтвердили факт заимствования. Общее количество полученных единиц (с учётом наличия нескольких вариантов для одной исходной единицы и отсутствием заимствования для ряда англицизмов) составило 64 примера в испанском языке и

53 примера – в русском. Таким образом, количество неологизмов, перенесённых в русский и испанский языки хотя бы в одном варианте, практически совпало, однако общее количество полученных единиц в испанском больше, так как не все примеры новой лексики английского языка были заимствованы русским. Более подробно соотношение совпадающих заимствований в двух исследуемых языках, а также расхождения и их причины будут рассмотрены далее.

При заимствовании англоязычных единиц как в русский, так и в испанский языки был использован широкий спектр механизмов, среди которых:

– калькирование – дословный или адаптированный под систему принимающего языка перевод; помимо структурных калек в эту категорию были отнесены также кальки семантические и полукальки;

– транскрипция – заимствование звуковой оболочки слова, передаваемой средствами графики принимающего языка;

– транслитерация – заимствование графического облика слова (при необходимости передаваемого буквами алфавита принимающего языка) с изменением звучания в соответствии с правилами языка-реципиента;

– трансплантация – перенос заимствованного слова в язык-реципиент с полным сохранением исходного графического облика [3, с. 130]; в случае испанского языка, алфавит которого преимущественно совпадает с английским, трансплантированными единицами считались те, которые употреблялись в кавычках, а также аббревиатуры, сохраняющие порядок слов исходного языка, то есть не модифицируются при переносе. Кроме того, трансплантированная единица будет полностью сохранять исходную орфографию и фонетику, что отличает её от транскрибированной или транслитерированной.

Если соотнести заимствования рассматриваемых языков по использованию вышеуказанных способов, то преобладающим механизмом в обеих выборках будет калькирование (46 примеров из 64 в испанском языке, 35 примеров из 53 – в русском; 72% и 66% соответственно). Относительно механических способов в исследуемых языках обнаружена диспропорция – трансплантация преобладает в испанском языке (17 примеров – 26%), в то время как в русском языке таких примеров немного (4 примера – 8%) и в основном это трансплантация аббревиатур сферы технологий, вроде GPT и LLM. В то же время в русском больше транслитерированных (8 примеров – 15%) и транскрибированных (6 примеров – 11%) заимствований, тогда как в испанском транслитерация только одна (chatbot), а транскрипций не было установлено совсем. Кроме того, в обоих языках одна и та же единица была перенесена описательно – наименование феномена из сети TikTok shower orange передано при помощи объяснения через глагольную конструкцию в испанском (comer la naranja en la ducha) и со смещением фокуса с объекта на процесс в русском (поедание апельсинов в душе).

Далее был проведён сопоставительный анализ заимствований в русском и испанском языках относительно совпадения или расхождения механизмов переноса лексики в указанные языки. В результате выявлено, что чуть больше половины исходной выборки (35 единиц – 58%) отражает идентичную ситуацию заимствования в обоих языках, а в 42% (25 единиц) эти процессы для одних и тех же единиц различаются. Такая незначительная разница между этими двумя группами не позволяет сделать каких-то однозначных выводов на основании только количественных данных, соответственно, требуется более подробный анализ каждой из них.

Как уже было отмечено, большая часть выборки имеет полное сходство механизмов заимствования, основным из которых стало калькирование – 23 примера из 35. Однако его

можно подразделить на следующие подгруппы:

– структурное калькирование – 16 примеров (например, информационное загрязнение / *contaminación informativa*, усталость от принятия решений / *fatiga de decisión*, климатический преступник / *criminal climático*);

– семантическое калькирование – 2 примера (галлюцинировать / *alucinar* в отношении способности искусственного интеллекта создавать ложные данные и выдавать их за правду; кампания / *campaña* о типе истории в компьютерных ролевых играх, которая распространяется на несколько игровых сессий);

– полукалькирование – 5 примеров (например, необанк / *neobanco*).

Некоторые единицы (4 примера) из этой же группы были заимствованы в язык-реципиент в более чем одной форме, причём одна из них часто трансплантирована, а вторая калькирована. В большей степени это касается аббревиатур, например, CODA – дети CODA/ребенок глухих взрослых и CODA/hijos oyentes de padres sordos. Подобный процесс вполне объясним тем, что дешифровка, то есть калькированный перевод исходной аббревиатуры, требуется в языке для понимания термина, в то время как использование англоязычной аббревиатуры позволяет не только экономить языковые средства, но и унифицировать номинацию подобных феноменов для межкультурного взаимодействия. Тем не менее есть примеры данной модели, где и трансплантируется, и калькируется не аббревиатура, а словосочетание. В частности, заимствование *coffee* пар существует как в исходном виде (в испанском оно заключается в кавычки), так и в переведённой форме – кофейная дрёма и *siesta de café*. Интересно, что в испанской кальке пар переводится при помощи реалии *siesta*, которая обозначает такую культурную практику, как сон после принятия пищи, часто в обед, в то время как дрёма в русском языке больше отражает состояние сонливости или собственно сон без привязки ко времени суток.

Ряд единиц (8 примеров) из исходной выборки не нашли отражения в обоих языках-реципиентах. В некоторых случаях это связано с тем, что в культурах языков-реципиентов отсутствует какой-либо феномен англоязычного общества. Ярким примером здесь может послужить глагол *to doctor shop*, обозначающий приобретение рецептурного препарата сразу у нескольких докторов. Отсутствие номинации данного феномена в русском и испанском языках не обязательно означает отсутствие самого феномена как такового, однако его значимость и частота не так высоки, чтобы в языке возникла потребность выделения конкретного названия для него. Другим примером отсутствия однословного аналога английского неологизма в рассмотренных языках-реципиентах стали случаи, когда в принимающих языках уже существует собственная номинация. Например, для единиц, созданных при помощи отрицательного префикса (*unfalsifiable*, *unsubscribe*), не возникло потребности заимствования, так как для их референтов уже существуют довольно укоренившиеся наименования, как однокомпонентные (неподдельный – *infalsificable* для *unfalsifiable*), так и более распространённые (отменить отправку сообщения – *cancelar el envío* для *unsubscribe*), поэтому повторная номинация была бы излишней.

Один пример данной группы стоит отметить особо, поскольку он не был заимствован ни в один из рассматриваемых языков по разным причинам. *Algo*, выступающий в английском языке в качестве усечённого аналога *algorithm* в речи программистов, не был найден ни в русском, ни в испанском языке. Однако причина в испанском языке, вероятно, в том, что это заимствование стало бы лексико-грамматическим омонимом к уже существующему неопределённому местоимению *algo*, что могло бы вызвать коммуникативные проблемы. В русском языке

такое потенциальное совпадение для данного слова отсутствует, но усечённой формы для «алгоритма» тоже найдено не было.

Два примера из совпавших в обоих языках заимствований представляют собой единичные случаи – транслитерация *chatbot* и расширение *shower orange*, которые были рассмотрены выше.

Вторая группа лексических единиц, заимствованных в русском и испанском языках разными способами, по количеству примеров не сильно отличается от первой рассмотренной, однако позволяет сопоставить разницу подходов к заимствованию единиц из одного языка. Данную группу можно разделить на следующие типы расхождений:

1. Разные способы заимствования (14 примеров). Здесь расхождения касались использования отличающихся механизмов переноса иностранной единицы в принимающий язык. Так, часто трансплантированным или полукалькированным единицам в испанском языке соответствовали транслитерированные или транскрибированные в русском – *Big Pharma* / Биг Фарма, *kinkeeping* / кинкипинг. Иногда в первом языке сосуществуют два варианта исходной единицы (трансплантированная и калькированная), а в русском присутствует только одна (транслитерированная) версия – *sportswashing* / *blanqueamiento deportivo* и спортсвошинг, *biohacking* / *piratería corporal* и биохакинг.

В эту же группу были определены и те примеры, где способ заимствования совпадал (калькирование), но его реализация отличалась. Сюда можно отнести разницу в использовании структурного калькирования и полукалек – термин *bloatware* в русском языке переведён дословно как раздутое программное обеспечение, а в испанском, наряду с трансплантатом, существует полукалька *software inflado*. Другой вариант, когда в русском языке используется калькирование без модификаций, в то время как в испанском наблюдаются изменения, вызванные требованиями системы принимающего языка. В основном речь идёт о перестановке элементов и добавлении слов. Например, термин *chain migration* в русском языке калькирован дословно как цепная миграция, а испанский термин – с использованием изменения порядка слов и смены главного и зависимого элементов словосочетания *cadena migratoria*.

В этой же группе можно отметить использование полукалькирования в испанском языке и транслитерации со сменой части речи в русском. Например, однокоренные прилагательные *polyromantic* и *autoromantic*, использующиеся в психологии для характеристики человека и его склонности испытывать симпатию к другим людям, полукалькированы в испанский как *poliromántico* и *autoromántico* соответственно, в то время как в русском произошла транслитерация полиромантик и авторомантик, спровоцировавшая смену части речи с прилагательного на существительное из-за разницы морфологического оформления данных частей речи в описываемых языках.

2. Наличие заимствования в одном языке и отсутствие в другом (11 примеров), причём в основном отсутствие аналога было отмечено в русском языке. Так, в испанском языке не было обнаружено заимствования для глаголов *unsee* и *pessimize*, тогда как в русском языке присутствуют калькированные *развидеть* и *пессимизировать*. В то же время девять единиц, имеющие аналог в испанском, не были обнаружены в русском, и часто это обусловлено отсутствием аналогичного феномена в принимающей культуре. Например, прилагательное *minority-owned*, определяющее юридическое лицо, принадлежащее представителям какой-либо группы меньшинств в обществе, в испанском языке калькировано как *(negocios) propiedad de minorías* (иногда появляется включение женщин в эту номинацию, чего нет в исходном языке

– propiedad de minorías y mujeres). В русском языке такого примера не было обнаружено, возможно, в силу отличия терминологии предпринимательства в российской экономике и праве. Также отсутствие аналога в русском языке могло быть вызвано тем, что для рассматриваемой единицы уже есть закреплённое собственное наименование, поэтому вторичная номинация была бы избыточной. В частности, для словосочетания sleep debt не было обнаружено заимствованного русскоязычного аналога, так как для обозначения разницы между потребностью человека в ночном отдыхе и фактическим количеством сна используется существительное недосып. В испанском же была выявлена калька deuda de sueño.

В результате можно заключить, что калькирование является наиболее продуктивным способом заимствования в обоих языках, что обусловлено частой многокомпонентностью исходных англоязычных единиц и удобством именно переводной техники для их переноса в язык-реципиент. Морфологическая и синтаксическая интеграция в случае калькирования происходит за счёт использования единиц самого языка. Однако испанские кальки чаще имеют иной порядок слов по сравнению с исходной единицей, что обусловлено правилами соединения слов в словосочетаниях с атрибутивной связью.

Сохранение исходной формы слова также довольно распространено в обоих языках при заимствовании английских неологизмов, однако русский язык больше опирается на такие механические способы, как транскрипция и транслитерация, в то время как испанский чаще трансплантирует лексику, чему может способствовать сходство алфавита донора и реципиента. При использовании механических способов переноса языку часто приходится адаптировать такие единицы морфологически, в частности присваивать им категорию рода, и здесь мы тоже можем говорить о совпадении тенденции. Наиболее продуктивным в обоих языках является образование существительных мужского рода, так как примеров женского рода для такой лексики не было выявлено. В испанских трансплантированных заимствованиях мужской род чаще манифестируется через использование соответствующего определённого артикля, а в русском род существительных при отсутствии формальных флективных показателей определяется через род прилагательных, образующих с ними свободные словосочетания.

Кроме того, различия в тенденциях заимствования англоязычных неологизмов касались количества полученных в итоге единиц. Большее количество полученных заимствованных единиц в испанском языке обусловлено как большей вариативностью методов переноса одной и той же единицы, так и сходством общественного уклада в западных странах, в то время как российское общество пока не испытывает потребности в ряде рассмотренных неологизмов в силу отсутствия актуальности обозначаемых ими явлений.

Список литературы

1. Бондарева Е.В. Калькирование языковых единиц как социолингвистический феномен: на материале заимствований из английского языка в русский язык. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Владивосток, 2018. 197 с.
2. Бондарец О.Э. Категория рода заимствованных слов в русском и испанском языках // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2006. № 2. С. 50–54.
3. Кузьмина Н.А., Макарова О.С. Трансплантация как способ заимствования новейших англо-американизмов (по материалам современной молодёжной прессы) // Омский научный вестник. 2008. № 5(72). С. 130–134.

4. *Новикова О.О.* Процесс прямого лексического заимствования из английского языка в современный русский литературный язык // Человек в мире культуры. 2014. № 4. С. 55–58.
5. *Basyoni G.* Major Trends in Vocabulary and Usage in the English Language in the 21st Century // International Journal of Social Science and Human Research. 2023. Vol. 06. Iss. 04. P. 2033–2043.
6. *Capuz G.* Anglicismos en las noticias sobre la Guerra del Golfo Pérsico. Visión actual del problema e intento de clasificación // Lingüística Española Actual. 1992. Vol. XIV. No. 2. P. 302–316.
7. *Durkin Ph.* Borrowed Words. A History of Loanwords in English. Oxford University Press. 2014. 491 p.
8. *Guerrero Ramos G.* Neologismos en el español actual. Cuadernos de la Lengua Española. Madrid: Arco Libros. 1995. 65 p.
9. *Mateescu M.* Anglicismos en el español peninsular y americano: criterios de clasificación. URL: http://aflls.ucdc.ro/I_2014/1Ang.pdf (дата обращения: 14.10.2024).
10. *Norlen N., Barrett G.* New Words Drop! Get the First Look at our Fall 2023 Collection of Dictionary Additions. URL: <https://www.dictionary.com/e/new-dictionary-words-fall-2023/#loan-words> (дата обращения: 05.09.2023).
11. *Sampedro Losada P.J.* Anglicismos, barbarismos, neologismos y «falsos amigos» en el lenguaje informático. Grupo de Lengua e Informática de ATI (Asociación de Técnicos de Informática, España), junio de 2000.
URL: <https://www.ati.es/gt/lengua-informatica/externos/sampedr1.html> (дата обращения: 14.10.2024).

References

1. *Bondareva E.V.* Calculation of linguistic units as a sociolinguistic phenomenon: on the material of borrowings from English into Russian. Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Vladivostok, 2018. 197 p. (In Russ.).
2. *Bondarets O.E.* The category of the genus of borrowed words in Russian and Spanish languages. Vestnik of Taganrog A. P. Chekhov Institute. 2006. No. 2. P. 50–54. (In Russ.).
3. *Kuzmina N.A., Makarova O.S.* Transplantation as a way of borrowing the latest Anglo-Americanisms (on the materials of modern youth press). Omsk scientific bulletin. 2008. No. 5(72). P. 130–134. (In Russ.).
4. *Novikova O.O.* The process of direct lexical borrowing from English into modern Russian literary language. Man in the world of culture. 2014. No. 4. P. 55–58. (In Russ.).
5. *Basyoni G.* Major Trends in Vocabulary and Usage in the English Language in the 21st Century. International Journal of Social Science and Human Research. 2023. Vol. 06. Iss. 04. P. 2033–2043.
6. *Capuz G.* Anglicisms in the news about the Persian Gulf War. Current view of the problem and attempt at classification. Lingüística Española Actual. 1992. Vol. XIV. No. 2. P. 302–316. (In Span.).
7. *Durkin Ph.* Borrowed Words. A History of Loanwords in English. Oxford University Press. 2014. 491 p.
8. *Guerrero Ramos G.* Neologisms in current Spanish. Cuadernos de la Lengua Española. Madrid: Arco Libros. 1995. 65 p. (In Span.).
9. *Mateescu M.* Anglicisms in Peninsular and American Spanish: classification criteria. (In Span.). URL: http://aflls.ucdc.ro/I_2014/1Ang.pdf (accessed: 14.10.2024).

10. *Norlen N., Barrett G.* New Words Drop! Get the First Look at our Fall 2023 Collection of Dictionary Additions. URL: <https://www.dictionary.com/e/new-dictionary-words-fall-2023/#loan-words> (accessed: 05.09.2023).

11. *Sampedro Losada P.J.* Anglicisms, barbarisms, neologisms and ‘false friends’ in computer language. Grupo de Lengua e Informática de ATI (Asociación de Técnicos de Informática, Spain), June 2000. (In Span.). URL: <https://www.ati.es/gt/lengua-informatica/externos/sampedr1.html> (дата accessed: 14.10.2024).

Статья поступила в редакцию / Received 19.10.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 11.11.2024

Принята к публикации / Accepted 11.11.2024

Научная статья

УДК 81'367.7

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/169-177>

Грамматикализация послелогов в турецком языке

Надежда Викторовна Дардыкова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков,

n.dardykova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ путей и механизмов грамматикализации турецких послелогов с учётом влияния семантики слова-источника. Для первичных исконно турецких послелогов характерны семантическое выветривание и расширение семантики исходной единицы. Развитие вторичных послелогов становится результатом переосмысления понятий, обозначающих части тела, пространственные отношения, физическое действие, движение и восприятие. В фонологическом аспекте послелогов претерпевают ассимиляцию к законам сингармонизма, фонетическую редукцию и фузию. Морфосинтаксически наблюдается фиксация положения по отношению к главному слову и потеря автономности.

Ключевые слова: грамматикализация, путь развития, механизм изменений, слово-источник, послелогов, турецкий язык

Для цитирования: Дардыкова Н.В. Грамматикализация послелогов в турецком языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 169–177.

Original article

Grammaticalization of postpositions in the Turkish language

Nadezhda V. Dardykova

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages,

n.dardykova@gmail.com

Abstract. The analysis of ways and mechanisms of grammaticalization of Turkish postpositions with the consideration of the influence of the source word was carried out in this paper. Primary and originally Turkish prepositions are prone to semantic bleaching and the generalization of the semantics of the original language unit. Derived postpositions are the result of reevaluation of terms which determine body parts, spatial relations, physical activity, movement and perception. In the phonological aspect postpositions undergo assimilation to the laws of synharmonism, phonetic erosion and fusion. Attachment to the position of the main word and loss of lexical substance are observed morphosyntactically.

© Дардыкова Н.В., 2024

Key words: grammaticalization, cline, mechanism of change, source word, postpositions, Turkish

For citation: Dardykova N.V. Grammaticalization of postpositions in the Turkish language. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 169–177. n Russ.).

Введение

Вопросы языкового развития относятся к широко изучаемым и привлекающим интерес в лингвистике. Разработка собственно теории грамматикализации активно ведётся в последние годы, основополагающими для теории стали работы Е. Куриловича, Б. Хайне, Х. Лемана, М. Хасмельмата. Из работ российских лингвистов стоит отметить труды В.А. Плунгяна, Т.А. Майсака, П.В. Гращенкова и др. Значимые работы в рамках теории грамматикализации связаны с историческим развитием адлогов (то есть предлогов и послелогов) – труды В.В. Виноградова, О.Н. Селивёрстовой, М.В. Всеволодовой, Л.А. Тарасевич, Е.Н. Виноградовой и др.

Характерные для тюркских языков послелогои функционально соответствуют предлогам [5, с. 389], однако вопросам их грамматикализации не уделяется достаточного внимания. Целью работы является установление источников и механизмов процесса грамматикализации в турецком языке.

Изучение послелогов

Послелогои в тюркологии имеют статус спорных элементов, разночтения могут объясняться тем, что турецкое понятие *edat* изначально использовалось для обозначения любых типов служебных слов [15, s. 204]. Так, Б.А. Серебрянников и Н.З. Гаджиева делят послелогои на «две категории – собственно послелогои и так называемые служебные слова» [6, с. 242]. Послелогои–служебные имена сохраняют своё лексическое значение, но могут употребляться для выражения пространственных, временных и других отношений [6, с. 242; 7, с. 324].

Т. Бангуоглу называл послелогои словами, следующими за существительными и служащими для установления отношений с другими элементами [9, с. 385]. М. Эргин определял их как слова, не обладающие собственными смыслами и выполняющие только грамматическую функцию [11, с. 348]. О связующей функции послелогов упоминает и З. Коркмаз, в его понимании это, наряду с союзами, служебные слова [16, s. 1049–1051]. А.Н. Кононов функционально приближал послелогои к падежным формам и писал, что послелогои сочетаются с именами существительными, местоимениями и субстантивированными частями речи и указывают их синтаксические отношения с другими словами [4, с. 312]. Той же точки зрения придерживался В.Г. Гузев, видевший в послелогогах «незнаменательные лексемы» и «служебные конструкции», которые не принадлежат ни синтаксису, ни морфологии [2, с. 64–65].

Т.Н. Генджан называл послелогои словами, служащими исключительно для установления семантических отношений между другими частями речи [12, с. 359]. По замечанию Д. Аксана, послелогои не только выполняют связующую функцию, они в большей степени служат для установления семантических отношений между словами [8, с. 97]. Сходной точки зрения придерживается Э. Гениш: «группируясь с другими словами (именами или глаголами), послелогои показывают их связи между собой, их роль в предложении и тем самым привносят в предложение новый оттенок смысла» [1, с. 12].

Анализ литературы по вопросу показывает, что границы послелогов как класса слов размыты. Их количество трудно поддается исчислению, а промежуточное положение между лексикой и грамматикой позволяет предположить изменение их числа в результате процесса грамматикализации.

Возникновение системы послелогов в тюркских языках может объясняться недостаточностью системы пространственных падежей [6, с. 242], хотя данные падежи и «закрывают» большое количество предложных значений, соответствующих тем, что встречаются в европейских языках [3, с. 114–117].

Методика отбора материала исследования

Материал для анализа отбирался методом сплошной выборки из двух толковых словарей турецкого языка [20; 21; 22], подготовленных Турецким лингвистическим обществом. Из словаря 1998 года [20; 21] было отобрано 28 послелогов, а из словаря 2005 года [22] – 40. К рассмотрению также принимался перечень из 83 послелогов, подготовленных Э. Бозом [10], и послелогии в «Грамматике турецкого языка. Морфологии» З. Коркмаз [16, s. 1052–1088], на которую мы далее опирались при проведении анализа. Далее все отобранные послелогии проверялись по «Словарю современного турецкого языка», доступному онлайн на сайте Турецкого лингвистического сообщества [13]. Данный словарь постоянно обновляется и отражает актуальную трактовку языковых единиц, что позволило выбрать его своеобразным фильтром при отборе материала. Всего для анализа было отобрано 38 послелогов.

Полученные результаты позволяют согласиться с мнением Н.К. Дмитриева о том, что турецкие послелогии количественно малочисленны и большей частью состоят из арабизмов (21 единица из 38) [3, с. 117]. Их функции только частично совпадают с предложениями из других языков, они могут передавать разнонаправленные типы отношений (рис. 1) [16, s. 1052–1088].

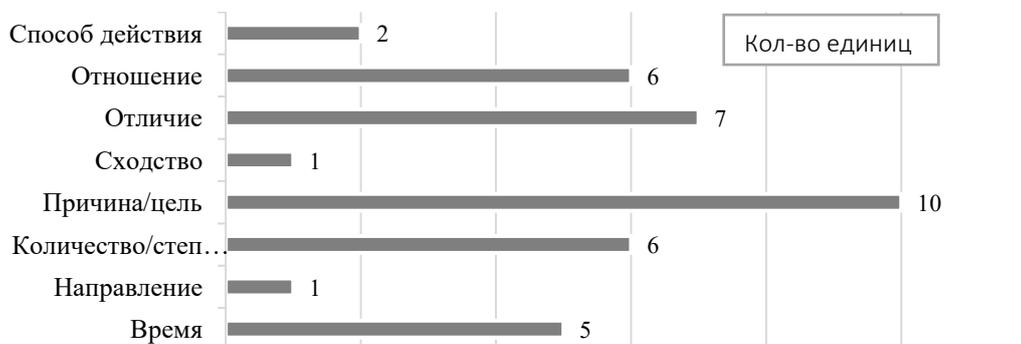

Рис. 1. Типы отношений, передаваемых послелогии в турецком языке (сост. Н.В. Дардыкова)

Источники грамматикализации турецких послелогов

Согласно утверждению К. Лемана, путь грамматикализации послелогов выглядит следующим образом [17]: РЕЛЯЦИОННОЕ ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ → ВТОРИЧНЫЙ ПОСЛЕЛОГ → ПЕРВИЧНЫЙ ПОСЛЕЛОГ → АГГЛЮТИНАТИВНЫЙ АФФИКС.

В схеме К. Лемана об источнике указано, что реляционное имя существительное выступает частым «отправным пунктом» для грамматикализации предлогов и послелогов. В проанализированном материале встретились следующие типы исходных единиц [18]:

- А) существительные: *taraf* طرف ‘сторона’ → *tarafından* ‘кем-то [маркер деятеля в пассивных конструкциях]’, *kadâr* كَدْر ‘качество, достоинство’ → *kadar* ‘до’;
- Б) прилагательные: *kibi* ‘похожий’ → *gibi* ‘так же’;
- В) глаголы и глагольные формы: *körmek* ‘видеть’ → *göre* ‘судя по’; *tođru/tođuru* ‘переходя’ → *dođru* ‘по направлению’;
- Г) послелого: *birle* ‘с’ → *ile* ‘с’, *ötrü* ‘после, из-за’ → *ötürü* ‘из-за’.

Проанализированные источники в большинстве своём представляются типичными и встречаются во «Всемирном лексиконе грамматикализации» под редакцией Б. Хайне и Т. Кутевой [14]. Исключение составляет развитие *başka* ‘кроме’ от существительного *baş* ‘голова’, развитие значения отличия/расхождения от названия части тела, не входит в каталог путей грамматикализации.

Механизмы изменений

В процессе развития послелого претерпели изменения в фонологическом, семантическом и морфосинтаксическом аспектах. Так, все проанализированные послелого прошли ряд фонологических изменений, включающих:

- редукцию (*birle* → *ile* ‘с’);
- ассимиляцию (*denlü* → *denli* ‘до’; *dolayu* → *dolayı* ‘по причине’; *tēmek* → *diye* ‘из-за, ради’);
- фузию, которая преимущественно включает слияние с падежными аффиксами (*teg* → *dek/değın* ‘до’) и послелогом *ile* ‘с’ (*bu* ‘этот’ + *ile* ‘с’ → *böyle* ‘таким образом’).

Изменениям в семантическом аспекте подверглась только часть послелогов. На основании данных этимологического словаря С. Нишаньяна [18] треть заимствованных из арабского языка единиц сохранило исходное значение – *binaen* ‘вследствие’, *hasebiyle* ‘по причине’, *gaugı* ‘кроме’, *mukabil* ‘несмотря на’, *nispette* ‘относительно’, *kadar* ‘до’. Данные послелого грамматикализировались от именных и глагольных форм, поэтому в данных случаях уместно говорить о процессе потери автономности и структурном изменении (декатегоризации) языковых единиц.

Для исконно турецких послелогов характерно как семантическое выветривание (*ötrü* ‘после, из-за’ → *ötürü* ‘из-за’), так и расширение семантики (*için* ‘для’) в сочетании с декатегоризацией. Так, старотурецкий послелог *için* ‘для’ изначально использовался только для передачи причинно-следственных отношений, а в настоящий момент обозначает:

- цель действия: *seninle görüşmek için buradayım* «я здесь, чтобы с тобой увидеться»;
- причину совершения действия: *geç kaldığın için konsere yetişemedik* «из-за того, что ты опоздал, мы не успели на концерт»;
- предназначение: *bu sözlüğü sizin için getirdim* «этот словарь я принес(-ла) для вас»;
- отношение одного действия к другому: *maumunlar için çift sözüm var* «у меня есть пара комментариев об обезьянах» [13].

В случае с *için* ‘для’ наблюдается расширение семантики послелого, при этом возникает вопрос, является ли такой случай примером движения единицы по шкале изменений, с учётом того, что изменения при грамматикализации происходят неравномерно и семантические изменения опережают другие типы изменений. Думается, говорить о том, что *için* ‘для’ становится более грамматичным, основываясь только на генерализации, является преждевременным.

Развитие грамматического значения может являться результатом метафоризации, основанием для которого в 24 случаях выступили такие сферы-источники, как «пространство», «часть тела», «физическое действие и движение». Языковые единицы с пространственным значением переосмысляются как те, которые обозначают количество или степень (daraca(t) دَرَجَة 'шаг, ступень' → derece 'настолько'), время (bérü / bérgerü '1. с этой стороны, 2. юг' → beri 'с'), а также выступают маркером агента действия в пассивных конструкциях (taraf طرف 'сторона' → tarafından 'кем-то').

Единицы, обозначающие части тела, метафоризируются и приобретают значение местоположения (üz 'лицо' → üzere 'на'), цели действия (üz 'лицо' → üzere 'на' → üzerine 'для') и расхождения (baş 'голова' → başka 'кроме'). При этом процесс переосмысления может проходить несколько этапов, что прослеживается на примере с появлением целевого значения у üz 'лицо'.

Физическое действие и движение с течением времени может осмысливаться как причина или цель совершения действия (dolamak 'вращаться' → dolayı 'по причине', dolayıyla 'поскольку', tēmek 'говорить' → diye 'из-за, ради'), направление (toğru/toğuru 'переходя' → doğru 'по направлению'), отношение (ā'id اَعِدْ 'возвращающийся' → ait 'касательно', dā'ir دائِر 'вращающийся' → dair 'относительно'). В качестве источников метафоризации послелогов со значением отношения также использовались глаголы восприятия (kōrmek 'видеть' → göre 'судя по', nazara نَظَرَ 'смотрел' → nazaran 'судя по') и абстрактные существительные (ḥaqq حَق 'право' → hakkında 'о').

В морфосинтаксическом аспекте для послелогов характерна потеря автономности, фиксация по отношению к главному слову и использование в сочетании с падежами (преимущественно направительным и исходным). При этом первичные послелогов için 'для', ile 'с', ötürü 'из-за', üzere 'на', dek 'до', gibi 'так же', göre 'судя по' являются в большей степени грамматикализованными, чем вторичные послелогов. В случае с ile 'с' можно, по-видимому, говорить о приближении к падежному аффиксу, поскольку данный послелог адаптируется к законам сингармонизма, выражает значения инструментатива и способен добавляться напрямую к именной форме (arabaуla 'на машине', anahtarla 'ключом'), а также участвует в образовании послелогов от имён существительных (nedeniуle 'по причине', nispetle 'относительно').

Изучение вторичных послелогов затрудняется тем, что одна и та же языковая единица, не меняя своей формы, может использоваться и как существительное, и как прилагательное, и как наречие, и как послелог. Сравните: doğruу söyle 'скажи правду' – doğru fikir 'верная мысль' – doğru söуlüyorsun 'ты верно говоришь' – markete doğru үrüyorsun 'до магазина идёшь прямо'. В подобных случаях уместным представляется выявление степени продвижения по шкале изменений количественным методом, то есть уточнение частотности употребления единицы в послеложной функции по отношению к остальным употреблениям. Чем чаще единица употребляется как послелог, тем выше степень её декатегоризации и, соответственно, тем более грамматикализованной она является. Рассмотрим Таблицу 1.

Как видно из таблицы, вторичные послелогов демонстрируют различия в степени грамматикализованности. Употребление dolayı 'по причине', beri 'с', kadar 'до', tarafından 'кем-то (маркер деятеля в пассивных конструкциях)', mukabil 'несмотря на' полностью или практически полностью сводится к предложной функции, что делает их в большей степени грамматикализованными. Оставшиеся единицы не являются в достаточной степени закреплёнными

в качестве послелогов, они являются синтаксически несвязанными и используются в функциях других частей речи.

Таблица 1

Частотность употребления вторичных послелогов в послеложной функции по отношению к остальным типам употреблений (на материале 100 контекстов для каждой единицы в Национальном корпусе турецкого языка [19])

	послелог	существительное	прилагательное	наречие
<i>başka</i> ‘кроме’	7	2	91	-
<i>beri</i> ‘с’	99	не встретилось	1	-
<i>böyle</i> ‘таким образом’	4	-	60	36
<i>derece</i> ‘настолько’	9	9	-	82
<i>doğru</i> ‘по направлению’	48	4	21	27
<i>dolayı</i> ‘по причине’	100	-	не встретилось	-
<i>dolayısıyla</i> ‘поскольку’	13	-	-	87
<i>kadar</i> ‘до’	96	-	-	4
<i>karşı</i> ‘от’	73	7	7	13
<i>karşılık</i> ‘в ответ’	48 ¹	52	-	-
<i>mukabil</i> ‘несмотря на’	89	-	11	-
<i>tarafından</i> ‘кем-то’	97	2	-	1

Как видно из таблицы, вторичные послелогов демонстрируют различия в степени грамматикализованности. Употребление *dolayı* ‘по причине’, *beri* ‘с’, *kadar* ‘до’, *tarafından* ‘кем-то (маркер деятеля в пассивных конструкциях)’, *mukabil* ‘несмотря на’ полностью или практически полностью сводится к предложной функции, что делает их в большей степени грамматикализованными. Оставшиеся единицы не являются в достаточной степени закреплёнными в качестве послелогов, они являются синтаксически несвязанными и используются в функциях других частей речи.

Выводы

Относимые к служебным словам в турецком языке послелогов обнаруживают разную степень грамматикализации, которая варьирует в зависимости от типа источника и степени «ослабления» под влиянием изменений в фонологическом, морфосинтаксическом и семантическом аспектах. Наиболее грамматикализованным представляется послелог *ile* ‘с’, в турецком языке выполняющий функции инструментатива. Особо грамматикализованными являются первичные послелогов *için* ‘для’, *ötürü* ‘из-за’, *üzere* ‘на’, *dek* ‘до’, *kadar* ‘до’, *gibi* ‘так же’ и *göre* ‘судя по’, все из них исконно турецкие по происхождению. Сильно грамматикализованными также представляются вторичные послелогов *dolayı* ‘по причине’, *beri* ‘с’, *kadar* ‘до’,

¹ Употребления *karşılık* ‘в ответ’ в качестве послелогов фактически сводится к конструкции *buna karşılık* ‘в ответ на это’.

tarafından ‘кем-то’, mukabil ‘несмотря на’, утратившие свою автономность и полностью либо отчасти перешедшие в разряд служебных единиц. Остальные послелогои являются слабо грамматикализованными, поскольку не прошли через процессы специализации и декатегоризации. Рассмотренные в работе механизмы и критерии грамматикализации послелогов могут быть использованы для выделения операционных «фильтров» для отнесения единиц в разряд послелогов.

Список литературы

1. *Гениш Э.* Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания: в 3 т. Т. 3: Служебные слова, послелогои, союзы и частицы, междометия, аффиксы, предложение, правила орфографии, знаки препинания. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
2. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 319 с.
3. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков: [Избр. труды]. Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Изд. вост. лит., 1962. 607 с.
4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 569 с.
5. *Поцелуевский Е.А.* Послелог // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 389.
6. *Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 2-е изд., испр. и доп. 301, [1] с.
7. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология / Н.Б. Бурганова, М.З. Закиев, Х.Р. Курбатов [и др.]. М.: Наука, 1969. 380 с.
8. *Aksan D.* Her yönüyle dil (Ana çizgiyle dilbilim). Ankara: TDK Yay., 1977. 244 s. (*Аксан Д.* Каждая сторона языка (очерки по лингвистике). Анкара: Изд-во ТЛЮ, 1977. 244 с.)
9. *Banguoğlu T.* Türkçenin grameri. Ankara: TDK Yay., 2011. 628 s. (*Бангуоглу Т.* Грамматика турецкого языка. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 2011. 628 с.)
10. *Böz E.* Sözlükler için yeni bir Dilbilgisel bilgi önerisi: ilgeçlerin atadıkları biçimbirimler // Uluslararası Türkçe: Edebiyat, Kültür, Eğitim Dergisi. 2018. № 7 (2). S. 749–758. (*Боз Э.* Новая грамматическая информация для словарей: суффиксы, управляемые послелогоми // Международный турецкий язык: журнал по литературе, культуре, образованию. 2018. № 7 (2). С. 749–758.)
11. *Ergin M.* Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Bayrak Yay., 2003. 400 s. (*Эргин М.* Грамматика турецкого языка. Стамбул: Изд-во Байрак, 2003. 400 с.)
12. *Gencan T.N.* Dilbilgisi. Ankara: TDK Yay., 1975. Göz. geç. 3. bsk. XV, 543 s. (*Генджан Т.Н.* Грамматика. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 1975. 3-е изд., доп. и перераб. 543 с.)
13. Güncel Türkçe Sözlük // Türk Dil Kurumu. (Словарь современного турецкого языка // Турецкое лингвистическое общество). URL: <https://sozluk.gov.tr> (дата обращения: 26.08.2024).
14. *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 387 p. (*Хайне Б., Кутева Т.* Всемирный лексикон грамматикализации. Кембридж: Изд-во Кембриджского ун-та, 2002. 387 с.)

15. *Kabakçı E.* Türkiye Türkçesinde bir edatlaşma örneği olarak “adına” // Dil Araştırmaları. 2017. № 20. S. 203–212. (*Кабакчи Э.* Случай появления нового послелого в турецком языке: “adına” // Языковые исследования. 2017. № 20. С. 203–212.)
16. *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri: (Şekil Bilgisi). Ankara: TDK Yay., 2009. 3. bsk. 1224 s. (*Коркмаз З.* Грамматика турецкого языка в Турции. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 2009. 3-е изд. 1224 с.)
17. *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization // Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwiss. der Univ. Erfurt. (*Леман К.* Рассуждения о грамматикализации // Рабочие документы семинара по языкознанию университета Эрфурт). URL: <http://www.christianlehmann.eu/publ/AS-SidUE09.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
18. Nişanyan Sözlük (Словарь Нишаньяна). URL: <https://www.nisanyansozluk.com> (дата обращения: 26.08.2024).
19. Turkish national corpus (TNC) – Türkçe ulusal derlemi (TUD) (Национальный корпус турецкого языка (НКТЯ)). URL: <https://www.tnc.org.tr> (дата обращения: 26.08.2024).
20. Türkçe Sözlük: 2 ciltte / İ. Patlatır, N. Gözaydın, H. Zülfiyar [ve başk.]. – Ankara: TDK Yay., 1998. Cilt 1: A–J. 9. baskı. S. 1–1400. (Словарь турецкого языка: в 2 т. / И. Патлатыр, Н. Гёзайдын, Х. Зюльфикар [и др.]. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 1998. Т. 1: А–J. 9-е изд. С. 1–1400.)
21. Türkçe Sözlük / Haz. Ş.H. Akalın. Ankara: TDK Yay., 2005. 10. baskı. XIX, 2243 s. (Словарь турецкого языка / Сост. Ш.Х. Акалын. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 2005. 10-е изд. XIX, 2243 с.)
22. Türkçe Sözlük: 2 ciltte / İ. Patlatır, N. Gözaydın, H. Zülfiyar [ve başk.]. Ankara: TDK Yay., 1998. Cilt 2: K–Z. 9. baskı. S. 1401–2523. (Словарь турецкого языка: в 2 т. / И. Патлатыр, Н. Гёзайдын, Х. Зюльфикар [и др.]. Анкара: Изд-во ТЛЮ, 1998. Т. 2: K–Z. 9-е изд. С. 1401–2523.)

References

1. *Genish E.* Grammar of the Turkish language. Phonetics, morphology, etymology, semantics, syntax, spelling, punctuation marks: in 3 vol. Vol. 3: Functions words, postpositions, conjunctions and particles, interjections, affixes, sentence, spelling rules, punctuation marks. Moscow: LKI Publ., 2008. 208 p. (In Russ.).
2. *Guzev V.G.* Theoretical grammar of the Turkish language. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2015. 319 p. (In Russ.).
3. *Dmitriev N.K.* The structure of the Turkic languages: [Selected works]. USSR Academy of Sciences. Department of language and literature. Moscow: Eastern Literature Publ., 1962. 607 p.: with schemas. (In Russ.).
4. *Kononov A.N.* Grammar of the modern Turkish literary language. Moscow: Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 569 p. (In Russ.).
5. *Potseluevskiy E.A.* Postposition. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Scientific and editorial Board of the «The Soviet Encyclopedia» Publishing house, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. Ch. ed. V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 389. (In Russ.).
6. *Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z.* Comparative historical grammar of the Turkic languages. Moscow: Nauka, 1986. 2nd ed., rev. upd. 301, [1] p. (In Russ.).
7. Modern Tatar literary language. Lexicology, phonetics, morphology. Ed. N.B. Burganova, M.Z. Zakiev, H.R. Kurbatov [et al]. Moscow: Nauka, 1969. 380 p. (In Russ.).

8. *Aksan D.* Every side of language (Outline of linguistics). Ankara: TDK Publ., 1977. 244 p. (In Turkish).
9. *Banguoglu T.* Turkish grammer. Ankara: TDK Publ., 2011. 628 p. (In Turkish).
10. *Boz E.* A new grammatical information offer for dictionaries: suffixes determined by particles. *Worldwide Turkish: Journal of literature, culture, education*, 2018, no. 7 (2), pp. 749–758. (In Turkish).
11. *Ergin M.* Turkish grammar. İstanbul: Bayrak Publ., 2003. 400 p. (In Turkish).
12. *Gencan T.N.* Grammar. Ankara: TDK Publ., 1975. 3rd rev. ed. XV, 543 p. (In Turkish).
13. Dictionary of the contemporary Turkish language. Turkish Language Association. URL: <https://sozluk.gov.tr> (accessed: 26.08.2024) (In Turkish).
14. *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. 387 p.
15. *Kabakçı E.* A new postposition in modern Turkish: “adına”. *Language Studies*, 2017, no. 20, pp. 203–212. (In Turkish).
16. *Korkmaz Z.* Grammar of the Turkish Language spoken in Turkey: (Morphology). Ankara: TDK Publ., 2009. 3rd ed. 1224 p. (In Turkish).
17. *Lehmann Ch.* Thoughts on grammaticalization. *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwiss. der Univ. Erfurt*. URL: <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf> (accessed: 26.08.2024).
18. Nişanyan Sözlük (Nishanyan Dictionary). URL: <https://www.nisanyansozluk.com> (accessed: 26.08.2024).
19. Turkish national corpus (TNC) – Türkçe ulusal derlemi (TUD) (Turkish national corpus (TNC)). URL: <v3.tnc.org.tr> (accessed: 26.08.2024).
20. Dictionary of Turkish. Comp. Sh.H. Akalin. Ankara: TDK Publ., 2005. 10th ed. XIX, 2243 p. (In Turkish).
21. Dictionary of Turkish: in 2 vol. Ed. I. Patlatir, N. Gozaydin, H. Zulfikar [et al.]. Ankara: TDK Publ., 1998. Vol. 1: A–J. 9th ed. P. 1–1400. (In Turkish).
22. Dictionary of Turkish: in 2 vol. Ed. I. Patlatir, N. Gozaydin, H. Zulfikar [et al.]. Ankara: TDK Publ., 1998. Vol 2: K–Z. 9th ed. P. 1401–2523. (In Turkish).

Статья поступила в редакцию / Received 10.12.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 10.12.2024

Принята к публикации / Accepted 11.12.2024

Научная статья

УДК 811.111, 811.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/178-189>

Русская, немецкая и английская бытовая сказка как основа межкультурного взаимопонимания

Дарья Андреевна Торгунова¹

Научный руководитель: Екатерина Владимировна Пивоварова²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Магистрант, программа «Европейские языки: коммуникация и лингвоаналитика»,
torgunova.da@dvfu.ru

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии,
pivovarova.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению культурной и жанровой специфики русской, немецкой и английской бытовой сказки и основывается на теоретическом обзоре наиболее значимых работ, выполненных в этом русле. Авторы заключают, что описание бытовых сюжетов, содержащихся в бытовых сказках, точно отражает культурные традиции и этические ценности разных народов, а вплетение необычных ситуаций и комических происшествий в сюжет позволяет героям «проявить» национальный характер. Представленная работа является первым этапом лингвокультурологического исследования ценностных ориентиров России, Германии и Англии, закреплённых в лингвокультурах бытовых сказок.

Ключевые слова: сказка, бытовая сказка, культурная специфика, национальный характер

Для цитирования: Торгунова Д.А. Русская, немецкая и английская бытовая сказка как основа межкультурного взаимопонимания // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 178–189.

Original article

Russian, English and German social fairy tales as a basis for intercultural understanding

Daria A. Torgunova¹

Scientific advisor: Ekaterina V. Pivovarova²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Master Student, Program “European Languages: Communication and Linguoanalytics”,
torgunova.da@dvfu.ru

²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Roman and German Philology, pivovarova.ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

Abstract. The article is devoted to cultural and genre specifics of the Russian, German and English social fairy tales and is based on a theoretical review of the most significant works conducted

in this sphere. The authors conclude that the description of existential plots in social fairy tales reflects the traditions and ethical values of different peoples very accurately, and the interweaving of unusual and comic situations helps the heroes to show their national character. The presented work is the first stage of a linguistic and cultural study of the value guidelines in Russia, Germany and England, enshrined in the linguocultures of social fairy tales.

Key words: fairy tale, social fairy tale, cultural specifics, national character

For citation: Torgunova D.A. Russian, English and German social fairy tales as a basis for intercultural understanding. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 178–189. (In Russ.).

Введение

Целью настоящей работы является определение отличий бытовой сказки от волшебной и установление национальной специфики бытовых сказок России, Англии и Германии на основании теоретических исследований, проведённых в данной области. **Актуальность исследования** заключается в том, что оно отвечает потребности сопоставительного анализа бытовых сказок, поскольку в настоящее время отсутствуют работы, посвящённые одновременному рассмотрению сказок указанных стран в данном ракурсе. Авторы статьи устанавливают доминантные направления в существующих теоретических трудах, определяют общие и частные черты бытовых сказок, а также выявляют, какие национальные черты характера персонажей находят отражение в бытовых сказках. Представленная работа является первым этапом лингвокультурологического исследования ценностных ориентиров указанных культур, закреплённых в лингвокультурах бытовых сказок. В работе поставлены следующие **задачи**: дать определение бытовой сказки, установить её жанровое своеобразие, определить сходные и отличительные черты бытовой сказки в России, Англии и Германии (персонажи, сюжеты, проблематика, культурная специфика).

Определение понятий «сказка», «бытовая сказка», история возникновения жанра

Фольклор представляет собой устоявшуюся форму общественного сознания, отражающую духовную культуру народа. Его корни уходят в глубокую древность, являющуюся исторической основой художественной культуры. Е.А. Мелетинский указал на особого рода связи фольклора, мифологии и художественной литературы. Фольклор занимает промежуточное положение и служит связующим звеном в культурном пространстве. Фольклорный фильтр стал основой для мифологических сюжетов, через который в литературу проникали универсальные, жизнеспособные и гуманистические сюжетные линии [17, с. 238–240]. По замечанию Е.А. Мелетинского, в настоящее время фольклористика представляет собой хорошо изученную область, а сказка рассматривается как наиболее структурированный и унифицированный жанр [17, с. 245–247].

Обратимся к определению понятий «сказка» и «бытовая сказка». В.Я. Пропп отметил, что у каждого народа своё определение «сказки». У немцев это «Märchen» (маленький интересный рассказ): корень *Mär* – означает «новость», «известие», *chen* – уменьшительно-ласкательный суффикс. В немецком языке «сказка» – это история, передаваемая из поколения в поколение, в которой сверхъестественные силы вмешиваются в жизнь людей и в конце истории добрые персонажи вознаграждаются, а плохие – наказываются [9]. В английском языке для обозначения «сказки» используется слово «tale», звучавшее в древнеанглийском как «*talū*»

и переводимое как «любой рассказ» [26, с. 10]. В английском языке это причудливая история о легендарных существах, обычно предназначенная для детей [22]. В русский язык термин «сказка» был заимствован в 1748 г. А.П. Сумароковым из французского языка (*conte*), однако при переводе он имел двойное жанровое значение («сказка» и «рассказ») [34, с. 145]. Сегодня под сказкой понимается повествовательное, обычно народнопоэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил [21]; существительное образовано суффиксально от глагола «сказать», что объединяет русское и английское наименования [36].

Как утверждает О.А. Плахова, сказка может быть представлена как в прозаической, так и в поэтической форме [24, с. 5]. Сюжеты, образы и ситуации, представленные в сказках, безусловно, варьируют в разных странах. Сказки всегда обладают уникальными чертами, которые проявляются в именах персонажей, названиях растений и животных, а также в обстановке и речи героев.

Существуют сказки народные и литературные. Народные сказки не имеют конкретного автора, имеют множество вариантов и существуют в устной традиции, то есть принадлежат фольклору того или иного народа, в то время как литературные сказки создаются писателями и становятся фактом национальной литературы.

По определению основоположника сравнительно-типологического метода в фольклористике В.Я. Проппа, «по сравнению с другими жанрами прозы, к которой относится литературная сказка, она обладает некоторыми отличительными чертами, менее свойственными другим жанрам литературы. Эти черты – способность к одушевлению и очеловечиванию предметов, понятий, явлений, существ и способность при творческом преломлении действительности к творческому синтезированию ряда обыкновенных явлений, предметов, понятий, существ в образы, наделённые чертами необыкновенными» [25, с. 109].

Во второй половине XX века Л.Ю. Брауде, советский переводчик и литературовед, определил литературную сказку как «авторское, художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных принципах, либо сугубо оригинальное; произведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения вымышленных и традиционных сказочных героев и, в некоторых случаях, ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажа» [5, с. 243]. По словам М.Н. Липовецкого, «в целом художественные миры литературных сказок всегда формируются в результате взаимодействия волшебной-сказочной жанровой памяти с моделями мира, свойственными “новым” жанрам» [16, с. 48]. Все сказки, отмечает Т.Г. Дмитриева, несомненно, отражают моральные ценности и социально-политические проблемы того времени, в котором живёт автор, а также уникальность личности писателя. Позиция автора чётко выражена в литературном повествовании. Эта позиция позволяет ему осветить исторические и современные проблемы морали и нравственности [8, с. 6–9].

Народная сказка, по замечанию О. Дингес, представляет собой вид повествовательного, прозаического фольклора, состоящий из разножанровых произведений с вымышленными сюжетами. Народные сказки отвечают трём требованиям фольклора: устность, коллективность и анонимность [40, с. 93–94]. Разница между жанрами литературной и фольклорной сказок заключается в том, что литературная сказка может быть основана на фольклорном сюжете, но в

то же время автор может вносить изменения. Однако фольклорная сказка не терпит существенных изменений и, как правило, передаётся в своём исходном варианте.

Термин «бытовая сказка» вошёл в научный обиход во второй половине XIX века, но единого ответа на вопрос о содержании понятия, обозначенного этим термином, а также о времени возникновения жанра бытовой сказки нет до сих пор. Отечественные учёные предлагают две точки зрения о времени возникновения бытовой сказки. Согласно первой точке зрения, представителем которой является Е.М. Мелетинский, бытовые и волшебные сказки появились в эпоху распада родового строя и между ними имеются родовые, а не генетические связи. На момент появления термина «бытовая сказка» не было чёткого определения жанровых различий сказок. Волшебные и бытовые сказки различались по мифологической (для волшебных) и реалистической (для бытовых) основам [17, с. 240].

Сторонники второй точки зрения утверждают, что бытовые сказки появились позже волшебных и являются пародией на героев волшебных сказок. Например, В.П. Аникин описывает ироническое использование в бытовых сказках следующих мотивов, принадлежащих волшебным сказкам: связь человека с чудесными предметами или мифическими силами [2, с. 75–77]. Н.М. Ведерникова замечает: «Если доброта и отсутствие практицизма в Иване-дураке волшебной сказки идеализируются, то у героя бытовой сказки эти качества пародируются» [6, с. 37]. Е.Ф. Тарасенкова подчёркивает: «положительный герой сатирической сказки по сравнению с положительным героем волшебной сказки является новым этапом в развитии художественного мышления народа» [35, с. 66]. Таким образом, по мнению учёных, бытовая сказка генетически восходит к волшебной и включает в себя некоторые элементы волшебной сказки в пародийной и сатирической форме.

По замечанию Н.П. Невзоровой, постепенное развитие жанра наложило свой отпечаток на содержание сказок. Самый глубокий пласт – архаический: древнейшие обычаи, ритуальные обряды, первобытное общинное сознание. Источником сказки не всегда был миф, она могла возникнуть из краткого рассказа о необычном происшествии. Реальность переплетается с воображаемыми явлениями, и это переплетение – характерная черта сказки [19, с. 43]. На следующем этапе мифы утрачивают сакральное значение: боги (или обожествлённые силы природы) уступают место людям, герой сказок в своих столкновениях с враждебными силами действует в одиночку, рассчитывая только на себя. И наконец, верхний пласт пронизан социальными мотивами, которые постепенно усиливаются. Здесь возникает жанр бытовой сказки [28, с. 160]. Действие в бытовых сказках, отмечают И.Г. Ольшанский и А.Е. Гусева, разворачивается не в волшебном пространстве, где возможны чудеса, а в мире реальном. По сюжету бытовые сказки близки жанру анекдота с характерной ему острой социальной направленностью [23, с. 46]. Бытовые сказки отличаются по содержанию и тематике, как утверждает О. Алиев. Эти истории, где часто используются загадки, сложные вопросы и мудрые ответы, рассказывают о жестоких и глупых правителях, высмеивая жадность и высокомерие. В отличие от героев волшебных сказок, главные герои бытовых сказок достигают своих целей благодаря уму, сообразительности, находчивости и другим моральным качествам. В образах этих героев народ воплощает свои мечты и желания, а сюжеты отражают правду реальной жизни [1, с. 114].

В истории изучения бытовой сказки исследователи заостряют внимание прежде всего на идейной, классовой направленности этих произведений. Так, Ю.М. Соколов, называя бы-

товые сказки реалистическими, пишет: «Внутренними темами, основными идейными проблемами бытовых сказок являются вопросы социального неравенства» [30, с. 335]. Подобной точки зрения придерживается и В.Е. Гусев, отмечавший следующее: «Особенностью реалистической сатирической сказки является её критический пафос. Художественная сила её – в обличении зла, в типизации отрицательного персонажа» [7, с. 225]. Собиратель и исследователь бытовой сказки Д.М. Молдавский отметил: «Проблема социальной сущности русской сатирической сказки, несомненно, проблема центральная, тесно связанная и с генезисом, и со средой, где она бытовала» [18, с. 185].

Бытовая сказка, пишет Ю.М. Соколов, имеет несколько жанровых модификаций: существуют социально-бытовая, реалистическая и новеллистическая сказки, причём все три термина могут быть использованы, не исключая, но дополняя друг друга. Во-первых, можно определить данный тип сказок как реалистические, так как их герои – реальные люди, а не фантастические персонажи. Во-вторых, термин «новеллистические» также уместен, так как эти сказки имеют одну сюжетную линию с быстрым и неожиданным финалом. В-третьих, они также могут быть названы социально-бытовыми из-за социальной тематики многих сюжетов. Хотя описание быта не является главной целью в сказке, бытовой фон всё же имеет определённое значение. Термин «социально-бытовые сказки», поскольку он наиболее ясно и точно отражает данный тип фольклорного произведения, представляется более предпочтительным [31, с. 264–265].

Персонажи и тематика бытовых сказок

По утверждению С.Э. Ермаковой и Д.А. Гаврилова, в бытовых сказках герои представляются простыми людьми без каких-либо необычных способностей: это может быть крестьянин, солдат или дети, пытающиеся решить все проблемы при помощи смекалки или доброты. В бытовых сказках героем может активно выступать отрицательный персонаж. Иногда в них отсутствует положительный герой, и его роль на себя берёт резонёр-рассказчик, который осуждает поступки сказочных персонажей [14, с. 5–6].

Исследователи бытовой сказки объединяют произведения в тематические группы в зависимости от центрального персонажа. Так, в «Сравнительном указателе сюжетов: Восточнославянская сказка» выделяются сказки о глупцах и простаках, о супругах, о глупых жёнах и хозяйках, о злых, ленивых, хитрых жёнах и их мужьях, о глупых супружеских парах, о женщинах (девушках), о невестах, о старых девах, о хитрых и ловких людях, о счастье по случаю, о дураках, о полах. Ю.И. Юдин считает группу о дураках «в известном смысле центральной, ключевой для бытовых сказок, так как в сюжетах других сказочных групп варьируют или повторяются те ситуации, которые с наибольшей полнотой и разнообразием представлены именно в сказках о дураках» [38, с. 164].

В.Я. Пропп, допуская сатирическую направленность некоторых групп бытовых сказок, замечает, что «в целом сказки о глупцах не могут быть названы сатирой на человеческую глупость – для этого поступки дурака слишком невероятны», «глупость здесь нечто большее, более значительное, чем только художественный приём для создания необычайных ситуаций и комических происшествий» [26, с. 254]. Ю.И. Юдин пишет: «природа нашего сказочного героя только проявляется в дурацких поступках, но к ним никак не сводится» [38, с. 165]. В.Я. Пропп, считающий бытовую сказку более поздним, чем волшебная сказка, образованием,

рассматривает сказки о дураках, глупцах и шутах как особую «тематическую и композиционную группу». Он предполагает, что вся «эта оргия глупости, шуточности стоит в какой-то связи со средневековыми так называемыми "праздниками дураков"» [26, с. 254].

Ю.И. Юдин говорит о двойной природе бытовых сказок: они отражают события из реальной жизни и одновременно несут скрытый смысл. Исследователь отмечает «недостаточную пригнанность» внешнего, реального, и скрытого планов: «Сказочник пытается выдать необычное за обычное, невозможное за возможное, подыскивая для этого мотивировки, и, напротив, связан традицией там, где имеет дело с таящейся от его глаз и неизбежной фантастической необычностью бытовой сказки» [37, с. 6–7].

А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов и Д.С. Николаева утверждают, что этот подход помогает понять, как возникают алогизмы в бытовых сказках, основанных, в отличие от сказок волшебных, на ежедневных событиях. В них не встречаются фантастические персонажи, а действуют обычные люди: мужчины, женщины, солдаты, купцы, помещики, священники и другие. Эти сказки повествуют о брачных перипетиях, исправлении непослушных и ленивых хозяек, а также о мудрости и хитрости крестьян, солдат и других персонажей. В них высмеивается жадность духовенства, жестокость и грубость помещиков. Симпатия автора к искусному солдату, способному обмануть кого угодно, выражается с иронией в изображении его способности достигать целей в нелепых ситуациях [4, с. 148–153].

Н.И. Савушкина считает, что бытовые сказки можно разделить на две категории. В одной из них высмеиваются человеческие недостатки, такие как глупость, лень, хитрость, нечестность и обман. В другой – описываются семейные конфликты, злые и сварливые жёны, ленивые мужья, жадные или глупые люди, осуждаются измены и др. Исследователь также полагает, что одним из наиболее распространённых сюжетов являются сказки о дураках [29, с. 48–50].

В социально-бытовых сказках нет места ужасам, акцент сделан на событиях и особенностях повествования, раскрывающих характеры героев, как утверждает Е.Ф. Тарасенкова. В бытовых сказках побеждает ум и находчивость героев из народа, в них чудеса минимальны, а сюжеты основаны на реальных человеческих отношениях, переживаемых в необычных обстоятельствах [35, с. 70].

По словам В.Я. Проппа, герои бытовых сказок действуют в соответствии с определёнными поведенческими нормами, отражающими их социальное положение. В развитии сюжета главный герой сталкивается не с магическими силами, а со сложными жизненными обстоятельствами. Герой выходит целым и невредимым из трудных ситуаций благодаря счастливому стечению обстоятельств. Однако чаще всего он сам находит выход из положения – с помощью сообразительности, изобретательности, иногда хитрости. Бытовые сказки пропагандируют активность, самостоятельность, ум и смелость человека в его борьбе за жизнь. События в бытовых сказках всегда происходят в условно реальном пространстве, хотя сами события невероятны. Например, поп сидит на тыкве, чтобы высидеть из неё жеребёнка («Поп родил жеребёнка»); или девушка раскрывает правду о своём женихе-разбойнике («Жених-разбойник»). Именно благодаря невероятности происходящего бытовые сказки остаются сказками, а не просто повседневными рассказами [27, с. 34–36].

Итак, бытовая сказка отличается от волшебной прежде всего тем, что в ней простые люди борются с социальным неравенством с помощью смекалки и сообразительности, при этом не

используя волшебные силы. Бытовые сказки обладают двойной природой, объединяя в себе реальные события из жизни людей и скрытый смысл. Сюжетной особенностью бытовых сказок, по мнению большинства исследователей, является то, что в них действуют обычные люди в ежедневных ситуациях, высмеиваются человеческие недостатки, описываются семейные конфликты и осуждаются обман и жадность. Бытовые сказки часто содержат комические элементы и иронию, их сюжеты развиваются быстро и ярко, а побеждает ум и народная находчивость.

Особенности русских, английских и немецких бытовых сказок

Сказкам разных культур свойственно сходство, поскольку базовые концепты, описывающие мир и межличностные отношения, понятия добра и зла, универсальны. С.Ю. Неклюдов называет следующие причины сходства сказок различных народов: культурные влияния и перемещение «бродячих» сюжетов сказок; наличие архетипических элементов; сходство природных, социальных обстоятельств и психофизиологические особенности людей [20, с. 7]. Разумеется, сказки обладают не только общими чертами, но и обнаруживают отличия, связанные с разницей историко-культурного контекста и традиций народов. Далее мы представим характерные черты русских, немецких и английских бытовых сказок, отражающих культурную специфику.

Обратившись к трудам исследователей, занимавшихся русскими сказками, мы выявили следующие аспекты, отличающие русскую бытовую сказку от английской и немецкой. Так, по наблюдениям О.А. Егоровой, для русских бытовых сказок больше характерны сатирические нотки. Традиционные положительные образы сказок – бедняк, старик, работник, солдат, казак, в то время как отрицательные персонажи обычно принадлежат к привилегированным сословиям (барин, купец, помещик, богатый человек). Финал часто оптимистический: герой одерживает победу над противниками с помощью смекалки и ума [12, с. 90].

Е.И. Кравцов утверждает, что поведение героя не идеализируется и в нём нет героической составляющей, он представляет обычного человека. Однако он обладает решимостью, находчивостью, сильным духом, желанием победить, а также умением быть предприимчивым, изобретательным и хитрым. Эти качества помогают ему преодолеть сложные ситуации [15, с. 138].

Кроме персонажа-дурака, популярного в русских бытовых сказках, необходимо отметить и героя-солдата. Как замечает О.А. Егорова, в социально-бытовых русских сказках солдат – персонаж особенно колоритный, поскольку он умеет и рассказывать сказки, и шить, и готовить суп из топора. К тому же, солдат разрешает споры, смеётся над суевериями, показывает человеческие недостатки и пороки. Он обманывает жадных, злых и жестоких персонажей настолько виртуозно и изобретательно, что вызывает у читателя искреннюю симпатию [11, с. 261].

Характерной чертой персонажей сказок является вежливость. Ш. Блум-Кулка отмечает, что «на теоретическом уровне <...> системы вежливости проявляют культурно отфильтрованную интерпретацию взаимодействия четырёх основных параметров: социальных мотивов, способов выражения, социальных различий и социальных значений» [39, р. 270]. Если мы обратимся к русским сказкам, то увидим, что в большинстве случаев второстепенные герои гостеприимны, добродушны и пытаются помочь главному герою в его путешествии. Сам главный герой тоже часто оказывается «дружелюбным простаком», который настроен тепло и миролюбиво к окружающим. Практически в каждой сказке есть эпизод, где главного героя встречают «хлебом-солью», как родного человека.

Исследование, проведённое Н. Елиной, позволяет заключить, что в британской культуре собиранье и запись фольклорных памятников были начаты лишь в конце XVIII века. На

такой результат повлияло множество социокультурных и экономических факторов: исчезновение крестьянства под влиянием урбанизации и технического прогресса, эпоха Просвещения [13, с. 9]. Отличие английских бытовых сказок, по мнению А.С. Архиповой, С.Ю. Неклюдова и Д.С. Николаева, заключается в их большей опоре на реальные события и факты и не всегда содержат неожиданные повороты сюжета [4, с. 53–68]. От русских сказок английские отличаются более грустным характером. В английских сказках чаще наблюдается печальный конец, в то время как русские сказки имеют счастливый финал [4, с. 11].

О важности точного обозначения пространства в английских бытовых сказках пишут Ю.И. Апарина и К.Н. Бурнакова. По их наблюдениям, тщательное воссоздание географического пространства английских земель, места действия сказок, является значимой чертой повествований. Например, такие места, как Colchester (Колчестер), Blenkinsopp (Бленкинсопп), Hilton (Хилтон), Gotham (Готэм), упоминаемые в фольклорных произведениях «The White Lady of Blenkinsopp» («Белая дама из Бленкинсоппа»), «The Lord of Pengerswick» («Лорд Пенгерсвик»), «The Pedlar of Swaffham» («Разносчик из Суоффхэма»), являются реальными географическими местами на карте. Англичане известны своей точностью и скрупулёзностью, что не могло не отразиться в бытовых сказках [3, с. 10].

Как считает Дж. Паксман, стремление к обособленности, соблюдение границ своего пространства представляют собой следующий важный аспект национального характера англичан, отразившийся в фольклоре (ср. пословицы *Дом англичанина – его крепость* – «An Englishman's home is his castle», *Чем реже ты приходишь, тем больше тебе рады* – «Come seldom, come welcome», *Быстрее всех путешествует тот, кто путешествует один* – «He travels the fastest who travels alone», *Каждый сам за себя* – «Every man for himself» и т.д.) [41, р. 139]. Бытовая английская сказка, вторя общей традиции, не обходит стороной эту особенность. В английских сказках очень редко можно увидеть гостеприимных героев. Они очень бережно и ревностно относятся к своим домам, так как это их собственность. В сказках показано, как герои не опираются на чью-то помощь, но стараются всё сделать сами, а с окружающими поддерживают лишь нейтральное общение. Быть рядом, но не вмешиваться в личное пространство – вот главный критерий вежливости англичан.

Особое отношение англичан к собственному дому как к крепости и единственному надёжному убежищу ярко представлено в сказке «Three Little Pigs» («Три поросёнка»). В этой же сказке, по утверждению Ю.И. Апаринной и К.Н. Бурнаковой, находит выражение ещё одна характерная черта английской культуры – эксцентричность, проявляющаяся в необычности и оригинальности [3, с. 10–11].

Рассмотрим культурную специфику немецких бытовых сказок. Е.М. Мелетинский считает, что большое значение в немецкой культуре имеет дом и то, что находится в нём. Для немцев очень важна семья, поэтому концовка немецких сказок обычно знаменуется свадьбой. Главные герои чаще мужчины, а их положительными качествами являются храбрость, стойкость и решительность. Женщины в сказках обычно либо глупые и легкомысленные, либо мудрые и трудолюбивые [17, с. 98]. Другой точки зрения придерживается О. Дингес, утверждающий, что в немецких сказках главным героем выступает народ в целом: «Главный герой сказки – это народ: “большие” и “маленькие” люди» [40, с. 33]. В них также часто встречаются персонажи-ремесленники, крестьяне и солдаты. Здесь мы можем наблюдать некое сходство с русскими сказками, в которых главные действующие лица – тоже выходцы из простого народа (солдат, крестьянин). Однако, как замечает С.Н. Дягель, рассматривая сказки братьев Гримм,

немецкие сказки более разнообразны по представленным в них профессиям, нежели русские или английские [10, с. 3] (ср. «Das tapfere Schneiderlein» («Храбрый портняжка»), «Die zwölf Jäger» («Двенадцать охотников»), «Die drei Spinnerinnen» («Три пряжи»)).

А.Е. Стародубченко считает, что действие немецких бытовых сказок чаще всего происходит в реальном мире, куда проникают фантастические события. В немецком фольклоре нередко через вымысел и остроумные шутки демонстрируются такие общечеловеческие недостатки, как глупость, жадность, трусость, лицемерие и хитрость [33, с. 34]. Согласно позиции Г.А. Соколовой, немецкие бытовые сказки отражают следующие принципы: «Идея предсказуемости мира; представление о том, что внешний мир и микрокосмос человека подчинены строгому порядку, который нельзя нарушать ни при каких условиях; идея точности действий, конкретизация места и времени их совершения» [32, с. 30], что никак лучше соотносится с точностью, педантичностью и рациональностью национального характера немцев.

Заключение

Обзор теоретических трудов, выполненных отечественными литературоведами и посвящённых бытовым сказкам в России, Англии и Германии, позволил заключить, что сказка, подобно зеркалу, отражает черты национального характера, передаёт культурную самобытность и раскрывает ценностные ориентиры разных народов. Благодаря сплетению реальных ситуаций из повседневной жизни с необычными происшествиями бытовая сказка воспроизводит поведенческие модели, которым следуют персонажи, демонстрируя особенности национальной культуры. Так, знакомство с русскими бытовыми сказками позволяет заметить, что русский герой милосердный, щедрый, готовый разделить последнее с незнакомцем, трудолюбивый, непритязательный, пусть иногда уповающий на маленькое чудо, но никогда не теряющий силы духа и готовый смело бороться со всеми перипетиями судьбы. Английские и немецкие бытовые сказки воспевают те же добродетели, что и русские, но, по мнению исследователей, английские персонажи предстают несколько замкнутыми. Кроме того, для англичан важно точное описание места действия, которое нередко коррелирует с реальными географическими пространствами. Главный персонаж немецких бытовых сказок часто несчастен в начале: это может быть приёмный ребёнок, бедный старик или ремесленник, но к концу повествования герой меняет статус. Помощь в сложных ситуациях ему оказывают мудрецы или те, кто отвечает добром на добро. Главное сходство бытовых сказок во всех трёх культурах проявляется в противостоянии героев социальной несправедливости и общечеловеческим порокам, а на помощь им нередко приходит юмор и ирония.

Список литературы

1. Алиев О. Особенности бытовых сказок // Дед Коркуд. 2002. Вып. 2. С. 114–118.
2. Аникин В.П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 2006. 208 с.
3. Апарина Ю.И., Бурнакова К.Н. Графическое и орфографическое представление фонем английского языка: от теории к практике. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 123 с.
4. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю., Николаев Д.С. Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции. М.: РГГУ, 2012. 369 с.
5. Брауде Л.Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 36. Вып. 3. С. 71–268.

6. *Ведерникова Н.М.* Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 136 с.
7. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967. 319 с.
8. *Дмитриева Т.Г.* Повествовательные и описательные стилистические приемы в русской волшебной сказке. М.: МГУ, 1996. 25 с.
9. *Дуден.* Толковый словарь немецкого языка он-лайн.
URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Maerchen_Erzaehlung (дата обращения: 06.11.2024).
10. *Дягель С.Н.* Дидактический потенциал немецких народных сказок. М., 2016. С. 3–7.
URL: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/5273> (дата обращения: 21.04.2024).
11. *Егорова О.А.* Художественное своеобразие русских и английских социально-бытовых сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.: Грамота, 2018. Вып. 5(83). Ч. 2. С. 260–263.
12. *Егорова О.А.* Волшебные сказки о любви как одной из основных ценностей культуры // Молодежь в постиндустриальном обществе. 2013. С. 90–93.
13. *Елина Н.* Предисловие // Народные сказки британских островов. (Сост.) *Риордан Дж.* М.: Радуга, 1987. С. 9–28.
14. *Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А.* Скрытое бытие русских сказок. М.: Вече, 2019. 288 с.
15. *Кравцов Н.И.* Славянский фольклор. М., 2009. 265 с.
16. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки. С.: Урал. ун-т, 1992. 183 с.
17. *Мелетинский Е.М.* Избранные статьи. М., 1998. 571 с.
18. *Молдавский Д.М.* Русская сатирическая сказка. М., Л., 1958. 404 с.
19. *Невзорова Н.П.* Фольклорная сказка: типология и поэтика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 172 с.
20. *Неклюдов С.Ю.* Почему сказки одинаковые? // Живая старина. 2004. Вып. 1. С. 7–10.
21. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка онлайн. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/220006> (дата обращения: 28.10.2024).
22. *Оксфордский словарь он-лайн.* URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=-Entries&q=fairy%20tale> (дата обращения: 06.11.2024).
23. *Ольшанский И.Г., Гусева А.Е.* Лексикология: Современный немецкий язык. М.: Академия, 2005. 416 с.
24. *Плахова О.А.* Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 24 с.
25. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 330 с.
26. *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
27. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 285 с.
28. *Риордан Дж.* Народные сказки британских островов. Сборник. М.; Радуга, 1987. 368 с.
29. *Савушкина Н.И.* Гиперболизация в социально-бытовых сатирических сказках // Фольклор как искусство слова. 1975. Вып. 3. С. 163–165.
30. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941. 420 с.
31. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. 544 с.
32. *Соколова Г.А.* Временная и пространственная концептуализация в немецкой романтической сказке. М., 2013. 204 с.
33. *Стародубченко А.Е., Семёнова, К.Ю.* Немецкие народные сказки как отражение менталитета нации // Юный ученый. 2023. Вып. 3 (66). С. 33–36.
URL: <https://moluch.ru/young/archive/66/3441/> (дата обращения: 19.03.2024).

34. Сухоруков Е.А. Соотношение понятий «Фольклорная – литературная – авторская сказка» (на примере современных экологических авторских сказок) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. С. 144–151.
35. Тарасенкова Е.Ф. Жанровое своеобразие русской сатирической сказки // Русский фольклор. М., Л., 1957. Т. 2. 385 с.
36. Толковый словарь русского языка он-лайн. URL: <https://etymological.academic.ru/4683/сказка> (дата обращения: 28.10.2024).
37. Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. Л., 1979. 32 с.
38. Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и чёрт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. 336 с.
39. Blum-Kulka S. Cross Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. L., 1989. 300 p.
40. Dinges O. Märchen in Erziehung und Unterricht. K.: Erich Röth Verlag, 1986. 243 p.
41. Paxman J. The English: A Portrait of a People. L., 1999. 296 p.

References

1. Aliev O. Features of household fairy tales. *Grandfather Korkud*, 2002, no. 2, pp. 114–118. (In Russ.).
2. Anikin V.P. Russian folk tale. Moscow: Enlightenment, 2006. 208 p. (In Russ.).
3. Aparina J.I., Burnakova K.N. Graphic and orthographic representation of phonemes of the English language: from theory to practice. Moscow: Ekon-Inform, 2021. 123 p. (In Russ.).
4. Arkhipova A.S., Neklyudov S.Y., Nikolaev D.S. Folkloristics and cultural anthropology today: Proceedings of the International School-conference. Moscow: RSTU Publ., 2012. 369 p. (In Russ.).
5. Braude L. Y. On the history of the concept of "literary fairy tale". *Izvestiya AN SSSR. Lit. and lang*, 1997, vol. 36, issue 3, pp. 71–268. (In Russ.).
6. Vedernikova N.M. Russian folk tale. Moscow: Nauka, 1975. 136 p. (In Russ.).
7. Gusev V.E. Aesthetics of folklore. L., 1967. 319 p. (In Russ.).
8. Dmitrieva T.G. Narrative and descriptive stylistic techniques in the Russian fairy tale. Moscow: Moscow State University, 1996. 25 p. (In Russ.).
9. Dudin. *Explanatory dictionary of the German language online*. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Maerchen_Erzaehlung (accessed: 06.11.2024) (In Germ.).
10. Diaghel S.N. The didactic potential of German folk tales. Moscow, 2016. P. 3–7. URL: <http://rep.brsu.by/handle/123456789/5273> (accessed: 04.21.2024). (In Russ.).
11. Egorova O.A. Artistic originality of Russian and English social and everyday fairy tales. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. T.: Gramota, 2018, no. 5(83), part 2, pp. 260–263. (In Russ.).
12. Egorova O.A. Magic tales about love as one of the main values of culture. *Youth in post-industrial society*, 2013, pp. 90–93. (In Russ.).
13. Elina N. Preface. *Folk tales of the British Isles*. (Comp.) Riordan J. Moscow: Raduga, 1987. P. 9–28. (In Russ.).
14. Ermakov S.E., Gavrilov D.A. The hidden existence of Russian fairy tales. Moscow: Veche, 2019. 288 p. (In Russ.).
15. Kravtsov N.I. Slavic folklore. Moscow, 2009. 265 p. (In Russ.).
16. Lipovetsky M.N. Poetics of a literary fairy tale. S.: Ural. Uni., 1992. 183 p. (In Russ.).
17. Meletinsky E.M. Selected articles. Moscow, 1998. 571 p. (In Russ.).

18. *Moldavsky D.M.* Russian satirical fairy tale. M., L., 1958. 404 p. (In Russ.).
19. *Nevzorova N.P.* Folklore tale: typology and poetics. Belgorod: BsnRU Publ., 2002. 172 p. (In Russ.).
20. *Neklyudov S.Y.* Why are fairy tales the same? *Living antiquity*, 2004, no. 1, pp. 7–10. (In Russ.).
21. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language online. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegov/220006> (accessed: 10.28.2024). (In Russ.).
22. *Oxford Dictionary online*. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=fairy%20tale> (accessed: 06.11.2024) (In Eng.).
23. *Olshansky I.G., Guseva A.E.* Lexicology: Modern German. Moscow: Academy, 2005. 416 p. (In Russ.).
24. *Plakhova O.A.* English fairy tales in an ethnolinguistic aspect: abstract of Ph. D. thesis. Nizhny Novgorod, 2007. 24 p. (In Russ.).
25. *Propp V.Y.* Folklore and reality Moscow: Nauka, 1976. 330 p. (In Russ.).
26. *Propp V.Y.* Russian fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2000. 416 p. (In Russ.).
27. *Propp V.Y.* Problems of comedy and laughter. Moscow: Iskusstvo, 1976. 285 p. (In Russ.).
28. *Riordan J.* Folk tales of the British Isles. Collection. Moscow: Raduga, 1987. 368 p. (In Russ.).
29. *Savushkina N.I.* Hyperbolization in social and everyday satirical fairy tales. *Folklore as the art of words*, 1975, no. 3, pp. 163–165. (In Russ.).
30. *Sokolov Y.M.* Russian folklore. Moscow, 1941. 420 p. (In Russ.).
31. *Sokolov Y.M.* Russian folklore. Moscow: Publishing house of the Moscow University, 2007. 544 p. (In Russ.).
32. *Sokolova G.A.* Temporal and spatial conceptualization in the German romantic fairy tale. Moscow, 2013. 204 p. (In Russ.).
33. *Starodubchenko A.E., Semenova K.Y.* German folk tales as a reflection of the mentality of the nation. *Young scientist*, 2023, no. 3 (66), pp. 33–36. URL: <https://moluch.ru/young/archive/66/3441> (accessed: 03.19.2024). (In Russ.).
34. *Sukhorukov E.A.* Correlation of the concepts of "Folklore – literary – author's fairy tale" (on the example of modern ecological author's fairy tales). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2014, pp. 144–151. (In Russ.).
35. *Tarassenkova E.F.* The genre originality of the Russian satirical fairy tale. *Russian Folklore*. Moscow, Leningrad, 1957. Vol. 2. 385 p. (In Russ.).
36. *Explanatory dictionary of the Russian language online*. URL: <https://etymological.academic.ru/4683/сказка> (accessed: 10.28.2024). (In Russ.).
37. *Yudin Y.I.* Russian folk household tale. L., 1979. 32 p. (In Russ.).
38. *Yudin Y.I.* The fool, the fool, the thief and the devil (Historical roots of a household fairy tale). Moscow, 2006. 336 p. (In Russ.).
39. *Blum-Kulka S.* Cross Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. L., 1989. 300 p.
40. *Dinges O.* Märchen in Erziehung und Unterricht. K.: Erich Röth Verlag, 1986. 243 p. (In Germ.).
41. *Paxman J.* The English: A Portrait of a People. L., 1999. 296 p.

Статья поступила в редакцию / Received 16.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 17.11.2024

Принята к публикации / Accepted 09.12.2024

Научная статья

УДК 81.373.47

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/190-200>

Функционирование библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго

Светлана Викторовна Мариноха-Михальская¹

Научный руководитель: Ольга Васильевна Николаева²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Аспирант, claire05@mail.ru

²Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. Библеизмы представляют собой многоплановое лингвистическое явление, отражающее ценностные установки языкового сообщества. В связи с этим актуальным представляется более детальный анализ языковых единиц данной группы в русле лингвоаксиологии. Анализ выполнен на материале медиадискурса на французском языке Республики Конго. Исследование сосредоточено на тематической категоризации дискурсов, в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon». Целью данной статьи является систематизация специфических особенностей функционирования библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго.

Ключевые слова: библеизм, лингвоаксиология, дискурс, французский язык, Конго

Для цитирования: Мариноха-Михальская С.В. Функционирование библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 190–200.

Original article

Functioning of biblical terms “Ange” and “Démon” in the French language of the Republic of Congo

Svetlana V. Marinokha-Mikhalskaya¹

Scientific advisor: Olga V. Nikolaeva²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Post-Graduate Student, claire05@mail.ru

²Doctor of Philology, Department of Germanic and Romance Philology, Chair, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. Biblical terms are a multifaceted linguistic phenomenon, reflecting values of a certain society. In this regard, a more detailed linguo-axiological analysis of this part of the vocabulary is deemed relevant. The analysis is based on media discourse in the French language of the Republic

of Congo. The present study focuses on thematic systematization of the types of discourse that use the biblical terms “Ange” and “Démon”. The purpose of this paper is to categorize the specific features of the biblical terms “Ange” and “Démon”, based on their functioning in the French language of the Republic of Congo.

Key words: biblical term, linguoaxiology, discourse, French language, Congo

For citation: Marinokha-Mikhalskaya S.V. Functioning of biblical terms “Ange” and “Démon” in the French language of the Republic of Congo. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 190–200. (In Russ.).

Французский язык в Республике Конго развивается в мультилингвальной и поликультурной ситуации среди многочисленных местных языков. Вследствие этого французский язык испытывает на себе их влияние, функционирует в условиях взаимной интеграции с ними и несёт следы культурных кодов, образов, свойственных мультилингвальному языковому сообществу.

В последнее время всё большей актуальностью обладают лингвистические исследования, выполненные в русле лингвоаксиологии, имеющей в качестве своего объекта, по Н.Ф. Алифиренко, «языковую/дискурсивную деятельность, рассматриваемую с ценностно-смысловой точки зрения» [1, с. 17].

Цель данной статьи – систематизация специфических особенностей функционирования библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго. **Задачами** исследования являются: уточнить понятие «библеизм», выявить библеизмы «Ange» и «Démon» в медиадискурсе на французском языке Республики Конго, распределить библеизмы по понятийно-тематическому принципу, определить лексико-семантические особенности библеизмов «Ange» и «Démon» во французском языке Республики Конго.

Объектом данной статьи являются библеизмы «Ange» и «Démon» в медиадискурсе на французском языке Республики Конго, предметом выступают выражаемые ими ценностные смыслы в различных сферах человеческой деятельности.

Материал для данного исследования извлекался методом сплошной выборки из текстов периодических изданий «Молодая Африка» («Jeuneafrique») [13], «Республика Конго. Генеральный секретариат правительства» («SGG.Congo») [12], размещённых на электронных ресурсах, а также из официальных новостных каналов Республики Конго «Новости Африки» («Africanews») [11] и «Официальный портал Демократической Республики Конго» («Republique.CD») [14] за последние десять лет. Из данного материала для анализа было отобрано 60 фрагментов статей, в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon».

Библеизмы представляют собой многоплановое лингвистическое явление. На сегодняшний день единого общепринятого определения термина «библеизм» не существует. Профессор Е.М. Верещагин под термином «библеизм» понимает «отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [3, с. 90]. Словарь лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой определяет этот термин следующим образом: «Библеизм – англ. biblical expression. Библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [2, с. 5]. Исследователь Т.П. Ключкина в своей статье не приводит определения термина «библеизм», однако применяет его «для обозначения имён

собственных, выражений и цитат из Библии, а также тех, которые возникли на основе библейских сюжетов и текстов» [5].

Исходя из проведённого нами анализа определений данного термина, мы пришли к выводу, что он трактуется как слово (оборот речи) из Библии, вошедшее в общий язык, а также как единица языка, заимствованная из Библии или восходящая к Библии по происхождению. Данная единица языка по форме может быть выражением, фразеологическим сочетанием, афоризмом, крылатым словом.

Таким образом, актуальным представляется более детальный анализ языковых единиц данной группы с целью последующей выработки точного определения и их классификации. Кроме того, библеизмы представляют интерес не только для лингвистов, но и для литературоведов, социологов, культурологов, данное понятие является смежным для наук, а значит, интересным и проблемным для исследования. Наше внимание сосредоточено в первую очередь на систематизации дискурсов, в которых используются данные лексемы, по тематическому критерию, основанному на сферах человеческой деятельности, а также на анализе лексико-семантических особенностей данных лексем во французском языке Республики Конго.

В современном обществе ведущей сферой осуществления процессов коммуникации является пространство медиа, представляющее собой развитую сеть коммуникативно-информационных каналов. По мнению многих лингвистов, в медиасфере представлен не один дискурс, но множество. Так, исследователь Е.А. Кожемякин в статье «Массовая коммуникация и медиадискурс» говорит о существовании спортивного, автомобильного, рокерского, медицинского, политического, религиозного, педагогического и других медиадискурсов [6, с. 4].

В нашем понимании медиадискурс обладает дискурсивными характеристиками, детерминированными, прежде всего, тематикой общения. Основу методологии настоящего исследования составляет лингвоаксиологический подход, поскольку именно лингвистическая аксиология «сосредоточена на выявлении языковых особенностей, возникающих по причине ценностно-обусловленного восприятия мира» [8, с. 5]. Вместе с тем лингвоаксиологическая интерпретация предполагает «извлечение из речевого континуума ценностных суждений, которые позволяют выявить представления о том, что является для коммуникантов должным, правильным, социально и лично желанным, реконструировать презумпции и установки, которыми руководствуется человек или социальная группа» [10, с. 122]. По словам В.И. Карасика, «установление и описание лингвокультурных ценностей привлекает к себе внимание многих исследователей, поскольку ценности как высшие ориентиры поведения определяют содержание и специфику культуры в целом» [4, с. 14].

В ходе исследования было определено, что тематические виды дискурса, в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon», можно разделить на следующие категории: политический, экономический, общественно-религиозный и медицинский.

В материале нашего исследования наибольшее процентное соотношение употребления указанных библеизмов выявлено в категории политического дискурса: 57%, или 34 контекста, актуализирующие библеизмы «Ange» и «Démon». Например: «*Qui est Belkacem Laribi, l'ange gardien du président Tebboune? L'homme chargé de la protection personnelle du chef de l'État algérien*» [12] / Кто Белкасем Лариби, **ангел**-хранитель президента Теббуна? Человек, ответственный за личную охрану главы алжирского государства Абдельмаджида Теббуна.

Другим примером является следующий фрагмент: «*Le retour de l'ange. À son arrivée à Bangui après plus de cinq ans d'exil, Ange-Félix Patassé s'attendait à un accueil triomphal de la part*

de ses partisans» [11] / Возвращение **ангела**. Прибыв в Банги после более чем пятилетнего изгнания, Анж-Феликс Патассе ожидал триумфального приёма со стороны своих приверженцев.

Повествуя о различных новостях в сфере политической жизни, авторы статей употребляют лексему «ange» с целью привлечения внимания читателей и тем самым актуализируют основную ценностную доминанту – «вера». Религиозное сознание отождествляет человека с образом и подобием Ангела.

В экономическом дискурсе обнаружено меньшее количество контекстов с употреблением библеизмов «Ange» и «Démon», а именно 15, что составило 25% от общего материала исследования. Например: «*À l'heure où l'Afrique prend une part croissante dans les échanges internationaux, le Congo aspire à tirer parti du dynamisme de son économie, de ses richesses naturelles et de sa position stratégique sous les anges en tant que porte naturelle de l'Afrique centrale pour accélérer son développement*», ont souligné Augustin Matata Ponyo dans son communiqué» [14] / В то время, когда Африка принимает всё более активное участие в международной торговле, Конго для ускорения своего развития стремится воспользоваться динамикой своей экономики, природными ресурсами и своим выгодным стратегическим положением естественных ворот Центральной Африки», – подчеркнул Августин Матата Поньо в своём заявлении.

В данном случае прямая номинация лексемы «ange» во множественном числе означает «выгодное, благоприятное положение» и одновременно обыгрывается метафорически, указывает на то, что территория Конго находится под защитой ангелов.

В общественно-религиозном дискурсе выявлено 9 фрагментов статей (15%), в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon». Например, статьи, описывающие события в сфере религиозной деятельности: «*Le président palestinien Mahmoud Abbas a été qualifié par le pape «d'ange de paix». François s'exprimait lors d'une rencontre entre les deux hommes samedi au Vatican, à la veille de la canonisation de deux religieuses palestiniennes*» [13] / Президент Палестины Махмуд Аббас назвал Папу «ангелом мира». Франциск рассказал об этом во время дружеской встречи в субботу в Ватикане, накануне канонизации двух палестинских монахинь.

Приведём и другой пример: «*Pape François: des jésuites africains surpris, mais aux anges. Les jésuites d'Afrique ont été surpris comme tout le monde par l'élection du pape François. Et ils ne cachent pas leur joie*» [22] / Папа Франциск: африканские иезуиты удивлены, но на седьмом небе от счастья. Иезуиты Африки, как и все остальные, были удивлены избранием Папы Франциск. И они не скрывают своей радости.

В медицинском дискурсе найдено наименьшее количество контекстов (2 контекста, или 3%) с употреблением библеизмов «Ange» и «Démon». Например: «*Au Maroc, des malades mentaux attendent d'être libérés de leurs «démons*» [17] / В Марокко психически больные люди ждут освобождения от своих «демонов».

Вторым примером подобного рода является следующий фрагмент: «*L'Afrique n'aime pas nommer la maladie quand elle survient. Mon vieil ami Faustin Kagame, mémorialiste du Rwanda d'hier, d'avant-hier et d'aujourd'hui, a mal à sa mémoire, grignotée par un démon qui a pour nom Alzheimer*» [16] / В Африке не любят говорить о болезни, когда она возникает. У моего старого друга Фаустина Кагаме, автора мемуаров Руанды, вчера, позавчера и сегодня проблемы с памятью, которую захватил демон по имени Альцгеймер.

Медиадискурс и его виды восприимчивы к контексту актуального социального бытия, обозначенного социальным фактом. Они непосредственно направлены на общественное сознание и формирование актуального общественного мнения, а также являются зеркалом, отражающим когнитивно-аксиологических смыслов.

Таким образом, количественный анализ 60 фрагментов дискурсов, в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon», составил:

- политический дискурс – 34 контекста (57%);
- экономический дискурс – 15 контекстов (25%);
- общественно-религиозный – 9 контекстов (15%);
- медицинский дискурс – 2 контекста (3%).

Далее с помощью диаграммы представим графическое изображение данных нашего исследования, выраженных в процентном соотношении.

Рис. 1. Виды дискурса, в которых употребляются библеизмы «Ange» и «Démon»

В плане содержания религиозная лексика, в полном объёме смыслов, раскрывается исключительно в дискурсе, все коннотации, отражающие специфику, реализуются только в конкретном виде дискурса. Поскольку медиадискурс объединяет самые разные сферы человеческой деятельности, а библеизмы, относящиеся к институциональному религиозному дискурсу, окрашивают коммуникацию определённым образом, то мы можем определить денотативное и коннотативное значения библеизмов «Ange» и «Démon».

В материале нашего исследования из 60 фрагментов статей мы выделили 16 случаев употреблений анализируемых лексем, имеющих прямое денотативное значение, относящееся к религиозной концептуальной сфере. Объединение слов в одну группу осуществлялось в силу сходства и общности функций обозначаемых слов. Приведём несколько примеров таких употреблений библеизмов: «Les Congolais ont un frère, un ami au ciel... Le Père **Ange** MAMPOUYA-MA-LWANGA» [21] / У конголезцев есть брат, друг на небе... Отец **Ангел** МАМПУЯ-МА-ЛВАНГА.

Другим примером является следующий фрагмент: «*Anges de Dieu et esprits territoriaux: une religion africaine à l'épreuve de la transnationalisation*» [14] / **Ангелы** Божьи и территориальные духи: африканская религия бросает вызов транснационализации.

Исследование показало, что встречаются случаи прямой номинации имени собственного ангела / архангела Михаила: «*Saint Michel archange est célébré le 29 septembre (Saint-Michel d'automne) par l'Église catholique...*» [17] / **День святого Михаила Архангела** отмечается 29 сентября (Осенний день святого Михаила) католической церковью.

В материале нашего исследования мы обнаружили всего два контекста, в которых библеизм «*Démon*» употребляется в религиозном значении: «*Dans la tradition chrétienne, le démon est présenté comme le tourmenteur de l'humanité*» [18] / В христианской традиции **демон** представлен как мучитель человечества; «*Plusieurs termes servent à désigner la figure du mal: démon, diable, Satan*» [12] / Для обозначения фигуры зла используется несколько терминов: **демон**, дьявол, сатана.

В ходе исследования мы заметили, что черти, демоны, сатана и прочие существа адского происхождения воспринимаются как воплощения самого Дьявола и не имеют отдельных категорий. Таким образом, мы предполагаем, что демоны и бесы равнозначны библеизму «*Démon*» в представлении жителей Конго.

Особый интерес представляют библеизмы в нерелигиозном значении, когда мы выявляем дополнительное ассоциативное значение слов, которые, как правило, имеют яркую эмоциональную окраску. Например, для выражения восторга болельщиков от победы их команды в спортивном матче употребляется словосочетание «*aux-anges*», содержащие библеизм «*Ange*»: «*les-supporteurs-marocains-aux-anges*» [15] / марокканские болельщики на седьмом небе от счастья; «*Une victoire 2-1 au bout du suspense face à l'Egypte savourée sans demi-mesure par des fans aux anges*» [14] / Победа со счётом 2:1 над командой Египта в конце напряжённого матча была встречена фанатами восторженным ликованием без полумер.

В нижеследующем примере приведено название торта «*Main d'ange*» («*Рука ангела*») с использованием библеизма «*Ange*» для выражения превосходных вкусовых качеств этого продукта: «*Le tout est délicatement modelé pour donner un gâteau préparé par l'un des pâtisseries les plus prisés de Yaoundé: «Main d'ange»*» [13] / Изящное оформление – последний штрих к торту, приготовленному одним из самых любимых кондитеров Яунде, «*Рука ангела*».

Таким образом, экспрессивность речи передаётся при помощи библеизма «*Ange*» для выражения особых чувств и эмоций.

Дополнительные значения слов служат для выражения различных оттенков высказывания (оценочных, эмоциональных). Кроме того, они выступают отображением культурных традиций общества. В.Н. Цоллер в статье «*Экспрессивная лексика: семантика и прагматика*» утверждает, что коннотация включает в себя три элемента: оценочность (отрицательная или положительная характеристика предмета, явления, человека, заложенная в том или ином слове); эмоциональность и экспрессивность. Коннотация выполняет две важные функции: дополнительную семантическую и стилистическую. Дополнительные значения слов многообразны.

Коннотации бывают положительными, нейтральными, отрицательными [9]. Так, например, описывая военно-политическую ситуацию в стране, автор статьи прибегает к образному сравнению египетских солдат, вмешавшихся усмирить демонстрантов, с ангелами и демонами в вопросительной форме: «*Les militaires égyptiens, anges ou démons?*» (Египетские солдаты, **ангелы** или **демоны**?), – предлагает он читателям самостоятельно дать ответ и выбрать сторону.

Важно отметить, что в связи со сложной политической ситуацией в Республике Конго множество новостных статей описывают межрелигиозные и политические сражения. Складывается впечатление, что страна разделена на два лагеря: одни примыкают к миротворцам, возлагают веру и надежду на прекращение военных действий, улаживание трудноразрешимого конфликта, другие разжигают пожары насилия.

В материале нашего исследования мы находим подтверждения данной ситуации: «*Anges de Dieu et esprits territoriaux: une religion africaine à l'épreuve de la transnationalisation*» [20] / **Ангелы** Божьи и духи местных территорий: африканская религия испытывает на себе транснациональность. Другими примерами являются следующие фрагменты: «*Le prêtre Ndjim-bi-Tshiende face au démon du racisme*» [20] / Священник Нджимби-Ченде сталкивается с **демоном расизма**; «*C'était l'une de ses promesses de campagne: combattre «le démon de la corruption» dans son pays*» [24] / Это было одно из его предвыборных обещаний: бороться с «**демоном коррупции**» в своей стране; «*Le retour des vieux démons. La tenue d'une élection fin novembre à Jos a provoqué des émeutes qui ont fait plus de deux cents morts. Au-delà de ce bilan macabre, les violences interreligieuses sont devenues un phénomène récurrent*» [12] / Возвращение **старых демонов**. Проведение выборов в конце ноября в Джосе спровоцировало беспорядки, в результате которых погибло более двухсот человек. Помимо этих жутких потерь, межрелигиозное насилие стало повторяющимся явлением.

Экспрессивные образы демонов, провоцирующих расизм, коррупцию, военные действия и межрелигиозные конфликты, являются зеркалом, отражающим современную действительность, с одной стороны, и, с другой – указывают на важную для жителей Конго ценность «вера».

Образ демона встречается не только в политическом, экономическом дискурсах, но и медицинском: «*Derrière les hauts murs, des âmes troublées de malades mentaux attendent d'être délivrées des «démons» qui les possèdent*» [17] / За высокими стенами обеспокоенные души психических больных ждут освобождения от овладевшими ими «**демонами**».

Средства массовой информации в Республике Конго привлекают внимание читателей, создают более целостный и экспрессивный образ политических и экономических деятелей страны. Тем самым коннотации влияют на чувства читателя, дают чёткое представление о приятии или неприятии ситуации, личности, взывают к религиозным и моральным ценностям реципиента. Благодаря короткой и ёмкой фразе (библейзму) читатель визуализирует историю на основе описаний, данных автором публицистической статьи с положительной или отрицательной коннотацией, создающей определённый образ и соответствующие впечатления.

Таблица 1

Лексико-семантические группы библейзмов

Библейзмы			
«Ange»		«Démon»	
тема	количество, %	тема	количество, %
«Ангел-хранитель»	72	«Демон/Дьявол» (агрессор/провокатор)	53
«Ангел-спаситель»	16	«Демон войны»	34
«Ангел мира»	7	«Демон расизма»	10
«Святой»	5	«Демон коррупции»	3

В рамках проведённого исследования были выделены основные лексико-семантические группы библейзмов «Ange» и «Démon», терминологические единицы распределены согласно тематическим группам посредством лексикографического анализа. Объединение слов в одну группу осуществлялось в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов, явлений и процессов. В таблице 1 мы классифицировали библейзмы «Ange» и

«Démon» по тематическому признаку.

Таким образом, самое частотное в употреблении словосочетание «Ангел-хранитель» – добрый дух, данный человеку Богом для помощи в сложной ситуации или защиты от трудностей этого мира. Согласно христианству (основной религии в Республике Конго) ангел-хранитель даётся каждому человеку при рождении.

Важно отметить, ангел-хранитель – небесное создание, никогда не жившее на Земле. А «Святой» заступник – это реальная историческая персона, когда-то жившая в человеческом образе среди людей, но за богоугодные поступки или мученическую смерть она была взята Господом в Царствие Небесное и причислена к лику святых.

В материале нашего исследования мы находим интересные примеры, репрезентирующие данный образ: «*Gloria Mika, mannequin qui se voit «ange gardien» des élections au Gabon. Gloria Mika a des «doutes sur la transparence» de l'élection présidentielle au Gabon. Aussi, ce jeune mannequin veut agir. Elle court, téléphone et enchaîne les nuits blanches, rivée sur son ordinateur, en quête d'anges gardiens pour surveiller le scrutin du 30 août*» [21] / Глория Мика, модель, считающая себя «ангелом-хранителем» выборов в Габоне. Глория Мика «сомневается в прозрачности» президентских выборов в Габоне. Также эта молодая модель активно действует. Она бегает, звонит и проводит бессонные ночи, приклеенная к компьютеру в поисках «ангелов-хранителей», которые будут следить за голосованием 30 августа.

В данном случае автор статьи наделяет человека качествами ангела-хранителя с целью создания положительного образа у читателей и связи его с проводником воли Господа Бога. Ангелы служат духовными наставниками человека, ведут счёт плохим и хорошим поступкам. В народном сознании они часто отождествляются с совестью.

«*Espoir et doute après la visite de Hollande. «Ange gardien» pour les uns, chef militaire d'une opération «vouée à l'échec» pour les autres...»* [23] / После визита Олланда появились надежда и сомнения. «Ангел-хранитель» для одних, военный руководитель операции, «обречённой на провал», для других.

В данном случае политического деятеля называют ангелом-хранителем, который, с одной стороны, работает на благо общества, представляет интересы государства или региона, с другой – по религиозным представлениям является покровителем и защитником.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что духовная ценность «вера» имеет большое значение для жителей Республики Конго. Многократное обращение к ценности «вера», вербализованной библеизмами «Ange» и «Démon», говорит о религиозных установках, ценностных ориентирах, стереотипах и эталонах культуры общества в Республике Конго. Религиозные ценности – социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро и зло. Они представляют собой убеждения, к которым следует стремиться. Религиозные ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном и идеалом для всех людей. Библеизмы «Ange» и «Démon» со своей образной системой, яркой выразительностью и глубоким нравственным смыслом являются значимыми языковыми единицами, отражающими религиозные ценности в дискурсе массмедиа Республики Конго. В аксиологии ранжирование ценностей совершается от низших (материальные, всё то, что делается из эгоистических или корыстных убеждений) к высшим (высоконравственное существо, «вечные» ценности) или наоборот, что определяет их иерархию. В нашем случае библеизм «Démon» (демон) мы можем отнести к ценности низшего порядка, а «Ange» (ангел) – высшего,

вместе с этим библеизмы «Ange» и «Démon» являются религиозными регуляторами того, какой выбор совершает тот или иной индивид в системе своего поведения.

Аксиологическое измерение религиозной лексики, с одной стороны, фиксирует ценностные установки африканского социума, с другой – оказывает воздействие на реципиента, с целью организации и управления общественно-политическими доминантами и нормами, регулирующими жизнь членов данного общества.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2014. 288 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
3. *Верещагин Е.М.* Библейская стихия русского языка // Русская речь. 1993. № 1. С. 90–98.
4. *Карасик В.И.* Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография. Отв. ред. М.С. Милованова. М. – Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
5. *Клюкина Т.П.* Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов. URL: <http://samlib.ru> (дата обращения: 16.11.2024).
6. *Кожмякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 11. № 2(73). С. 4.
7. *Мазаева А.Ю.* Фразеологизмы идеографического поля «Визуальное восприятие действительности» как объект словарного описания // Вестник ОГУ – Оренбург: Изд-во ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», 2006. № 11. С. 129–132.
8. *Николаева О.В.* Аксиологические аспекты семантики полинезийских этнических паремий // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 1. С. 3–12.
9. *Цоллер В.Н.* Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика // Филологические науки, 1996. № 6. С. 63–71.
10. *Шалина И.В., Пикулева Ю.Б.* К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 121–132.
11. Africanews. Официальный сайт новостного канала «Новости Африки»: URL: <https://fr.africanews.com> (дата обращения: 16.11.2024).
12. SGG.Congo/République du Congo Secrétariat Général du Gouvernement. «Республика Конго. Генеральный секретариат правительства». URL: www.sgg.cg/fr/journal-officiel (дата обращения: 16.11.2024).
13. Официальный сайт журнала «Молодая Африка»: URL: www.jeuneafrique.com (дата обращения: 16.11.2024).
14. Republique.CD./le Portail Officiel de la République Démocratique du Congo. Официальный портал Демократической Республики Конго. URL: <https://republique.cd> (дата обращения: 16.11.2024).
15. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://fr.africanews.com/2024/01/18/> (дата обращения: 16.11.2024).
16. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка».

- URL: <https://www.jeuneafrique.com/857632/culture/rwanda-la-memoire-en-danger-de-faustin-kagame/> (дата обращения: 16.11.2024).
17. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.jeuneafrique.com/depeches/19115/politique/au-maroc-des-malades-mentaux-attendent-detre-liberes-de-leurs-demons/> (дата обращения: 16.11.2024)
18. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://fr.africanews.com/2024/01/08/paraguay-a-lepiphanie-les-afro-descendants-fetent-saint-balthazar/> (дата обращения: 16.11.2024).
19. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://fr.africanews.com/2023/03/04/congo-emmanuel-macron-rencontre-denis-sassou-nguesso-a-brazzaville/> (дата обращения: 16.11.2024).
20. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.africaintelligence.com/tags/ange-felix-patasse> (дата обращения: 16.11.2024).
21. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.jeuneafrique.com/158748/politique/gloria-mika-l-ange-gardien-de-la-pr-sidentielle/> (дата обращения: 16.11.2024).
22. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.jeuneafrique.com/137970/societe/pape-fran/> (дата обращения: 16.11.2024).
23. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.jeuneafrique.com/148386/politique/centrafrique> (дата обращения: 16.11.2024).
24. Jeuneafrique. Официальный сайт журнала «Молодая Африка». URL: <https://www.jeuneafrique.com/262195/politique/nigeria-president-buhari-naurait-136-000-euros-compte/> (дата обращения: 16.11.2024).

References

1. Alefirenko N.F. Linguoculturology. Value-semantic space of language. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2014. 288 p. (In Russ.).
2. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1966. 607 p. (In Russ.).
3. Vereshchagin E.M. Biblical element of the Russian language. *Russian speech*, 1993, no. 1, pp. 90–98. (In Russ.).
4. Karasik V.I. General and Russian linguoaxiology: Collective monograph. Chief editor M.S. Milovanova. M. – Yaroslavl: Chancellor Publ., 2022. 390 p. (In Russ.).
5. Klyukina T.P. Features of the use and translation of English and Russian biblical studies. URL: <http://samlib.ru> (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).
6. Kozhemyakin E.A. Mass communication and media course: on research methodology. *Scientific statements of Belgorod State University*. Series: Humanities. 2010, vol. 11, no. 2(73), pp. 4. (In Russ.).
7. Mazaeva A. Yu. Phraseologisms of the ideographic field "Visual perception of reality" as an object of dictionary description. *Bulletin of OSU*. Orenburg: Orenburg State University Publ., 2006, no. 11, pp. 129–132. (In Russ.).
8. Nikolaeva O.V. Axiological aspects of the semantics of Polynesian ethnic paremia. *Far Eastern Philological Journal*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.).
9. Zoller V.N. Expressive vocabulary: Semantics and pragmatics. *Philological sciences*, 1996, no. 6, pp. 63–71. (In Russ.).

10. *Shalina I.V., Pikuleva Yu. B.* On the problem of methodology description of linguistic and axiological analysis (based on the material of dialogical communication of vernacular linguistic culture representatives). *Scientific dialogue*, 2016, no. 11(59), pp. 121–132. (In Russ.).
11. Africanews. Africa News Official Website. URL: <https://fr.africanews.com> (accessed: 16.11.2024).
12. SGG.Congo/République du Congo Secrétariat Général du Gouvernement. "Republic of the Congo. General Secretariat of Government". URL: www.sgg.cg/fr/journal-officiel (accessed: 16.11.2024).
13. Official website of the magazine "Little Africa": URL: www.jeuneafrique.com (accessed: 16.11.2024).
14. Republique.CD./le Portail Officiel de la République Démocratique du Congo. Official Portal of the Democratic Republic of the Congo. URL: <https://republique.cd> (accessed: 16.11.2024).
15. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://fr.africanews.com/2024/01/18/> (accessed: 16.11.2024).
16. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/857632/culture/rwanda-la-memoire-en-danger-de-faustin-kagame/> (accessed: 16.11.2024).
17. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/depeches/19115/politique/au-maroc-des-malades-mentaux-attendent-detre-liberes-de-leurs-demons/> (accessed: 16.11.2024).
18. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://fr.africanews.com/2024/01/08/paraguay-a-lepiphanie-les-afro-descendants-fetent-saint-balthazar/> (accessed: 16.11.2024).
19. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://fr.africanews.com/2023/03/04/congo-emmanuel-macron-rencontre-denis-sassou-nguesso-a-brazzaville/> (accessed: 16.11.2024).
20. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.africaintelligence.com/tags/ange-felix-patasse> (accessed: 16.11.2024).
21. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/158748/politique/gloria-mika-l-ange-gardien-de-la-pr-sidentielle/> (accessed: 16.11.2024).
22. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/137970/societe/pape-fran/> (accessed: 16.11.2024).
23. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/148386/politique/centrafrique> (accessed: 16.11.2024).
24. Jeuneafrique. Official website of the magazine "Little Africa". URL: <https://www.jeuneafrique.com/262195/politique/nigeria-president-buhari-naurait-136-000-euros-compte/> (accessed: 16.11.2024).

Статья поступила в редакцию / Received 27.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 06.12.2024

Принята к публикации / Accepted 11.12.2024